Ибаро

ЧТО ВИДЕТЬ ГЕРМАНІИ

отъ Жюбина

ИНСТИТУТ ЛЕНИНА
БИБЛИОТЕКА
ВЕ351
И128

[Авто]О

ЧЕГО ЖДЕТЪ ГЕРМАНІЯ ОТЪ ВОЙНЫ

BE351
И128

Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями:

Либкнехтомъ, К. Бернштейномъ, Э. Листомъ, Фр. проф. Зерингомъ, М. Зюдекумомъ, А. мин. Дельбрюкомъ, Шиманомъ, Т. и др.

Редакція, примѣчанія и предисловіе
Р. Стрѣльцова.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“.

Библиотека Института В. И. Ленина

Либер
X

ЧЕГО ЖДЕТЪ ГЕРМАНІЯ отъ ВОЙНЫ.

Бесѣды съ германскими общественными дѣятелями:

Либкнехтомъ, К. Бернштейномъ, Э. Листомъ, Фр. проф. Зерингомъ, М. Зюдекумомъ, А. мин. Дельбрюкомъ, Шиманомъ, Т. и др.

Переводъ З. Венгеровой и Н. М. Лагова.

Редакція, примѣчанія и предисловіе
Р. Стрѣльцова.

КН-ВО „ПРОМЕТЕЙ“
Н. Н. МИХАЙЛОВА.

1-й экз.

Библиотека Института В. И. Ленина

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2008

ВЕ351
И 128

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
№ 6536
1926
184404

ИНВЕНТАРИЗАЦИЯ
2009

ТИПОГРАФІЯ
„ПЕЧАТНЫЙ ТРУДЪ“
ПЕТРОГРАДЪ, ПРАЧЕШНЫЙ ПЕР., 4.

Оглавленіе.

Стр.

Предисловіе 7

Прибытіе въ Берлинъ 25

Политическія партіи.

I. Директоръ германскаго національнаго банка г. Виттингъ.—Депутатъ рейхстага г. фонъ-Листъ.—Депутатъ и совѣтникъ посольства баронъ фонъ-Рихтгофенъ 31

II. Г. Гекшеръ, директоръ Гамбургъ-Американской линіи, самъ записываетъ свою бесѣду. — Что сказалъ директоръ Deutsche Bank г. фонъ-Гвиннеръ.—Разсужденія герцога Трахенберга, князя Гатцфельдта 39

III. Эдуардъ Бернштейнъ о поведеніи соціалистической партіи.—„Нѣсколько городовыхъ и одинъ сержантъ усмирятъ всякій бунтъ“, утверждаетъ Зюдекумъ 45

IV. „Это война предупредительная, т.-е. вещь абсурдная,“—заявляетъ Карлъ Либкнехтъ.—„Жестъ Либкнехта не имѣетъ никакого значенія и о немъ никто не безпокоится“, возражаетъ директоръ министерства внутреннихъ дѣлъ г. Левальдъ 52

Стр.

V. Замѣститель канцлера, министръ внутреннихъ дѣлъ, г. Дельбрюкъ.—„Правительство не сдѣлаетъ соціалистамъ никакихъ уступокъ".—Объясненіе германской финансовой политики, написанное самимъ министромъ 57

Внѣшняя политика.

I. Историкъ, профессоръ и другъ императора, г. Шиманъ: „Нашъ врагъ, это—Англія".—„Нашъ императоръ безпрестанно трудился въ интересахъ мира" 61

II. „Если Германія будетъ побѣждена, то мы потеряемъ лѣвый берегъ Рейна и прусскія провинціи къ востоку отъ Вислы", говоритъ профессоръ Зерингъ.—Нѣсколько другихъ профессоровъ: гг. Людвигъ Штейнъ, Бургессъ и Донатъ 68

III. Г. фонъ-Листъ: „Въ случаѣ треній между Германіей и Австріей, мы произведемъ аннексію эрцгерцогства Австрійскаго".—Гг. Гекшеръ и Гансъ Крюгеръ.—„Эта война за власть капитализма",—говоритъ Карлъ Либкнехтъ.—„Ни Франція, ни Англія не хотѣли войны",—утверждаетъ соціалистъ Бернштейнъ 73

IV. „Весною мы задержимъ Россію и бросимъ на Францію милліонъ людей". „Мы принудимъ къ миру Россію и Францію". „Мы раздавимъ Сербію". „Италія не двинется съ мѣста"... Такъ утверждаетъ депутатъ и совѣтникъ посольства баронъ фонъ-Рихтгофенъ 79

V. Г. Виттингъ: „Мы принуждены будемъ прибѣгнуть къ полной регламентаціи питанія". „Насъ могутъ принудить покинуть занятыя нами территоріи".—Статсъ-секретарь министерства Иностранныхъ Дѣлъ г. Циммерманъ: „Германія заключитъ миръ своими собственными средствами" 85

Германское общественное мнѣніе и война.

I. Насколько освѣдомлены народъ и средніе классы.—Печать.—Нѣсколько профессоровъ 91

II. Профессоръ химіи Лейпцигскаго Университета Вильгельмъ Оствальдъ: „Изъ Европы нужно создать одно организованное цѣлое". „Его мозгомъ будетъ Германія, такъ какъ она одна обладаетъ секретомъ организующей культуры" 99

Стр.

II. Директоръ королевской библіотеки въ Берлинѣ г. фонъ-Гарнакъ.—Профессоръ Шиманъ.—Профессоръ Берлинскаго университета г. Вильгельмъ Ферстеръ 104

III. Философъ Эйкенъ: „Если-бы Англія хотѣла мира, она повліяла бы на Петроградъ".—Натуралистъ Геккель: „Виновница всего—Англія... Въ началѣ мы могли надѣяться на побѣду... Но теперь положеніе измѣнилось": 108

IV. Г. фонъ-Листъ: „Мы хотѣли закрѣпить нашу солидарность съ военнымъ элементомъ". Профессоръ мюнхенскаго университета г. Ф. В. Ферстеръ: „Университетскіе профессора—умы отсталые". Г. Ад. Лассонъ: „Кайзеръ невиненъ, какъ ребенокъ" 113

V. Швейцарское предложеніе: „Журналъ народовъ".—Бесѣда съ профессоромъ бернскаго университета Геберлиномъ.—Французскій отвѣтъ 118

Финансовое и экономическое положеніе.

I. Г. фонъ-Гавенштейнъ, директоръ Reichsbank.—Г. фонъ-Гвиннеръ директоръ Deutsche Bank: „Наибольшій недостатокъ ощущается у насъ въ мѣди" 122

II. Г. Витингъ директоръ Германскаго Національнаго Банка: „Мы вынуждены будемъ регламентировать вопросъ о продовольствіи". Докторъ Рисеръ: „То, что мы утверждаемъ, полная правда... У насъ нѣтъ тайнъ" 127

III. Экономистъ профессоръ Зерингъ.—Представитель рабочихъ профессіональныхъ союзовъ Бауместеръ 131

IV. Экономистъ-дипломатъ г. фонъ-Рихтгофенъ: „Намъ предстоятъ затрудненія; они увеличатся съ дальнѣйшимъ теченіемъ войны". Два соціалиста, гг. Зюдекумъ и Бернштейнъ: „Наше финансовое благополучіе только показное" 135

V. Выводы 139

Германіи недостаетъ 25% продуктовъ, нужныхъ для продовольствія страны 147

Металлургическій кризисъ очень серьезенъ.—Въ Германіи недостатокъ мѣди, никкеля, аллюминія.—Ей недостаетъ также селитры 152

Заключеніе 156

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Предлагаемая книга составилась изъ статей испанскаго журналиста г. Ibero, напечатанныхъ впервые въ парижской газетѣ „Echo de Paris“. При своемъ появленіи статьи обратили на себя вниманіе читающей публики не только во Франціи, но и за предѣлами ея. Германская пресса отмѣтила безпристрастіе автора и тѣмъ самымъ признала аутентичность собраннаго г. Ibero матеріала. Корреспонденты русскихъ газетъ широко использовали этотъ матеріалъ въ своихъ телеграммахъ, забывъ изъ скромности упомянуть объ источникѣ своей информаціи. Когда нужно, корреспонденты умѣютъ и молчать.

Собранный г. Ibero матеріалъ почерпнутъ не изъ книгъ, не изъ газетъ, не изъ печатной бумаги вообще. Все, или почти все, о чемъ г. Ibero пишетъ, онъ слышалъ, слышалъ непосредственно, „съ первыхъ устъ“. Передъ нами не пересказъ письменныхъ упражненій, а бѣглая запись живой человѣческой рѣчи, карандашные „наброски съ натуры“. Какъ во всѣхъ „наброскахъ“, въ нихъ отмѣчено только самое существенное и важное. Детали сознательно опущены, вниманіе сосредоточено только на главномъ. Немногими штрихами обрисовано то, что въ дѣйствительности являетъ собою сложнѣйшую сѣть линій, безконечную гамму красокъ. Что въ другихъ случаяхъ было бы недостаткомъ, является тутъ несомнѣннымъ достоинствомъ. Благодаря „упрощенію“, опредѣленные факты выступаютъ съ особой рельефностью.

Отправляясь въ Германію, чтобы на мѣстѣ изучить создавшееся положеніе, г. Ibero не ставилъ себѣ сложныхъ задачъ. Онъ не думалъ объ осужденіи или обличеніи и все свое вниманіе обратилъ на то, чтобы заставить германцевъ высказаться. Роль г. Ibero—роль рупора. Его „устами“ говорятъ сами нѣмцы. Читая настоящіе наброски, мы „слышимъ“ рѣчи, сказанныя недавно на враждебныхъ берегахъ Шпрее. Но живой рупоръ отличается отъ мертваго. Г. Ibero не послушный инструментъ, рабски передающій дальше, что̀ извѣстнымъ лицамъ хотѣлось бы повѣдать міру. Онъ не только „слушаетъ“, онъ заставляетъ говорить. Въ его статьяхъ мы имѣемъ не столько то, что германцы нашли нужнымъ пустить въ обращеніе, сколько то, что одинъ изъ противниковъ нашелъ нужнымъ узнать отъ нихъ. Въ этомъ смыслѣ и значеніе этой книги. Она является историческимъ документомъ въ двоякомъ отношеніи. Она даетъ представленіе о томъ, какъ рисуютъ себѣ положеніе германцы, а одновременно съ этимъ показываетъ, что̀ именно интересуетъ въ нынѣшней Германіи средняго „наблюдателя“. Для уясненія послѣдняго важно, разумѣется, не только то, о чемъ говорится въ книгѣ г. Ibero, но и то, о чемъ въ ней нѣтъ ни слова.

Появленіе русскаго перевода статей г. Ibero нельзя не привѣтствовать. Переводъ германской „Бѣлой книги“ ознакомилъ русское общественное мнѣніе съ тѣмъ, какъ оффиціальная Германія вовлекла Европу въ пучину неслыханныхъ бѣдствій. Изъ предлагаемой книги читатель узнаетъ о томъ положеніи, въ какомъ очутилась Германія послѣ вызванной ею катастрофы и какъ оцѣниваютъ это положеніе авторитетные представители оффиціальнаго и неоффиціальнаго германства. Русское общество, мы увѣрены, внимательно выслушаетъ то, что имѣетъ сказать о себѣ враждебная сосѣдка. Выслушать врага необходимо не только

по чувству справедливости, но и по соображеніямъ практическаго свойства. Чтобы побѣдить, нужно знать. „Знаніе—сила". Этотъ афоризмъ пригоденъ не только для нуждъ внутренней политики, но и для катехизиса международной борьбы. Съ этой точки зрѣнія статьи г. Ibero заслуживаютъ самаго внимательнаго отношенія.

Главная, и въ сущности единственная, задача г. Ibero заключалась, какъ сказано, въ томъ, чтобы собрать надежныя свѣдѣнія изъ первыхъ рукъ. Эту задачу онъ выполнилъ въ общемъ блестяще. Ему удалось повидать и разспросить людей самыхъ разнообразныхъ направленій и положеній и сосредоточить въ своихъ статьяхъ богатый матеріалъ объ экономическомъ положеніи, о политическихъ теченіяхъ и общественномъ умонастроеніи. Этотъ матеріалъ имѣетъ большое значеніе и читатель ознакомится съ нимъ съ большимъ интересомъ.

Къ сожалѣнію, однако, г. Ibero не ограничился ролью информатора и въ нѣкоторыхъ (довольно рѣдкихъ) случаяхъ высказываетъ и свои сужденія о смыслѣ и значеніи зарегистрованныхъ имъ фактовъ. Съ этими сужденіями мы не можемъ согласиться, считая ихъ черезчуръ поспѣшными. Мы не можемъ присоединиться, напримѣръ, къ мысли, что нѣтъ нужды доискиваться, кто отвѣтственъ за разразившуюся катастрофу—Вильгельмъ-ли, его правительство или какіе-либо другіе элементы германскаго народа. Всѣ виновны, говоритъ г. Ibero, ибо де германская раса по существу воинственная раса и германскій народъ въ цѣломъ добивался войны.

Такое сужденіе было бы допустимо лишь въ томъ случаѣ, если бы мы сознательно закрыли глаза на реальную дѣйствительность и стали разсматривать Германію, какъ единый недѣлимый организмъ. На самомъ же дѣлѣ мы имѣемъ дѣло не съ не-раздѣльнымъ организмомъ, всѣ части

котораго связаны въ гармоническое цѣлое, а съ сложнымъ сплетеніемъ противоборствующихъ и по существу непримиримыхъ элементовъ. Если война на время затушевала эту непримиримость, то во всякомъ случаѣ до войны она была до осязательности ощутима. Если одни элементы германскаго народа страстно хотѣли войны, то другіе столь же страстно боролись противъ воинственной горячки и напрягали всѣ усилія, чтобы избавить свой народъ и человѣчество отъ ужасовъ международнаго катаклизма. Эти элементы и теперь идутъ по тому же пути и разумная политика не должна закрывать глазъ на это обстоятельство. Наоборотъ, она должна своевременно учесть значеніе этого фактора въ общемъ развитіи дальнѣйшихъ событій.

Не германскій народъ въ цѣломъ, а „военная партія“ виновата и отвѣтственна за разразившуюся катастрофу. Германскій народъ введенъ въ заблужденіе и его содѣйствіе правительству и „военной партіи“ будетъ длиться лишь до тѣхъ поръ, пока не разсѣется облако сознательной и безсознательной лжи.

Изъ кого состоитъ „военная партія“?

Точно описать составъ послѣдней, конечно, невозможно, но съ нѣкоторымъ приближеніемъ къ истинѣ можно указать на цѣлый рядъ относящихся сюда группъ. Въ первую голову къ послѣдней приходится причислить нѣкоторые придворные круги, въ особенности рядъ лицъ, окружающихъ кронпринца. Помимо этого существовалъ и существуетъ еще цѣлый рядъ организацій, культивировавшихъ военное дѣло и пропагандировавшихъ пангерманскія идеи. Къ этимъ организаціямъ принадлежалъ извѣстный Flottenverein (Флотскій союзъ), затѣмъ сравнительно недавно созданный Wehrverein (Военный союзъ) и общества, извѣстныя подъ именемъ Reichsverband zur Bekämpfung der Sozialdemokratie (Имперскій союзъ для борьбы съ соціалдемократіей;

вскорѣ послѣ начала войны это общество закрылось), Verein zur Verbreitung des Deutschtums im Osten unseres Vaterlandes (Союзъ для распространенія германства на востокѣ нашего отчества), der Kolonialverein (Колоніальный союзъ) и такъ далѣе. Нѣкоторые изъ этихъ „ферейновъ“ располагали огромнымъ количествомъ членовъ (въ Flottenverein, напримѣръ, было больше милліона), и значительными капиталами. Посредствомъ устнаго и печатнаго слова и активной организаторской дѣятельностью, они оказывали далеко не ничтожное вліяніе на ходъ и исходъ очередныхъ общественныхъ вопросовъ. На выборахъ въ различные органы самоуправленія и законодательства они энергично поддерживали кандидатовъ „патріотическихъ“ партій, отстаивавшихъ націоналистическіе и шовинистическіе „идеалы“. На парламентскихъ выборахъ 1906—7 года они оказали большое вліяніе на кампанію, направленную преимущественно противъ соціалдемократіи.

Стремясь и подталкивая Германію къ войнѣ, военная партія, или ея идеологи, полагала, что такимъ путемъ она поможетъ странѣ подняться на высшую культурную ступень, на которой нѣмецкій народъ разовьетъ скрытую въ немъ культурную энергію. Идеологи военной партіи исходили изъ взгляда, что борьба является естественнымъ состояніемъ всего живого, и что война есть только одинъ изъ видовъ естественнаго состоянія человѣческого общества... Люди стремятся къ наживѣ, ихъ обуреваетъ жажда наслажденій, чувства зависти, честолюбія, и это неизбѣжно должно привести къ столкновеніямъ, конфликтамъ, борьбѣ. Въ государствѣ борьба умѣряется государственной властью, озабоченной тѣмъ, чтобы низменные инстинкты не доминировали въ дѣйствіяхъ гражданъ. Но въ международной жизни этого сдерживающаго элемента нѣтъ и не можетъ быть. Война всѣхъ противъ всѣхъ является обязательнымъ спутникомъ между-

народныхъ отношеній. „Отношенія между государствами, говоритъ одинъ изъ такихъ идеологовъ, опредѣляются безпрерывной борьбой за матеріальныя блага, за власть, за господство. Право почитается лишь до тѣхъ поръ, пока оно совмѣстимо съ выгодой... При столкновеніи непримиримыхъ интересовъ война неизбѣжна, чтобы устранить несправедливость и чтобы создать для жизнеспособныхъ народныхъ силъ необходимыя условія существованія“ (см. Bernhardi; General der Kavalerie: „Unsere Zukunft.“ Berlin. 1912, стр. 59) Здѣсь, такимъ образомъ, совершенно отрицался историческій, т.-е. преходящій, измѣняющійся характеръ международныхъ отношеній. Кулакъ господствовалъ до сихъ поръ, кулакъ будетъ господствовать и впредь. Такъ было, такъ будетъ. При этомъ непонятно только, откуда могла появиться „несправедливость“ въ международныхъ отношеніяхъ. Несправедливость—понятіе этико-правовое и совершенно непримѣнимо къ отношеніямъ, покоящимся на голой силѣ.

Война для идеологовъ военной партіи была желательна не только съ точки зрѣнія естественно-біологической, но и съ точки зрѣнія нравственнаго порядка. „Война, говорилъ Бернгарди, необходимое средство культуры“. „Война, ведомая рыцарски, честнымъ оружіемъ, является болѣе нравственной формой борьбы, нежели та, которая подъ покровомъ мира ведется посредствомъ силы денегъ и безпощадной политической интриги“. Бернгарди забывалъ при этомъ, что въ наше время только оборонительная война способна вызвать идеальныя чувства высокаго самопожертвованія и героизма. Войны другого порядка приводятъ лишь къ разнузданности и разбою, къ звѣриной ожесточенности и безчеловѣчной кровожадности. Именно наступательнымъ характеромъ германской провокаціи приходится объяснить цѣлый рядъ тѣхъ безсмысленныхъ жестокостей, которыми опозорила себя германская военщина въ первые дни евро-

пейской войны. На примѣрѣ мексиканскихъ внутреннихъ и европейскихъ колоніальныхъ войнъ также видно, что не всякая война таитъ въ себѣ нравственныя начала.

Что же касается „силы денегъ“ и „политической интриги“, то, вѣдь, эти моменты и въ военномъ дѣлѣ играютъ далеко не послѣднюю роль. Не разъ уже въ англійскомъ и германскомъ парламентахъ указывалось, что современная военная промышленность таитъ въ себѣ тенденцію къ тому, чтобы провоцировать военныя столкновенія. Нынѣшнія войны могутъ диктоваться и диктуются исключительно стремленіемъ къ барышамъ, и широко развѣтвленная пресса, поддерживаемая деньгами „пушечныхъ королей“, съ успѣхомъ выполняетъ свою роль подстрекателей и поджигателей.

Высоко цѣня „культурную“ роль войны, военная партія Германіи имѣла не менѣе высокія представленія о значеніи германизма для современной культуры. По ея мнѣнію, германцы, а въ особенности нѣмцы (Deutsche) являются „главнѣйшими (die eigentlichen) носителями всей современной культуры, наложивъ печать своего существа почти на всѣ народы“. Послѣ франко-прусской войны значеніе нѣмцевъ въ мірѣ необычайно возросло. Изъ государства въ приблизительно сорокъ милліоновъ, Германія стала вдругъ имперіей въ 65 милліоновъ, при чемъ ежегодный приростъ ея достигаетъ около милліона человѣкъ. Въ хозяйственномъ отношеніи развитіе послѣ 1870—71 года характеризуется необыкновеннымъ ростомъ индустріи. За истекшіе 45 лѣтъ Германія успѣла превратиться въ индустріальное государство, завязавшее торговыя сношенія съ народами всего міра. Развитіе промышленности и торговли привело къ развитію торговаго мореплаванія, и въ періодъ, предшествовавшій войнѣ, торговый флотъ Германіи являлся вторымъ по величинѣ (послѣ англійскаго). Пассажирское сообщеніе, организованное извѣстной гамбургско-американской линіей

и другими германскими пароходными обществами, въ свою очередь указывало на необычайный ростъ торговаго судоходства. По подсчетамъ германскаго „Флотскаго союза“ (Flottenverein), германское судоходство съ 1893 по 1909 г. увеличилось съ 133.874 до 219.761 судовъ, т.-е. круглымъ счетомъ на 86.000 судовъ, или, иначе, на 64% (см. Deutschland, sei wach! Berlin, 1912 стр. 164). Особенно большой приростъ падаетъ на тоннажъ, который увеличился болѣе, чѣмъ вдвое (съ 27½ милліоновъ). Наибольшія доли увеличенія падаетъ, конечно, на паровыя суда, число которыхъ поднялось съ 62 тыс. до 144, а тоннажъ съ 23 милл. до 51 милл.

Вмѣстѣ съ судоходствомъ развилась и внѣшняя торговля Германіи. При основаніи имперіи послѣдняя почти не существовала; передъ войной она почти догнала внѣшнюю торговлю Англіи. Въ 1912-мъ году вся внѣшняя торговля Великобританіи оцѣнивалась въ 27 милліардовъ, въ то время, какъ Германія за тотъ же годъ сбыла и пріобрѣла товаровъ болѣе, чѣмъ на 21 милліардъ марокъ. Замѣчательно при этомъ, что за послѣднія десять лѣтъ доля великобританской торговли падала, таковая же Германіи постепенно увеличивалась. Въ 1903 году, напримѣръ, цѣнность внѣшней торговли Великобританіи составляла 18,1% всей міровой торговли; въ 1911 г. она составляла, однако, всего 16,4%. Германская же торговля за тотъ же промежутокъ времени повысила свою часть съ 11,5% до 12,5%. Этимъ, однако, не исчерпывалось участіе Германіи въ міровой торговлѣ. По утвержденію Бернгарди, „большая часть англійской торговли организована нѣмецкими фирмами, и предпринимательская прибыль попадаетъ въ составъ германскаго національнаго дохода. Въ Африкѣ египетскій хлопокъ вывозился преимущественно нѣмецкими коммерсантами, а въ южной и восточной Азіи многочисленные нѣмецкіе торговые дома служили посредниками при распространеніи англій-

скихъ товаровъ. Гонконгъ, крупнѣйшій торговый центръ южнаго Китая, развился главнымъ образомъ благодаря содѣйствію нѣмцевъ. Въ Цейлонѣ, Сингапурѣ, Шанхаѣ и т. д. руководящія фирмы находятся въ нѣмецкихъ рукахъ, а Циндао, единственное владѣніе Германіи на восточномъ побережьѣ Азіи (нынѣ отвоеванное японцами. Р. С.), обѣщаетъ стать первокласснымъ торговымъ центромъ". (стр. 16).

Но и этимъ еще не ограничивались экономическія завоеванія Германіи. Не слѣдуетъ забывать, что, почти по всему свѣту „работали" нѣмецкіе капиталы, общая сумма которыхъ перевышала 30 милліардовъ марокъ. Въ общемъ, національное достояніе Германіи было таково, что при развертклѣ на все населеніе, на душу приходилось по меньшей мѣрѣ столько, сколько въ богатой Франціи, хотя въ послѣдней было всего 40 милліоновъ, а въ Германіи 65 милліоновъ человѣкъ населенія.

Не ограничиваясь матеріальными успѣхами, идеологи пангерманизма указывали и на необычайные успѣхи въ области науки, техники, а главное, въ военномъ дѣлѣ. Нѣмецкая философія, нѣмецкія гуманитарныя дисциплины, нѣмецкая техника подготовили почву для мірового господства нѣмецкаго духа. Нѣмецкія книги признаны однѣми изъ лучшихъ. Общій вывозъ ихъ заграницу ежегодно превышалъ двойное количество книгъ, вывозимыхъ изъ Франціи, Англіи и Америки. Нѣмецкій языкъ сталъ огромнымъ факторомъ міровой культуры и въ значительной степени успѣшно конкуррировалъ съ англійскимъ.

Подводя итоги всѣмъ культурнымъ завоеваніямъ Германіи, пангерманисты съ гордостью констатировали, что такихъ успѣховъ за такое время не могъ достичь ни одинъ народъ, и заключали отсюда, что блестящее прошлое даетъ основаніе надѣяться на еще болѣе блестящее будущее. „Нѣмецкій народъ, говорилъ Бернгарди, благодаря своему

прошлому и своимъ нынѣшнимъ успѣхамъ, пріобрѣлъ право на то, чтобы ставить себѣ самыя высокія культурныя задачи". Это право являлось, по его мнѣнію, въ то же время и обязанностью. Германія-де призвана къ своей миссіи самой исторіей, и она обязана выполнить ее, чтобы осчастливить этимъ человѣчество. Цѣнность культурной работы Германіи покоится на такихъ началахъ, которыя сами по себѣ являются большимъ культурнымъ благомъ, и именно потому должны быть особо оцѣнены всѣмъ культурнымъ человѣчествомъ. Начала эти являются въ то же время основными свойствами „нѣмецкаго духа", отличающагося „свободой и универсальностью". Независимость и историчность—вотъ главныя свойства нѣмецкаго мышленія, и сочетать эти два принципа въ гармоничномъ цѣломъ смогли только нѣмцы. Никто также, кромѣ нихъ, не смогъ найти гармоничнаго синтеза для свободы духовной и несвободы практической жизни. Всѣ эти свойства нѣмецкаго духа пошли на пользу человѣчеству, и именно поэтому нѣмцы и впредь должны бороться за развитіе культуры, „неся передъ всѣмъ человѣчествомъ знамя прогресса". Перепѣвомъ этихъ взглядовъ являются идеи Вильгельма Оствальда, приводимыя дальше Г. Ibero.

Можно было бы подумать, что разъ нѣмцы достигали своихъ успѣховъ до сихъ поръ мирными путями, то ничто не мѣшаетъ имъ и впредь обогащать человѣческую культуру нѣмецкой философіей, нѣмецкой наукой, нѣмецкой техникой и т. д. Поскольку рѣчь идетъ о культурныхъ задачахъ, они могли бы удовлетвориться достигнутымъ и успокоиться на сознаніи своего мірового значенія и своего мірового вліянія. Но этого военной партіи было недостаточно. Ей казалось, что Германія мало вліятельна въ политическомъ отношеніи, что ее всюду затираютъ политическіе враги и противники. Примириться съ своимъ теперешнимъ положе-

ніемъ въ особенности съ англійскимъ преобладаніемъ, означало бы, по ихъ мнѣнію, примириться съ мыслью о постепенномъ уничтоженіи германскаго могущества. Кто не идетъ впередъ, идетъ назадъ. Удовлетвореніе достигнутымъ было бы возвратомъ къ былому безсилью. Германія должна поэтому поставить на карту все свое существованіе. „Въ сознаніи нашей силы и нашей культурной цѣнности, мы, нѣмцы, должны всѣми средствами стремиться къ завоеванію политическаго могущества, соотвѣтствующаго нашему фактическому значенію. Такое стремленіе, конечно, немыслимо безъ сильнаго противодѣйствія. Но, съ другой стороны, мы должны ясно понять, что если мы не поставимъ всего на карту для того, чтобы стать дѣйствительной и вліятельной міровой державой, мы не въ состояніи будемъ удержать за собой и нашего настоящаго положенія. Если наша политическая мощь, оставаясь въ бездѣйствіи, начнетъ уменьшаться, то вскорѣ начнетъ уменьшаться и наше экономическое значеніе. Избытокъ нашего народонаселенія пойдетъ на пользу другимъ государствамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ пойдетъ на убыль и наша духовная дѣятельность, которая неизбѣжно потеряетъ свою свѣжесть и интенсивность. Только на расширенныхъ подмосткахъ имперіализма сумѣемъ мы расширить наши высшія духовныя и нравственныя задачи; въ качествѣ исключительно европейской континентальной державы и въ качествѣ колоніальнаго государства, существующаго милостью Англіи, мы неизбѣжно падемъ на уровень политическаго ничтожества, на которомъ мы находились въ періодъ до 1866-го года. „Міровая держава или гибель“,—вотъ лозунгъ, навязанный намъ историческимъ развитіемъ. Третьяго исхода нѣтъ“ (Bernhardi, 26).

Вы видите, идеологи военной партіи—и только они—открыто стремились къ міровому пожару. Внѣ войны они не видѣли для Германіи никакого будущаго и именно по-

тому старались отыскать въ самомъ явленіи войны особыя культурныя цѣнности. При этомъ упускалось изъ виду, что по существу идея войны явилась въ результатѣ не внѣшнеполитическихъ, а внутри-политическихъ заботъ. Германской военной партіи война нужна была не для того, чтобы упрочить международное положеніе Германіи, а для того, чтобы упрочить свое господство въ собственной странѣ. Косвенно на это указываетъ любопытный фактъ, что къ военной партіи принадлежалъ упомянутый Reichsverband zur Bekämpfung der Socialdemokratie, и что во главѣ послѣдняго стоялъ генералъ-лейтенантъ фонъ-Либертъ. Но значительно болѣе важнымъ указаніемъ является фактъ непрерывнаго роста германской соціалдемократіи. Болѣе четырехъ милліоновъ соціалдемократическихъ голосовъ (одна треть всѣхъ избирательныхъ вотумовъ), 110 соціалдемократическихъ мандатовъ въ рейхстатѣ не могли не безпокоить нѣмецкое юнкерство. На этой почвѣ легко было зародиться спасительной мысли о благодѣтельномъ значеніи войны, способной отвлечь вниманіе широкихъ народныхъ круговъ отъ внутри-политическихъ вопросовъ. И именно потому широкіе круги сознательнаго пролетаріата, составляющаго главную массу германскаго народа, и были всегда враждебны авантюрамъ и военнымъ задачамъ. За всѣ послѣдствія военныхъ неистовствъ отвѣтственъ, повторяемъ, въ конечномъ счетѣ не народъ, а та кучка нѣмецкихъ, и въ особенности прусскихъ сверхпатріотовъ, которая въ собственныхъ интересахъ толкнула Германію на безумный шагъ.

Тутъ мы подошли къ другому вопросу, получившему у г. Ibero не совсѣмъ правильное освѣщеніе—вопросу о поведеніи рабочей партіи. Г. Ibero -и не только онъ— осуждаетъ это поведеніе, считая его измѣной традиціямъ партіи, нарушеніемъ интересовъ международной демократіи. Что побудило партію совершить эту измѣну? По мнѣнію г. Ibero,

дѣло объясняется просто-на-просто тѣмъ, что нѣмецкая соціалдемократія находится въ зависимости отъ германскаго правительства. Нечего говорить, что такое объясненіе покоится на глубокомъ заблужденіи. Оно несовмѣстимо со всѣмъ тѣмъ, что намъ извѣстно о германской общественной жизни и противорѣчитъ простому здравому смыслу. Такая большая и такъ открыто дѣйствующая организація не въ состояніи скрыть своей зависимости отъ правительства. Кто хоть мало мальски наблюдалъ германскую соціалдемократію, тотъ ни на минуту не допуститъ, чтобы между нею и правительствомъ существовала какая-либо тайная связь. Вражда между ними была не показная, борьба велась не для отвода глазъ. Если же въ началѣ войны германская соціалдемократія какъ будто послушно пошла за правительствомъ, то для этого смѣшно искать причинъ въ „продажности“ рабочей партіи. Гораздо естественнѣе и проще другія причины, указываемыя политической критикой. На двухъ изъ нихъ нелишне остановиться и здѣсь.

По мнѣнію г. Я. Сакера (см. „Сѣверныя записки“ за августъ — сентябрь 1914 г., статья: „Безсиліе нѣмецкой соціалдемократіи“), измѣна германской соціалдемократіи объясняется ея приверженностью къ специфическому виду „марксизма“. Нѣмецкая рабочая партія удѣляла черезчуръ много вниманія экономическимъ факторамъ общественнаго развитія и черезчуръ мало цѣнила идеалистическіе порывы и этическіе импульсы. „Вина германской партіи въ томъ, что этическому началу, идеямъ и волѣ она не придавала надлежащаго значенія. Когда въ доктринѣ эти элементы недостаточно выдвинуты, они не могутъ владѣть массой, эту доктрину воспринимающей“. Вся бѣда произошла такимъ образомъ оттого, что германская соціалдемократія была черезчуръ „ортодоксальна“. Не будь этого непріятнаго обстоятельства, все пошло бы по другому и въ грозъ-

ный историческій часъ германскій рабочій классъ нашелъ бы въ себѣ силы если не для того, чтобы удержать страну отъ милитарнаго бѣшенства, то хотя бы для того, чтобы „спасти честь и достоинство».

Какъ это ни странно, но по существу „ортодоксальный" марксистъ Плехановъ подходитъ къ вопросу точно такъ же, какъ и „идеалистъ" Сакеръ. И г. Плехановъ усматриваетъ главное зло въ отсутствіи правильной „доктрины". Но по его мнѣнію „правильнымъ" будетъ, конечно, не „идеализмъ", а старый, отвергаемый г. Сакеромъ, „марксизмъ". „Нынѣшнее поведеніе германской соціалдемократіи—пишетъ г. Плехановъ въ „Современномъ мірѣ" (1915, кн. I)—представляетъ собою величайшее торжество того оппортюнизма, который уже съ конца прошлаго столѣтія „пересматриваетъ" („ревизуетъ") ученіе Маркса и Энгельса. „Пересмотръ" начался съ теоретическихъ основъ этого ученія, а закончился отверженіемъ вытекавшихъ изъ нихъ практическихъ выводовъ. Это было вполнѣ естественно и неизбѣжно. Слѣпы были тѣ наши товарищи разныхъ странъ, которые воображали, что можно держаться выводовъ даннаго ученія, отвергнувъ его посылки".

Такимъ образомъ, по Плеханову, вся бѣда отъ „ревизіонизма", который много разъ объявляли „окончательно мертвымъ" и который въ то же время сумѣлъ подчинить своему вліянію всю партію германскаго рабочаго класса.

Но „ревизіонизмъ", вѣдь, и есть тотъ „идеализмъ", отсутствіемъ котораго объясняетъ все г. Сакеръ. „Ревизіонизмъ" все время только и дѣлалъ, что старался привлечь вниманіе рабочаго класса къ проблеммамъ, выходящимъ изъ круга чисто „экономическихъ". Если г. Плехановъ правъ и „ревизіонизмъ" дѣйствительно господствовалъ въ германской партіи, то тогда у г. Сакера не остается никакихъ основаній для созданной имъ теоріи. „Идеализмъ" былъ

разлитъ по всему тѣлу соціалдемократическаго организма и тѣмъ не менѣе соціалдемократія поступила не такъ, какъ этого хотѣлось бы г. Сакеру. „Идеализмъ“, слѣдовательно, не только не способенъ толкнуть на героическую борьбу, но, какъ разъ наоборотъ, онъ приводитъ къ рабской покорности сильнымъ міра сего. И, если бы г. Плехановъ захотѣлъ подкрѣпить свое мнѣніе практическими примѣрами, онъ могъ бы указать г. Сакеру на, хотя и небольшую, но все же почтенную кучку „ортодоксовъ“, поднявшихъ знамя возстанія противъ милитаристскаго дурмана. Вѣдь, Либкнехтъ, Мерингъ, Люксембургъ, Ледебуръ, Цеткина принадлежатъ къ „ортодоксіи“, и эта „ортодоксія“ не только не убила въ нихъ чувства „долга“ передъ международнымъ дѣломъ, но, позволительно думать, она-то именно и стимулировала ихъ поведеніе.

Подчеркивая это обстоятельство, я не хочу сказать, что правда на сторонѣ г. Плеханова. Онъ былъ бы правъ, если бы „доктрина“ дѣйствительно играла ту роль, которую онъ ей приписываетъ. На самомъ дѣлѣ это далеко не такъ. Основоположнику идейнаго „ревизіонизма“, Эд. Бернштейну, его „опортюнистическая“ доктрина не помѣшала занять позицію, правильность которой не станетъ отрицать и г. Плехановъ. Съ другой стороны, извѣстно, что такіе столпы ортодоксіи, какъ Ленинъ и Генишъ, круто повернули „вправо“, а Карлу Каутскому—подумайте только: Карлу Каутскому!—потребовалось много мѣсяцевъ для того, чтобы наконецъ усумниться въ правильности своего поведенія. Вообще нужно вспомнить, что, вѣдь, не кто иной, какъ г. Плехановъ училъ насъ, что въ дѣйствительной жизни идейные моменты не играютъ опредѣляющей роли. Если идеи и могутъ имѣть значеніе, то только для небольшого круга „идеологовъ“ движенія, для интеллигентскихъ кружковъ, но отнюдь не для цѣлаго общественнаго класса. Поведеніе класса опредѣ-

ляется въ конечномъ счетѣ его положеніемъ въ данномъ обществѣ, но отнюдь не взглядами и мнѣніями идейныхъ вождей. „Не сознаніе опредѣляетъ бытіе, а бытіе опредѣляетъ сознаніе“. Соціальное „бытіе“ рабочаго класса—вотъ что вліяетъ и окрашиваетъ его „сознаніе“. „Идеологія“ съ этой точки зрѣнія можетъ только болѣе или менѣе правильно отразить дѣйствительное „бытіе“, но стимулировать его оно не въ состояніи. Было бы правильнѣе поэтому не искать причинъ въ области идейныхъ умонастроеній германской соціалистической интеллигенціи, а обратить вниманіе на реальныя условія существованія германскаго рабочаго класса. Само собой разумѣется, что для этого пришлось бы проанализировать не только условія „внутренняго“ порядка, но и международное положеніе. Въ результатѣ такого анализа стало бы совершенно ясно, что при создавшейся политической ситуаціи другого поведенія отъ германскихъ рабочихъ нельзя было ожидать. Кто хотѣлъ видѣть, тотъ видѣлъ это и раньше, еще до войны.

Можно, конечно, огорчаться по поводу того, что германская соціалдемократія не „оправдала надеждъ“, но нельзя не видѣть, что въ ея положеніи и съ точки зрѣнія преслѣдуемыхъ ею цѣлей, другого исхода у нея вначалѣ не было. „Честь и достоинство“, о которыхъ говоритъ г. Сакеръ, конечно, важная вещь, но, вѣдь извѣстно, что каждый вкладываетъ въ эти понятія свое содержаніе. Г. Сакеру кажется, что „честь и достоинство“ были бы спасены, если бы партія встала въ оппозиціонную позу. Но что возразитъ онъ тому, кто скажетъ, что въ политической жизни для сохраненія „чести и достоинства“ дѣлаетъ больше не тотъ, кто принимаетъ звучную резолюцію, но кто при всякихъ ситуаціяхъ думаетъ не о преходящихъ условіяхъ, а о конечной цѣли. Для достиженія послѣдней германской партіи необходимо было раньше всего сохранить свои силы. По существу она

сдѣлала то же самое, что сдѣлалъ Жоффръ съ ввѣренной ему французской арміей. Отступая, Жоффръ не забывалъ о „чести и достоинствѣ“, но онъ полагалъ, что для этого необходимо раньше всего позаботиться о сохраненіи „живой энергіи“. Этотъ маневръ не только спасъ Францію отъ разгрома, но и обезпечилъ ей возможность конечной побѣды. „Измѣна“ германской партіи является такимъ же отступленіемъ „въ полномъ порядкѣ“, какъ и отступленіе Жоффра. Сохранивъ свою организацію, партія въ состояніи „маневрировать“ и чѣмъ дальше, тѣмъ сильнѣе сказывается все значеніе этихъ „маневровъ“ для внутренняго и внѣшняго положенія германской имперіи. Германская рабочая партія была и осталась факторомъ огромной важности, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше скажется вліяніе этого фактора на ходъ событій. Намъ, противникамъ прусскаго милитаризма и его главы, Вильгельма II, не слѣдуетъ упускать этого изъ виду. Германская соціалдемократія идетъ своимъ путемъ, но не подлежитъ сомнѣнію, что этотъ путь ведетъ къ тому же, чего добиваются союзныя арміи—къ уничтоженію аггрессивнаго милитаризма и его главной опоры—прусскаго юнкерства. Германская партія не оправдала однѣхъ надеждъ, но она не можетъ не оправдать другихъ.

Разумная политика должна своевременно уяснить себѣ это обстоятельство и извлечь изъ него все, что оно можетъ дать для достиженія побѣды надъ воинствующимъ германствомъ.

Р. Стрѣльцовъ.

Прибытіе въ Берлинъ.

Поѣздъ трогается въ путь; вскорѣ мы оставляемъ позади себя послѣдніе дома Цюриха.

Я одинъ въ купе; пробую смотрѣть на пейзажи, которые смѣняются одинъ за другимъ какъ на кинематографическомъ экранѣ. Но сумерки окутываютъ поля, и я мало-помалу впадаю въ дремоту.

Проспалъ я недолго. Почувствовалось вдругъ, что поѣздъ, колеса котораго заскрипѣли, останавливается. Окончательно разбудили меня звуки отрывистаго голоса, который грубо спрашивалъ о чемъ-то. Я сѣлъ. Предо мною былъ унтеръ-офицеръ, въ сѣромъ мундирѣ, на воротникѣ и рукавахъ котораго нашиты были золоченые галуны, въ плоской фуражкѣ. Онъ разсматриваетъ меня, нагнувъ ко мнѣ костлявое лицо.

— „Пассъ“!—произноситъ онъ съ раздраженіемъ. Я понимаю и вытаскиваю свой паспортъ. Унтеръ осматриваетъ его со всѣхъ сторонъ и затѣмъ, внушительнымъ тономъ спрашиваетъ:

— Вы журналистъ?

Получивъ утвердительный отвѣтъ, онъ возвращаетъ мнѣ документъ. Все въ порядкѣ, и мнѣ остается только сойти на платформу, чтобы поразмять ноги и осмотрѣться вокругъ.

Мы стоимъ на маленькой пограничной станціи Готтмаддингенъ. Темная ночь. Изъ слабо освѣщенной одною лампой съ мигающимъ рефлекторомъ сторожки выходятъ двое нѣмецкихъ солдатъ и выслушиваютъ распоряженіе своего офицера. Нѣкоторые паспорта, повидимому, возбуждаютъ недоразумѣнія. Владѣльцами такихъ паспортовъ оказались какіе-то двое бѣдныхъ на видъ мужчинъ и одна женщина. У нихъ огорченныя лица; они съ трудомъ объ-

ясняются, широко размахивая въ ночномъ полумракѣ руками, но офицеръ неумолимъ; и имъ приходится остаться на мѣстѣ, пока не выяснится ихъ положеніе. Тогда они всѣ трое отправляются съ опущенными головами и идутъ присѣсть на затерявшейся въ темномъ углу скамейкѣ. Всѣ пассажиры съ любопытствомъ смотрятъ на нихъ.

Я отправляюсь въ вагонъ-ресторанъ, гдѣ уже находилось нѣсколько лицъ. Рядомъ съ моимъ столомъ сидѣли два швейцарца, которыхъ я видѣлъ въ Цюрихѣ. При нашемъ отправленіи они говорили между собою по-французски. Теперь же съ важностью изъяснялись на языкѣ Шиллера и бросали въ мою сторону подозрительные взгляды.

На разныхъ попутныхъ станціяхъ поѣздъ останавливается лишь на нѣсколько минутъ, но пассажиры входятъ въ большомъ количествѣ. Въ вагонъ-ресторанъ вваливается и устраивается по близости отъ меня толпа штатскихъ, съ охотничьими сумками и ружьями за плечами. Имъ подаютъ порціи ветчины и сосисокъ, они ѣдятъ ихъ, ворочая огромными челюстями. Опорожнивъ свои тарелки, они обсуждаютъ послѣднія событія войны. Одинъ изъ нихъ, огромный малый съ багровой физіономіей, обрамленной лохматыми бакенбардами, вдругъ возвышаетъ голосъ и, отбивая ножомъ по столу тактъ, торжественнымъ тономъ заявляетъ:

„Черезъ двѣ недѣли мы будемъ въ Варшавѣ. Нашъ главный штабъ подтверждаетъ это“.

Прочіе собесѣдники, кивая головами, высказываютъ свое мнѣніе, и, поднявъ до уровня глазъ огромныя кружки и изъ учтивости поднеся руки къ шляпамъ, пьютъ за здоровье другъ друга.

Вдругъ всѣ взоры обратились къ дверямъ, въ которыя вошелъ одѣтый во все сѣрое Oberleutenant; съ холоднымъ взглядомъ, заносчивой замкнутой миной онъ садится за дальній столъ и заказываетъ для себя скромный обѣдъ.

Среди присутствующихъ воцарилось молчаніе; теперь они обмѣнивались лишь рѣдкими словами въ почтительно пониженномъ тонѣ и больше всего занимались разсматриваніемъ расшитаго галунами юноши.

Что касается самого Oberleutenant'а, то онъ не обратилъ никакого вниманія на окружающихъ и съ созна-

ніемъ собственнаго достоинства сосредоточенно ѣлъ свою котлету.

Непринужденный разговоръ возобновился лишь послѣ его ухода. Мой сосѣдъ съ бакенбардами опорожнилъ свою восьмую кружку и сталъ еще болѣе общителенъ со своими спутниками. Двое изъ нихъ — возвращавшіеся въ Берлинъ судейскіе — находили, что военныя событія на западномъ фронтѣ развертываются слишкомъ медленно; но онъ, съ отрывистымъ, не терпящимъ возраженій жестомъ, возразилъ: „Наша армія достойна изумленія, наши генералы— геніальные люди; мы одолѣли русскихъ, французовъ и англичанъ. Замедленіе же операцій на французской территоріи объясняется исключительно тактическими соображеніями".

Заговорили объ Англіи. „Вотъ противъ кого, — произнесъ одинъ изъ нихъ,—намъ надлежитъ сосредоточить всѣ усилія, чтобы разъ навсегда раздавить этого вѣчнаго врага". Но поѣздъ останавливается. Мы прибыли въ Штутгартъ.

Я выхожу на платформу, гдѣ царитъ большое оживленіе: быстро проходятъ солдаты всякихъ родовъ оружія; нѣсколько женщинъ съ кувшинами горячаго кофе угощаютъ больныхъ и раненыхъ.

Солдаты перекликаются гортанными возгласами; раздается съ одного конца платформы до другого отрывистая команда, и люди въ сѣрыхъ мундирахъ, въ остроконечныхъ каскахъ и въ тяжелыхъ желтыхъ сапогахъ съ шумомъ размѣщаются въ вагонахъ третьяго класса.

Поѣздъ трогается. Я пытаюсь добраться до своего купэ, но проходы набиты людьми, и я на нѣсколько минутъ оказываюсь затертымъ на мѣстѣ. Пользуюсь этимъ случаемъ, чтобы осмотрѣться вокругъ. Рядомъ со мной приземистый, бородатый, съ голубыми глазами подъ густыми бровями капралъ разсказываетъ десятку спутниковъ, какъ онъ былъ раненъ подъ Ньюпортомъ:

— Четыре дня мы оставались по поясъ въ водѣ, голодали, страдали отъ болѣзней, и затѣмъ получили приказъ наступать. Онъ остановился. Поѣздъ мчался въ ночной тьмѣ, и холодный вѣтеръ пробивался въ щели дверей.

Онъ продолжалъ:

— Я получилъ пулю въ грудь, а вышла она въ спину. Куда какъ круто намъ пришлось! Теперь я поправился, и меня посылаютъ на восточный фронтъ.

Разсказчика слушали съ утомленнымъ, почти безразличнымъ видомъ; ни одинъ изъ слушателей не задалъ ни одного вопроса; ихъ невыразительные глаза не проявляли никакого желанія, никакого любопытства.

Я добрался до моего вагона и рѣшилъ соснуть. Иногда въ глубокой ночной тишинѣ раздавался смѣхъ и пѣніе. То были солдаты. Отъ времени до времени были короткія остановки; раненымъ оказывали помощь, и затѣмъ мы спѣшили дальше.

Въ Берлинъ мы прибыли на разсвѣтѣ.

Потративъ нѣсколько минутъ на размѣнъ кредитныхъ билетовъ въ мѣняльной лавкѣ, завѣдующій которой повелительнымъ жестомъ указалъ мнѣ на кружку для пожертвованій въ пользу Краснаго Креста, я устроился въ находящемся у самаго вокзала „Централь-отелѣ“.

Путешественникъ, въ первый разъ за время войны прибывающій въ Берлинъ, изумляется царящему въ немъ оживленію. Фридрихштрассе, на которую я вышелъ изъ гостиницы, полна экипажами и пѣшеходами; витрины магазиновъ ослѣпительно освѣщены; кафе полны народа. Но въ дѣйствительности дѣла съ началомъ войны значительно сократились, и благополучіе, о которомъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые внѣшніе признаки жизни, является лишь кажущимся. Мелкая торговля разорена; много потерпѣли и крупные магазины; напр., въ „Kaufhaus des Westens“ [1]), который по своимъ оборотамъ равняется крупному парижскому магазину, рождественская продажа въ общемъ упала, сравнительно съ худшимъ изъ послѣднихъ пяти лѣтъ торговли, на 50%; продажа предметовъ роскоши упала на 30%.

Я прошелъ всю улицу „Подъ Липами“, гдѣ экипажное

---

[1]) Одинъ изъ немногихъ „универсальныхъ“ магазиновъ. Находится въ районѣ, заселенномъ преимущественно богатымъ людомъ. *Ред.*

движеніе довольно оживленно, и остановился предъ памятникомъ Фридриха II, у подножія котораго выставлено шесть бельгійскихъ пушекъ; прохожіе останавливаются и любуются этими трофеями; обмѣниваются между собою хвастливыми замѣчаніями, взаимно прославляютъ проявленную ихъ войсками храбрость и высокія качества высшаго командnаго состава.

Но издали доносятся пронзительные звуки маленькихъ флейтъ, и всѣ устремляются туда. Это идетъ, тяжело ступая, батальонъ солдатъ, одѣтыхъ въ темносиніе мундиры и короткіе сапоги. Вся улица, словно по волшебству, наполняется зрителями, которые неутомимо наблюдаютъ это, безпрерывно повторяющееся, зрѣлище.

Въ витринахъ на Лейпцигерштрассе и Фридрихштрассе [1]) всюду выставлены портреты генераловъ, карты театровъ войны, военные „сувениры“, вообще все, что можетъ содѣйствовать подогрѣванію воинственнаго настроенія населенія.

Нѣтъ такого нѣмецкаго ребенка, который не получилъ бы къ празднику деревянной сабли или распитаго мундира.

Я подхожу къ выставкѣ какого-то книжнаго магазина и читаю заглавія нѣсколькихъ только что вышедшихъ книгъ или брошюръ: „Der Weltkrieg. Seine Ursachen und Gründe sowie Deutschlands Siegesaussichten in demselben“. „Міровая война, ея причины, а равно перспективы германской побѣды“. Im Kriegszustand, („На военномъ положеніи“), Die Segnungen des Krieges („Благодѣянія войны“), Die Neutralen und der Weltkrieg („Нейтральныя державы и міровая война“), Americas Stellung und der Weltkrieg („Позиція Америки и міровая война“) и т. п.

Съ начала войны такихъ работъ появилось сотни. А если къ этому добавить многочисленныя періодическія изданія, въ родѣ „Deutsche Reden in schwerer Zeit“, гдѣ сотрудничаютъ лучшія силы, а также вездѣ проникающія пропагандистскія брошюры, въ родѣ „Война въ иллюстраціяхъ“, „Германія и міръ“, „Англія и ея участіе

---

[1]) Двѣ главныя улицы Берлина. *Ред.*

въ нынѣшней войнѣ", „Бельгійскій нейтралитетъ", „Секретный англо-бельгійскій договоръ" и т. п. — всѣ публикуемыя на всевозможныхъ языкахъ, то можно составить себѣ нѣкоторое понятіе о той лихорадочной дѣятельности, которая проявляется въ Германіи съ цѣлью повліять на нѣмецкое общественное мнѣніе, въ особенности-же — на общественное мнѣніе нейтральныхъ странъ.

Въ такомъ-же изобиліи использовывается и иллюстрація; военныя гравюры и открытки продаются и раздаются на каждомъ шагу; ихъ предлагаютъ въ кафе и въ ресторанахъ; ихъ видишь на всѣхъ столахъ, хотя всѣ онѣ возмутительно пошлаго или дурного тона: союзники въ нихъ подвергаются грубому осмѣянію, а военныя событія изображаются въ наивномъ и достойномъ презрѣнія видѣ.

Черезъ Вильгельмштрассе я снова выхожу на улицу „Подъ Липами" и встрѣчаю толпу человѣкъ въ 200, которые собрались предъ витриной какого-то газетнаго агентства; подхожу и читаю послѣднія военныя новости *по агентству Вольфа*. Огромная побѣда въ Польшѣ, взято 30.000 плѣнныхъ и 50 орудій...

Политическія партіи.

I.

Директоръ германскаго національнаго банка г. Виттингъ.—Депутатъ рейхстага г. фонъ-Листъ.—Депутатъ и совѣтникъ посольства баронъ фонъ-Рихтгофенъ.

Интервью—всегда занятіе неблагодарное. Въ такое же тяжелое время, какъ переживаемое нами, они кромѣ того, еще сопряжены съ немалыми затрудненіями. Я сомнѣвался, чтобы мнѣ удалось увидѣться въ Берлинѣ съ тѣми лицами, съ которыми я предполагалъ бесѣдовать. Я предвидѣлъ недовѣріе, которое должна была вызвать моя анкета, и предвидѣлъ осторожность, которой не преминутъ вооружиться всѣ тѣ, въ двери которыхъ я собирался стучаться. Съ моей стороны, какъ человѣка нейтральнаго, было большою смѣлостью заговорить съ лидерами главныхъ партій о внутренней политикѣ страны въ самый тяжкій часъ, который когда-либо переживала страна. Но я горѣлъ желаніемъ добыть хоть какія-нибудь свѣдѣнія объ отношеніи соціалистовъ къ войнѣ. И въ этомъ именно направленіи мнѣ хотѣлось сдѣлать первые шаги моей анкеты. Поэтому я задумалъ разспросить какъ либераловъ и консерваторовъ, такъ и соціалистовъ. Равнымъ образомъ слѣдовало побесѣдовать и съ какимъ-нибудь вліятельнымъ лицомъ, которое стояло бы внѣ политики и могло бы высказать свое авторитетное, но независимое мнѣніе относительно партійной политики. Разспрошу, или по меньшей мѣрѣ попытаюсь разспросить...

Такъ разсуждалъ я въ первое время пребыванія моего

въ Берлинѣ, сидя въ моей комнатѣ въ Централь-отелѣ, относительно главныхъ чертъ моей анкеты, ея трудностей и даже—рискованности. И именно въ такомъ настроеніи я, запасшись рекомендательными письмами, отправился въ одно декабрьское утро къ директору „Германскаго Національнаго Банка“ [1]) г. Виттингу.

* * *

Эту независимую и авторитетную личность я избралъ для ознакомленія съ мнѣніемъ относительно партійной политики въ Германіи. Г. Виттингъ, дѣйствительно, человѣкъ вліятельный, значительный и очень богатый. Въ его распоряженіи находится большая часть общественнаго достоянія, и ему подчинены сотни банковскихъ директоровъ. Помимо всего этого, г. Виттингъ—золотой мѣшокъ, финансистъ крупнаго размѣра, милліонеръ и даже совсѣмъ не Виттингъ. Онъ еврей, и его настоящая фамилія—Витковскій. Подобно своему брату, извѣстному и искусному полемисту Максиміліану Гардену, онъ подъ заимствованной фамиліей скрываетъ свое происхожденіе изъ польскихъ евреевъ.

Г. Виттингъ живетъ въ роскошномъ домѣ, по сосѣдству съ великолѣпнымъ Тиргартеномъ. Здѣсь же онъ принялъ меня съ большой учтивостью. Онъ приказалъ провести меня въ свой рабочій кабинетъ и немедленно согласился отвѣтить на мои вопросы.

— Составить себѣ понятіе относительно внутренняго положенія Германіи,—отвѣтилъ онъ мнѣ,—не легко. Во Франціи или въ Англіи для этого достаточно почитать газеты или поговорить съ политическими дѣятелями; здѣсь-же...

Я окинулъ взглядомъ моего собесѣдника. Это—человѣкъ лѣтъ 45—48, съ русыми усами. Видъ у него—богатаго бюргера. Говоритъ онъ медленно. Иногда, впрочемъ, онъ оживленно бросаетъ ироническую фразу, но тутъ же спохватится, какъ человѣкъ, сказавшій лишнее. Онъ продолжалъ:

— Здѣсь же... совсѣмъ не то. Германія—не страна

[1]) Германскій Nationalbank предпріятіе частнаго характера. *Ред.*

ораторовъ. А наши депутаты—не составляютъ почти ничего въ жизни страны.

— Позвольте,—прервалъ я его,—значитъ ваша печать не является отраженіемъ общественнаго мнѣнія?

— Я выразился черезчуръ сильно, — живо возразилъ онъ.—Я хотѣлъ сказать, что чтеніе нашихъ газетъ не достаточно для проникновенія въ нѣдра нашей національной жизни. И по нашимъ политическимъ дѣятелямъ нельзя ни о чемъ судить.

Онъ на минуту остановился и затѣмъ продолжалъ:

— Ахъ, знаете ли, наши политики, наши крупные промышленники, банкиры, профессора не являются представителями германской души. Бюргерство, бюргеры—вотъ кто придаетъ окраску нашему національному характеру, кто полнѣе всего его воплощаетъ.

— Бюргерство — это самый здоровый элементъ страны. Это—ея сила. Что же касается политическихъ дѣятелей,— воскликнулъ онъ съ оживленіемъ,—то геніи среди нихъ— рѣдкость. Былъ одинъ Бисмаркъ. Но подобныхъ ему людей у насъ, какъ впрочемъ и всюду, мало. Нашей политической жизни предстоятъ глубокія измѣненія. Министры наши— бюрократы, чиновники. Они не выходятъ изъ парламентской среды и не отвѣтственны предъ парламентомъ. Можетъ быть, скоро мы увидимъ, какъ все это перемѣнится. Я питаю надежду, что доживу до наступленія такихъ реформъ, которыя откроютъ путь къ власти людямъ всякихъ положеній... Намъ надо свести не мало счетовъ по окончаніи этой войны.

На этотъ разъ наша бесѣда на этомъ и окончилась. Г. Виттингъ былъ невысокаго мнѣнія о германскихъ политическихъ дѣятеляхъ. Я былъ склоненъ думать такъ же, какъ и онъ. Съ такими чувствами я отправился къ нѣсколькимъ выдающимся лидерамъ.

* * *

Г. фонъ-Листъ—австріецъ по происхожденію и приходится племянникомъ великому композитору Францу Листу. Профессоръ Берлинскаго университета, его знаетъ вся Германія; это типъ интеллигента, увлеченнаго политикой.

Онъ обладаетъ извѣстными достоинствами: большими способностями, недурными манерами, способностью быстро оріентироваться и схватывать всѣ извивы и случайности общественной жизни. Все это сдѣлало изъ него одного изъ наиболѣе авторитетныхъ ораторовъ и руководителей либеральной прогрессисткой партіи рейхстага (Fortschrittliche Volkspartei) [1]). Еще молодой [2]), небольшого роста, съ очень свѣтлыми голубыми глазами, быстрой рѣчью и живыми жестами, г. фонъ-Листъ бѣгло изъясняется по-французски. И на этомъ же языкѣ я изложилъ ему цѣль моего визита.

— Ахъ, эта война!—сказалъ онъ мнѣ.—Сколько она подрѣзала дружескихъ сношеній, сколько оборвала начатыхъ сообща ученыхъ трудовъ...

— Виноватъ,—прервалъ я его... Я обращаюсь на этотъ разъ не къ человѣку науки, но къ депутату, котораго и прошу сообщить мнѣ свое мнѣніе относительно поведенія соціалъ-демократической фракціи рейхстага съ начала войны.

— Да, да, разумѣется!

Быстрымъ жестомъ онъ подвинулъ свой стулъ къ моему, сѣлъ и сказалъ слѣдующее:

— Принятая во время засѣданія 4 августа 1914 г. позиція соціалистической партіи находится въ абсолютномъ согласіи съ настроеніемъ подавляющаго большинства ея избирателей во всей имперіи. Германскій народъ въ этотъ серьезный часъ единодушно призналъ, что необходимо употребить всѣ усилія для защиты могущества Германской имперіи отъ превосходныхъ силъ противника. Этотъ поступокъ соціалъ-демократической партіи могъ изумить лишь немногихъ политиковъ, сомнѣвавшихся насчетъ національныхъ чувствъ германскихъ рабочихъ. Съ 4 августа въ чувствахъ народа не произошло никакихъ перемѣнъ. Въ соотвѣтствіи съ этими

---

[1]) Авторитетное положеніе профессора Листа покоится не столько на его политической, сколько на ученой дѣятельности. Въ своей партіи Листъ всегда имѣлъ выдающееся, но никогда центральное значеніе. *Ред.*

[2]) Это, конечно, очень сравнительно, такъ какъ Листъ родился въ 51-омъ году. Ему теперь, слѣдовательно, 64 года. *Ред.*

чувствами было также и поведеніе соціалистической фракціи 2 декабря 1914 г. И депутатъ Либкнехтъ, не вставъ со своего мѣста во время голосованія кредитовъ, этимъ самымъ совершилъ надъ собой подлинное политическое самоубійство. Во время этого засѣданія Либкнехтъ не произнесъ ни единаго слова. Пламенная рѣчь, приписанная ему французскими газетами, является чистой фантазіей. Что же касается настроенія германскаго народа въ отношеніи войны, — сказалъ Листъ въ заключеніе, — то его можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: „мы будемъ сопротивляться до послѣдняго человѣка и до послѣдняго пфенига“.

Эту послѣднюю фразу онъ произнесъ съ особой энергіей. Но она была многозначительна и сама по себѣ! Произнесъ ли бы г. фонъ-Листъ эту фразу три мѣсяца тому назадъ? „Мы будемъ сопротивляться!“ Это—не торжествующій кличъ первыхъ дней; это—слова человѣка, уже сознающаго дѣйствительность; подобное же сознаніе я встрѣтилъ почти во всѣхъ высшихъ сферахъ Германіи.

Что касается утвержденій г. фонъ-Листа относительно соціалистовъ, то г. фонъ-Рихтгофенъ, съ которымъ я бесѣдовалъ немного спустя, подтвердилъ мнѣ ихъ почти въ точности. Г. фонъ-Рихтгофенъ сынъ бывшаго статсъ-секретаря по иностраннымъ дѣламъ и поэтому пользуется въ правительственныхъ кругахъ извѣстнымъ вліяніемъ. Состоя въ совѣтникахъ посольства [1]), онъ является въ парламентѣ однимъ изъ наиболѣе авторитетныхъ представителей имперской дипломатіи.

Я засталъ г. фонъ- Рихтгофена въ Ганзейскомъ Союзѣ (Hansabund), въ конторѣ Консорціума банковъ [2]) на Доротеештрассе. Какъ и съ фонъ-Листомъ, мы съ нимъ бесѣдовали на французскомъ языкѣ. Онъ говоритъ на немъ даже съ нѣкоторымъ изяществомъ. Онъ взвѣшиваетъ каждое свое

---

[1]) Это ошибка. Рихтгофенъ состоялъ Legationsrat'омъ, но приблизительно съ 1911 находится въ оппозиціи къ правительству и не занимаетъ никакого оффиціальнаго мѣста. *Ред.*

[2]) Hansabund не консорціумъ банковъ, а политико-экономическая общественная организація, объединяющая извѣстные элементы промышленнаго и торговаго бюргерства. Главная задача Hansabund'а заключалась раньше въ борьбѣ съ аграрнымъ феодализмомъ. *Ред.*

*

слово, а его бритое моложавое лицо по временамъ принимаетъ лукавое выраженіе.

— Я всегда былъ того мнѣнія,—сказалъ онъ мнѣ,—что опасеніе, будто соціалъ-демократія измѣнитъ родинѣ, является заблужденіемъ. Поведеніе соціалъ-демократіи подтвердило то, чего я ожидалъ. Ясно, что подобное проявленіе національныхъ чувствъ со стороны соціалистической партіи имѣетъ величайшее значеніе для всего будущаго нашей внутренней политики.

— Все это хорошо,—замѣтилъ я ему,—вы мнѣ говорите о позиціи соціалистической партіи въ началѣ войны; но какова она съ тѣхъ поръ?

— Съ тѣхъ поръ поведеніе партіи ничуть не измѣнилось,—ограничился онъ въ отвѣтъ мнѣ,—такъ какъ позиціи Либкнехта нельзя придавать какого-нибудь значенія.

— Германскій народъ,—сказалъ онъ мнѣ, переходя къ другому предмету разговора,—германскій народъ и мелкое бюргерство не добиваются широкаго освѣдомленія. Они только просятъ, чтобы ими управляли. Само собой разумѣется, что я не причисляю сюда фабричныхъ рабочихъ. Ихъ умственный строй—иной; и съ этой стороны возможно, что придется натолкнуться на нѣкоторыя затрудненія.

— Въ качествѣ депутата мнѣ приходилось имѣть дѣло со всѣми общественными классами, и я убѣжденъ, что германскій народъ не хотѣлъ этой войны. Но, съ другой стороны, царило убѣжденіе, что ее нельзя больше избѣжать; теперь же ни у кого не можетъ быть сомнѣнія въ нашей твердой рѣшимости продолжить эту войну до тѣхъ поръ, пока намъ не будетъ обезпеченъ почетный миръ.

Почетный миръ! Существовалъ-ли хоть одинъ нѣмецъ, который два мѣсяца предъ тѣмъ говорилъ-бы о почетномъ мирѣ!

„Мы будемъ сопротивляться“,—сказалъ г. фонъ-Листъ. „Мы будемъ продолжать эту войну до тѣхъ поръ, пока намъ не будетъ обезпеченъ почетный миръ“, добавляетъ въ свою очередь г. фонъ-Рихтгофенъ. Жестокая дѣйствительность передѣлываетъ взгляды горделивыхъ, но подъ-часъ податливыхъ нѣм-

цевъ. (Въ одной изъ дальнѣйшихъ бесѣдъ мы увидимъ, что именно подразумѣваютъ нѣмцы подъ понятіемъ „почетнаго мира“).

Я воздержался отъ того, чтобы перебить г. фонъ-Рихтгофена. Онъ перешелъ къ вопросамъ внутренней политики, и тутъ его слова немногимъ отличались отъ словъ г. Виттинга.

— Нашъ политическій строй грѣшитъ во многихъ отношеніяхъ; главное зло въ томъ, что наши министры не отвѣтственны предъ парламентомъ. Послѣ войны все это устроится. Когда во Франціи и въ Англіи упрекали Германію за недостатокъ либерализма ея парламентскаго строя, то мы раздѣляли этотъ взглядъ; но мы полагали, что обойдемся безъ чужеземныхъ совѣтовъ и сами проведемъ эти реформы.

Критика эта не лишена основательности, она во всякомъ случаѣ обнаруживаетъ такое настроеніе, котораго я лично не ожидалъ встрѣтить здѣсь въ подобной стадіи развитія.

Правда, за послѣдніе годы германская парламентарная система развивалась отчасти въ либеральномъ направленіи. Князь Бюловъ первый понялъ назрѣвшую необходимость и, вмѣсто того, чтобы оказывать безполезное сопротивленіе надвигавшемуся прибою, предпочелъ самъ намѣтить ему путь. Онъ объединилъ въ одинъ „блокъ“ консерваторовъ, либераловъ и радикаловъ и правилъ вмѣстѣ съ ними [1]). Такимъ образомъ онъ былъ первымъ парламентарнымъ канцлеромъ германской имперіи. Своимъ вліяніемъ онъ много больше обязанъ парламенту, чѣмъ императору.

И послѣдній сознавалъ это; вотъ почему онъ удержался и не тронулъ канцлера, когда тотъ выразилъ ему порицаніе въ засѣданіи рейхстага. Вильгельмъ II предпочелъ терпѣливо дождаться распаденія „блока“ и парламентарнаго пораженія, чтобы они освободили его отъ канцлера. Но во всей этой игрѣ депутаты однако замѣтили, что ихъ вліяніе возросло. Почувствовавъ за собою невѣдомую

---

[1]) „Радикалы“ въ лицѣ покойнаго лидера Теодора Барта не вошли въ „блокъ“. „Править“ съ „блокомъ“ Бюлову не удалось. При первой серьезной проблеммѣ интересы аграріевъ и либераловъ разошлись и блокъ распался, похоронивъ подъ своими обломками его создателя. *Ред.*

до того силу, они положили, что ею надо продолжать пользоваться. Поэтому выборъ новаго канцлера и произвелъ такое глубокое разочарованіе; и оно остается до сихъ поръ и проявляется при каждомъ случаѣ въ частныхъ разговорахъ.

И дѣйствительно, г. фонъ-Бетманъ-Гольвегъ олицетворяетъ собою тенденціи, противоположныя его предшественнику. Онъ управляетъ съ консерваторами и центромъ, имѣя въ оппозиціи либераловъ и соціалистовъ; впрочемъ, онъ прежде всего является представителемъ императора и не желаетъ ничего другого, какъ имъ быть и оставаться. Его упрекаютъ также за то, что онъ—простой чиновникъ, лишенный широты кругозора и политическаго таланта. Неудача его внутренней и внѣшней политики полная, и это вполнѣ признаютъ нѣмцы высшихъ классовъ.

II.

Г. Гекшеръ, директоръ Гамбургъ - Американской линіи, самъ записываетъ свою бесѣду.—Что сказалъ директоръ Deutsche Bank г. фонъ-Гвиннеръ. — Разсужденія герцога Трахенберга, князя Гатцфельдта.

Послѣ моего свиданія съ барономъ фонъ-Рихтгофеномъ, я рѣшилъ отправиться къ другому выдающемуся либералу, г. Зигфриду Гекшеру, который состоитъ депутатомъ и однимъ изъ директоровъ могущественной компаніи Гамбургъ-Американской Линіи.

Это общество, огромныя суда котораго вчера еще бороздили пути Атлантическаго океана, нынѣ осуждено на бездѣйствіе. Его флотъ иммобилизованъ. Никакіе грузы не заставляютъ больше дрожать трюмы его судовъ. Ни единая струйка дыма не вырывается изъ ихъ парализованныхъ нѣдръ. Я понимаю, что г. Гекшеръ не испытываетъ отъ этого никакого удовольствія. Обыкновенно онъ живетъ въ Гамбургѣ, но когда я былъ въ Берлинѣ, онъ находился въ столицѣ. Я его засталъ въ отелѣ Адлонъ, гдѣ онъ останавливается всегда. Это—„Подъ Липами“, какъ разъ противъ французскаго посольства.

Подобно фонъ-Листу, г. Зигфридъ Гекшеръ тоже состоитъ членомъ либеральной партіи рейхстага. Ему лѣтъ сорокъ. Онъ высокаго роста, худой, бѣлокурый; говоритъ положительно и осторожно выбираетъ слова. Бесѣда наша была довольно продолжительна, но въ концѣ разговора онъ вдругъ мнѣ сказалъ:

— Я резюмирую сказанное письменно и разрѣшаю вамъ это опубликовать.

Онъ подошелъ къ столу и набросалъ нижеслѣдующія

строки, расположивъ ихъ на подобіе стиховъ Священнаго Писанія.

„Въ началѣ войны Германія объединилась, и партіи прекратили свое существованіе. Такое состояніе продлится до заключенія почетнаго мира.

„Экономическое состояніе Германіи пришло, какъ это, впрочемъ, произошло и во Франціи, Англіи и Россіи, въ нѣкоторое разстройство, которое Германія переноситъ съ терпѣніемъ и которое не будетъ имѣть никакого вліянія на продолжительность войны.

„Германскій народъ отлично освѣдомленъ относительно событій, и преисполненъ несравнимой увѣренности, рѣшимости и воодушевленія. Это уже начинаетъ оказывать вліяніе на нейтральныя страны, вопреки лживой кампаніи англійскихъ телеграммъ.

„Настроеніе правящихъ сферъ—такое-же. Духъ единенія—совершенный.

„Военный переходъ черезъ Люксембургъ необходимъ былъ вслѣдствіе наличности германской желѣзнодорожной сѣти въ Люксембургѣ.

„Бельгія является одною изъ многочисленныхъ жертвъ коварной политики Англіи. Сравните, напримѣръ, Гибралтаръ.

„События доказали съ очевидностью даже для слѣпыхъ и глухонѣмыхъ, что нейтралитетъ Бельгіи нарушенъ былъ ею самою еще раньше, чѣмъ германскія войска переступили бельгійскую границу.

„Что касается симпатій нейтральныхъ странъ къ нѣмецкой націи, то я питаю убѣжденіе, что онѣ начнутъ возрастать по мѣрѣ того, какъ будетъ разсѣиваться англійскій туманъ“.

Я не долго буду комментировать эти откровенія г. Зигфрида Гекшера: лучшимъ комментаріемъ къ нимъ служитъ его взглядъ на нарушеніе бельгійскаго нейтралитета. Но не поразительна ли однако сжатость текста? Въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ вылился весь умственный строй нѣмцевъ. Презрѣніе къ правамъ человѣка и націй прорвалось въ мысляхъ касательно Люксембурга и Бельгіи. Безпощадная ненависть директора могущественнаго общества къ англійскому

торговому флоту проскользнула дважды въ странныхъ утвержденіяхъ. И все это написано сухимъ, рѣзкимъ языкомъ, въ тонѣ приказа. Г. Гекшеръ ничуть не считается со множествомъ различныхъ обстоятельствъ, онъ просто утверждаетъ. Это во всякомъ случаѣ не способно привлекать друзей, и г. Гекшеръ, за истекшіе съ тѣхъ поръ мѣсяцы, самъ могъ убѣдиться, что, вопреки его предвидѣніямъ, симпатія нейтральныхъ націй къ Германіи ничуть не увеличилась.

* * *

Я перехожу къ воспроизведенію моего разговора съ директоромъ Deutsche Bank и членомъ Прусской Палаты Господъ г. фонъ-Гвиннеромъ. Мнѣ не надо представлять его моимъ читателямъ, которые, увы, о немъ уже наслышаны. Эта личность въ Германіи—одна изъ весьма важныхъ и почти неприступна. Его заявленія были кратки, но многозначительны.

— Оглянитесь вокругъ себя,—сказалъ онъ мнѣ.—Развѣ измѣнилась наша жизнь? Развѣ мы страдаемъ въ чемъ-нибудь отъ этой войны? Все идетъ по-прежнему. Это лучшее и самое испытанное доказательство нашей силы и нашей превосходной подготовки.—Но, слушая его, я думалъ о томъ, какъ мало удовлетворяла меня вся эта показная внѣшность положенія, которая, дѣйствительно, можетъ ввести въ заблужденіе рыскающаго въ погонѣ за впечатлѣніями туриста, но не того, кто стремится проникнуть глубже въ настроеніе массъ.

— Партій больше не существуетъ,—говорилъ мнѣ г. фонъ-Гвиннеръ;—мы всѣ объединились и повернулись лицомъ туда, откуда грозила опасность.

— Вы полагаете, такимъ образомъ, что положеніе Германіи серьезно?

— *Внѣ всякаго сомнѣнія.* Этого не будетъ отрицать ни одинъ здравомыслящій человѣкъ.

* * *

Впослѣдствіи я имѣлъ случай бесѣдовать съ г. фонъ-

Гвиннеромъ по финансовымъ вопросамъ. Чтобы пополнить мои первоначальныя свѣдѣнія, я отправился къ герцогу Трахенбергу, принцу фонъ-Гатцфельдту.

Онъ въ теченіе шестнадцати лѣтъ былъ въ рейхстагѣ депутатомъ Силезіи, гдѣ является однимъ изъ крупнѣйшихъ землевладѣльцевъ. Всѣ шестнадцать лѣтъ онъ засѣдалъ на правой консервативной сторонѣ, и въ настоящее время состоитъ членомъ Палаты Господъ. Въ то же время онъ — президентъ Краснаго Креста.

Я засталъ принца въ его особнякѣ на Бетховенштрассе. Онъ принялъ меня въ рабочемъ кабинетѣ, убранномъ съ изысканнымъ вкусомъ и украшеннымъ портретомъ Ленбаха. Высокаго роста, худой, герцогъ одѣтъ былъ въ генеральскій мундиръ. Но за внѣшнимъ видомъ генерала замѣтна была безукоризненная фигура крупнаго аграрія. Герцогъ много путешествовалъ. Онъ говоритъ на чистомъ французскомъ языкѣ и на этомъ же языкѣ мы повели нашу бесѣду:

— Уступки лѣвымъ! Да чего они могутъ у насъ просить? Мы выполнили всѣ тѣ крупныя реформы, которыя соціалисты внесли въ свою программу. Мы имъ дали рабочія пенсіи, страхованіе на случай увѣчій и безработицы [1]).

На это я замѣтилъ князю, что рабочіе круги имперіи однако далеко не удовлетворены принятыми правительствомъ мѣрами.

— Наши министры — не отвѣтственны, — возразилъ принцъ, не отвѣчая прямо на мое замѣчаніе,—да и гдѣ они дѣйствительно отвѣтственны?

Я подумалъ о справедливости этой мысли [2]). Принцъ

---

[1]) Этотъ списокъ осуществленныхъ соціальныхъ реформъ не отличается точностью. Страхованія отъ безработицы въ Германіи почти нѣтъ, нѣтъ также „пенсій“. Съ другой стороны необходимо однако отмѣтить наличность страхованія на случай болѣзни. *Ред.*

[2]) Политическая отвѣтственность министровъ (т. н., „парламентарная система“), конечно, не миѳъ, а реальная дѣйствительность въ Англіи, Франціи, Италіи, въ скандинавскихъ странахъ, а также во многихъ другихъ неболь шихъ государствахъ. *Ред.*

умолкъ, уставивъ свой взглядъ на картину, которую я раньше не замѣтилъ. Я заговорилъ первый:

— А что война? Долго она продлится?

— Въ теченіе зимы, — отвѣтилъ онъ тихо, — войска той и другой стороны натерпятся не мало. Потомъ придетъ весна. Вмѣстѣ съ ней возстановятся силы, и военныя операціи возобновятся съ новой энергіей. Возможно, что борьба продлится все лѣто 1915 г., но первые холода заставятъ всѣхъ призадуматься. Перспектива же провести еще одну зиму въ траншеяхъ не изъ такихъ, чтобы война могла затянуться дальше листопада.

Снова воцарилось молчаніе. Я подумалъ о германской арміи, объ ея военноначальникахъ и о Гинденбургѣ, этомъ предметѣ поклоненія берлинцевъ.

И я спросилъ его объ этомъ генералѣ.

— Гинденбургъ — крупная фигура. Но я не думаю, чтобы обладаніе Варшавой заслуживало большихъ жертвъ Нравственное же впечатлѣніе на нейтральные народы произведено уже достаточное.

На вопросъ объ экономическомъ положеніи Германіи, герцогъ отвѣтилъ:

— Послѣдній урожай хлѣбовъ и картофеля былъ хорошій.

И онъ сталъ мнѣ приводить цыфры, но я не заинтересовался и собрался уходить. Герцогъ проводилъ меня до дверей салона. Сходя по каменнымъ ступенямъ лѣстницы, я думалъ, что мнѣ еще нужно повидать соціалистовъ.

Я слышалъ, какъ захлопнулась за мной тяжелая чеканнаго желѣза дверь. Шелъ снѣгъ; было холодно; и мостовая Бетховенштрассе уже была покрыта словно бѣлымъ пухомъ. И въ то время какъ я, размышляя о судьбѣ странствующихъ журналистовъ, собирался пуститься въ путь, я услышалъ, какъ кто-то меня окликнулъ. Я поднялъ голову, на которую сыпались крупные хлопья снѣга. Въ первомъ этажѣ, въ рамкѣ широко распахнутаго окна, вырисовывалась высокая фигура герцога Трахенберга въ генеральскомъ мундирѣ. Не шевелясь, онъ крикнулъ мнѣ слѣдующія слова:

— Въ особенности не забудьте сказать, что нашъ послѣдній урожай картофеля далъ 450 милліоновъ центнеровъ.

И окно снова затворилось. Князь сразу исчезъ. Я подъ снѣгомъ пустился въ дальнѣйшій путь. Это было въ концѣ декабря. Съ тѣхъ поръ я убѣдился, а равно и Германія, что урожай былъ всетаки нѣсколько тощъ.

III.

Эдуардъ Бернштейнъ о поведеніи соціалистической партіи.—„Нѣсколько городовыхъ и одинъ сержантъ усмирятъ всякій бунтъ“, утверждаетъ Зюдекумъ.

Продолжая анкету, я долженъ былъ отправиться къ соціалистамъ. Германскіе соціалисты! Въ какомъ прекрасномъ свѣтѣ рисовались они рабочему интернаціоналу! Именно отъ нихъ почти всегда исходило священное слово. Именно изъ ихъ теорій, пропитанныхъ тяжелой нѣмецкой метафизикой [1]), соціалисты всѣхъ странъ черпали свои убѣжденія и отъ нихъ заимствовали линію своего поведенія. Что же сталось теперь со всѣми этими теоріями? Соціализмъ словно сдуло мощнымъ дуновеніемъ войны и соціалистическая пропаганда съ первой же минуты склонилась въ Германіи предъ военной дисциплиной. Такъ ли это? Разспросить объ этомъ я и отправился къ наиболѣе выдающимся соціалистамъ.

Сначала я обратился къ г. Бернштейну. Это—одна изъ наиболѣе выдающихся личностей партіи. Въ свои юные годы онъ былъ банковскимъ служащимъ, затѣмъ редактировалъ цюрихское изданіе „Соціалъ-демократъ“ и впослѣдствіи жилъ въ Англіи. Съ 1902 по 1906 г. онъ былъ депутатомъ Бреславля, но переизбранъ былъ лишь въ 1912 г.

---

[1]) Этотъ терминъ употребляется тутъ не въ его точномъ философскомъ значеніи. Въ основѣ того ученія, котораго придерживаются нѣмецкіе соціалисты, меньше всего „метафизики“. *Ред.*

Въ рейхстагѣ онъ спеціализировался на экономическихъ и финансовыхъ вопросахъ. Онъ живетъ въ скромномъ на видъ домѣ въ предмѣстьѣ Берлина, Шенебергѣ, гдѣ состоитъ муниципальнымъ гласнымъ.

Эдуардъ Бернштейнъ—человѣкъ лѣтъ 65, лысый, съ посѣдѣвшей бородой. Изъ-подъ очковъ, осѣдлавшихъ его большой, съ орлинымъ профилемъ, носъ, сверкаютъ умные, живые глаза. Депутатъ ввелъ меня въ свой рабочій, весь заставленный книгами, кабинетъ. Съ первыхъ же словъ онъ началъ жаловаться на результаты войны.

— Международная связь, которой мы достигли цѣною столь терпѣливыхъ усилій, отнынѣ порвана. Результаты этого дадутъ себя почувствовать рабочимъ всего міра.

Я попросилъ его изложить мнѣ, чего ждутъ и что предпринимаютъ соціалисты съ тѣхъ поръ какъ вспыхнула война. Я задалъ ему слѣдующій вопросъ:

— Какъ мотивируете вы голосованіе 4 августа?

— Еще не наступило время для установленія виновниковъ этой войны—отвѣчалъ онъ мнѣ.—Но для разъясненія положенія я долженъ, во всякомъ случаѣ, коснуться этого вопроса. Въ отношеніи Германіи положеніе намъ представлено было въ слѣдующемъ видѣ: Россія, по меньшей мѣрѣ, оффиціально произвела мобилизацію. Слѣдовательно, это была угроза войной. Русское правительство не пріостановило своей мобилизаціи, даже вопреки ультиматуму, который, судя по Бѣлой Книгѣ, опубликованной 3 августа имперскимъ правительствомъ, адресованъ былъ Россіи германскимъ правительствомъ. Судя по той же Бѣлой Книгѣ, французское правительство будто бы отвѣтило на этотъ ультиматумъ, что Франція намѣрена дѣйствовать, сообразуясь съ собственными интересами. Помимо того, Франція и Россія первыми открыли непріязненныя дѣйствія. Непріятельскія войска, все по тѣмъ же оффиціальнымъ донесеніямъ, проникли на германскую территорію какъ съ востока такъ и съ запада.

— При наличности именно такихъ заявленій правительства соціалистической фракціи и предстояло отвѣтить 4 августа, слѣдуетъ ей или не слѣдуетъ голосовать просимые кредиты.

— Главная же причина войны, австро-сербскій конфликтъ, даже не была затронута въ теченіе предварительныхъ дебатовъ, происходившихъ по этому поводу въ нѣдрахъ партіи. Всѣ такіе побочные вопросы заслонены были главнымъ—какое правительство объявило мобилизацію первымъ, а равно чтеніемъ оффиціальныхъ донесеній касательно открытія непріязненныхъ дѣйствій той или другой изъ воюющихъ сторонъ.

— Для огромнаго большинства фракціи вопросъ сводился къ тому, чтобы установить, возможно ли для партіи, представляющей третью долю германскаго народа, отказать въ средствахъ защиты страны, когда непріятель уже вступилъ на германскую почву и когда главнымъ военнымъ противникомъ является Россія.

— Меньшинство же, наоборотъ, выдвинуло вопросъ, допустимо ли предоставлять правительству начинать такую войну, по поводу которой имѣлись лишь односторонніе данныя и которыя, кромѣ того, являлись результатомъ той самой политической системы, противъ коей соціалъ-демократія всегда боролась съ крайней энергіей. Голосованіе такихъ кредитовъ для соціалистической партіи равносильно было явному противорѣчію, способному произвести самое дурное впечатлѣніе на рабочій классъ прочихъ странъ.

— Это послѣднее мнѣніе не могло, однако, имѣть преобладающаго вліянія. И дѣйствительно, во время произведеннаго во фракціи голосованія только шестая доля голосующихъ высказалась противъ ассигнованія кредитовъ. Вслѣдствіе этого было рѣшено уступить желанію правительства, а такъ какъ предварительно рѣшено было, въ случаѣ выступленія партіи въ рейхстагѣ, непремѣнно голосовать единодушно, то 4 августа и получилась такая поистинѣ необычайная картина, когда соціалъ-демократы голосовали за военные кредиты вмѣстѣ съ буржуазными партіями. Представители германскаго народа оказались такимъ образомъ въ глазахъ заграницы совершенно объединенными.

— Но въ соціалистической партіи,—продолжалъ онъ,—сдѣлали и продолжаютъ дѣлать нѣкоторыя оговорки по по-

воду голосованія 4 августа. А такъ какъ извѣстіе объ этомъ голосованіи не получило одновременнаго и повсемѣстнаго распространенія вмѣстѣ съ обосновывающей его деклараціей и такъ какъ, съ другой стороны, телеграфъ сообщилъ о немъ въ сокращенной формѣ, то этотъ актъ повсюду истолкованъ былъ какъ сочувствіе соціалъ-демократіи войнѣ.

— Это сочувствіе возбудило живѣйшее разочарованіе. И дѣйствительно, всѣ полагали, что въ случаѣ войны поведеніе основанной Бебелемъ и Либкнехтомъ партіи будетъ руководиться поведеніемъ своихъ основателей во время войны 1870 г. Однако, соціализмъ, достигшій огромной силы, предоставилъ средства въ интересахъ войны, которая не была объявлена Германіи, какъ это случилось въ 1870 г., а наоборотъ, которую Германія сама объявила какъ на западѣ, такъ и на востокѣ.

— Вотъ тѣ возраженія,—заключилъ г. Бернштейнъ,—которыя дѣлаются по поводу голосованія кредитовъ.

Тогда я спросилъ его:

— А мнѣніе большинства партіи не подверглось никакимъ измѣненіямъ со времени голосованія 4 августа?

— На этотъ счетъ я не могу,—отвѣчалъ онъ,—сдѣлать никакого точнаго сообщенія, но наше болѣе сдержанное отношеніе къ правительству и могущія воспослѣдовать изъ сего рѣшенія продиктованы нашимъ желаніемъ, чтобы по ту сторону границы прозвучалъ болѣе твердый голосъ, дабы это могло быть использовано въ нужное время въ интересахъ мира.

Я разстался съ г. Эдуардомъ Бернштейномъ. Изъ суммы его заявленій обрисовывается нѣсколько выводовъ, которые не безполезно формулировать.

Во-первыхъ, хотя германскіе дипломатическіе документы составлены съ явной цѣлью возложить отвѣтственность за войну на Россію, „германская секція рабочаго интернаціонала“ не могла не знать о военныхъ приготовленіяхъ Германіи, а равно—о сдѣланныхъ Англіей и Франціей попыткахъ къ поддержанію мира. Для соціалистической партіи все въ Германіи обнаруживало предумышленность и стремленіе произвести ужасающее нападеніе. И вопреки очевидности всего этого, только одна шестая доля членовъ

соціалистической партіи имѣла мужество отказаться въ закрытомъ совѣщаніи отъ голосованія кредитовъ. Въ рейхстагѣ же соціалисты, по первой просьбѣ правительства единогласно высказались въ пользу военныхъ ассигновокъ. Такимъ образомъ они сдѣлались соумышленниками прусскаго милитаризма въ самой циничной завоевательной войнѣ, какая когда-либо только вспыхивала. Впрочемъ, подобное поведеніе не могло насъ особенно удивить. Всякій, кто умѣлъ видѣть или желалъ надъ этимъ поработать, уже давно могъ потерять всѣ иллюзіи на счетъ той оппозиціи, которую будто бы окажетъ соціалистическая партія воинственнымъ замысламъ германскаго милитаризма. Наканунѣ самой драмы, на происшедшемъ въ Бельгіи свиданіи, равно какъ и на прежнихъ международныхъ конгрессахъ, германская демократія уклонилась отъ откровенно заданнаго ей на этотъ счетъ вопроса французскаго делегата Генеральной Трудовой Конфедераціи, г. Жуо [1]).

Да и съ тѣхъ поръ поведеніе соціалистической партіи измѣнилось не много; и послѣднія заявленія въ рейхстагѣ депутата Гаазе не смогутъ произвести такого впечатлѣнія, будто нѣмецкая соціалъ-демократія избрала себѣ новый путь.

* * *

Послѣ г. Эдуарда Бернштейна я отправился къ г. Зюдекуму. Они оба соціалисты, но сколько между ними различія! Г. Эдуардъ Бернштейнъ представляетъ собою любопытную смѣсь ученаго идеолога, и ему нельзя отказать въ томъ, что онъ производитъ впечатлѣніе убѣжденнаго человѣка. Г. Зюдекумъ-же, наоборотъ, похожъ скорѣе на человѣка болѣе ловкаго и изворотливаго, чѣмъ на убѣжденнаго. Онъ живетъ интересами дня и поддерживаетъ тѣсныя связи съ правительственными сферами.

У него живыя манеры и убѣдительная рѣчь.

---

[1]) Упрекъ въ „уклончивости“ лишенъ основанія. Германская соціалдемократія всегда совершенно открыто заявляла, что въ случаѣ войны она не въ состояніи организовать массоваго сопротивленія и принуждена поэтому отказаться отъ лозунга „война войнѣ“. *Ред.*

— Власти, пожалуй, немедленно сдѣлаютъ кое-какія уступки передовымъ партіямъ,—заявилъ онъ мнѣ,—но главныя реформы будутъ осуществлены послѣ войны. Я вѣрю въ реализацію всеобщаго избирательнаго права для Пруссіи, или, по меньшей мѣрѣ, въ близость этой либеральной реформы.

Разумѣется, г. Зюдекумъ себя не скомпрометируетъ. И я всматриваюсь въ него, пока онъ съ самодовольнымъ видомъ бросаетъ мнѣ эти фразы. Г. Зюдекумъ весь розовый, упитанный, а его сѣдѣющіе усы и брови говорятъ о близости полувѣка жизни. У него видъ зажиточнаго буржуа, пользующагося удачей въ своихъ дѣлахъ.

Я спрашиваю его о политическихъ надеждахъ германской демократіи.

— Мелкая буржуазія,—отвѣчаетъ онъ мнѣ,—и низшій торговый классъ поддаются управленію. Рабочіе же, наоборотъ, настроены на боевой ладъ, но большинство ихъ—не сторонники революціи [1]). Всѣ ихъ протесты имѣютъ платоническій (?) характеръ, и они ихъ высказываютъ лишь затѣмъ, чтобы добиться реформъ профессіональнаго характера. Большинство же нашихъ рабочихъ никогда не обнаруживало противодѣйствія вооруженіямъ. Если они критикуютъ милитаризмъ, то лишь за то, что онъ представляетъ собою организацію, построенную на кастовыхъ началахъ.

На минуту онъ остановился и затѣмъ съ удареніемъ добавилъ.

Нѣтъ, красный Либкнехтъ—онъ зоветъ себя такъ самъ—ошибается, вѣря въ возможность революціи въ Германіи. Въ мирное время рабочіе возвышали голосъ на митингахъ. Они позволяли себѣ временно увлекаться краснорѣчіемъ какого-нибудь популярнаго оратора, но когда слѣдовало переходить отъ словъ къ дѣлу, то вокругъ агитаторовъ образовывалась пустота. Революція въ Германіи не-

---

[1]) Поскольку мы знаемъ Зюдекума, послѣдній могъ разумѣть подъ этимъ, что германскіе рабочіе не склонны къ насильственнымъ пріемамъ борьбы. Это не означаетъ, что они не стремятся къ соціальному перевороту. Ред.

возможна технически. Противъ нея имѣются матеріальные доводы: всмотритесь въ нашу военную организацію; окиньте взглядомъ эти широкія берлинскія улицы; всякую попытку къ бунту смогутъ остановить нѣсколько городовыхъ подъ командой простого сержанта"...

Я въ это время, дѣйствительно, былъ съ г. Зюдекумомъ на одной изъ главныхъ улицъ Берлина. Мы вышли съ нимъ вмѣстѣ, и онъ говорилъ со мной по-французски, указывая рукою на бульваръ, по которому мы слѣдовали. Какой-то встрѣчный насторожилъ уши и оглянулся съ нѣкоторой тревогой, но потомъ пошелъ своей дорогой. Г. Зюдекумъ слегка улыбнулся и затѣмъ продолжалъ.

— И затѣмъ, что намъ дастъ революція? По существу нѣтъ болѣе свободной страны, чѣмъ Германія. Если соединить вмѣстѣ Францію и Англію, то у нихъ обѣихъ не найдется столько свободъ, сколько ихъ имѣется въ Германской имперіи.

Г. Зюдекумъ въ общемъ говорилъ со мной въ довольно успокоительномъ для германскаго имперіализма тонѣ. Я долженъ добавить, что въ тотъ же самый день я видѣлся и разговаривалъ съ секретаремъ международнаго союза рабочихъ профессіональныхъ обществъ; и онъ тоже ничего не говорилъ мнѣ о революціи. Самое большое,—утверждалъ онъ,—что профессіональные союзы стараются бороться съ экономическимъ кризисомъ и что „послѣ войны борьба между рабочими и хозяевами не преминетъ возгорѣться съ еще никогда небывалой силой".

IV.

„Это война предупредительная, т.-е вещь абсурдная,“— заявляетъ Карлъ Либкнехтъ.—„Жестъ Либкнехта не имѣетъ никакого значенія и о немъ никто не безпокоится“, возражаетъ директоръ министерства внутреннихъ дѣлъ г. Левальдъ.

Изъ устъ г. Бернштейна я узналъ, что во время подготовительнаго собранія, предшедствовавшаго голосованію 4 августа, соціалистическая фракція поставила на очередь вопросъ, должна или не должна партія открывать правительству военные кредиты. Равнымъ образомъ я узналъ, что извѣстная часть, а именно около шестой доли соціалистическихъ депутатовъ голосовала противъ кредитовъ.

Но эти депутаты преклонились предъ партійной дисциплиной, и голосованіе въ рейхстагѣ прошло единогласно. Съ другой стороны извѣстно, что во время засѣданія 2 декабря, тотъ же вопросъ былъ рѣшенъ немного иначе, и Карлъ Либкнехтъ во время голосованія не поднялся со своего мѣста. Онъ собирался дать объясненія своему поступку, но президентъ рейхстага, г. Кемпфъ, подъ предлогомъ, что рѣчь повлечетъ призывъ къ порядку, отказалъ ему въ словѣ.

Моя анкета не была бы полной, если бы я не повидалъ Карла Либкнехта. Кромѣ того, мнѣ самому интересно было посмотрѣть, послушать и разспросить этого человѣка, послѣдніе поступки котораго подверглись столь различному толкованію.

И вотъ однажды утромъ я отправился къ соціалистическому депутату. Вмѣстѣ съ своимъ братомъ онъ занимается адвокатурой. Въ комнатѣ, гдѣ мнѣ пришлось его ждать, уже сидѣло много народа. Это были кліенты адвоката; мелкіе, смиренные на видъ, берлинскіе мѣщане. Нѣкоторые читали газеты; иные, положивъ шляпу на колѣни, пребывали въ печальномъ безмолвіи, и оглядывали развѣшанные по стѣнамъ портреты главныхъ вождей соціализма. Среди нихъ я узналъ поясной портретъ Либкнехта отца; онъ декорированъ былъ краснымъ флагомъ съ надписью. „Treu über's Grab hinaus des Volkes bestem Sohne gedenken dein der Arbeit rothe Bataillione". „Тебя, лучшаго изъ сыновъ народа, помятуютъ красные рабочіе баталіоны, оставшіеся вѣрными и за гробомъ".

Вдругъ я разслышалъ свою фамилію. Ее произнесъ помощникъ г. Либкнехта. Онъ пригласилъ меня за собою; я прошелъ комнату и вступилъ въ кабинетъ, гдѣ увидалъ Либкнехта.

Онъ стоялъ за своимъ, заваленнымъ папками, столомъ и жестомъ руки показалъ мнѣ на кресло. Неужели это Либкнехтъ? Неужели это и есть тотъ единственный человѣкъ, который осмѣлился въ Германіи протестовать противъ всемогущаго милитаризма? Тотъ самый человѣкъ, поступокъ котораго привлекъ къ себѣ вниманіе всего міра? Маленькій нервный человѣкъ, съ суровымъ лицомъ и съ жесткими усами. Внѣшность унтеръ-офицера въ штатскомъ [1]). Вглядѣвшись, однако, замѣчаешь, что суровость выраженія у него сглаживается высокимъ выпуклымъ лбомъ—настоящій лобъ мыслителя. Густые черные вьющіеся волосы и живой взглядъ черезъ пэнснэ.

— Я не сдѣлаю вамъ политическихъ заявленій,—сказалъ онъ мнѣ съ самаго начала.—Но я могу вамъ дать разъясненія по поводу моего поступка въ парламентѣ.

— Только одно: почему вы отказались голосовать за военные кредиты?

---

[1]) Такую характеристеку внѣшности Либкнехта мы не можемъ признать правильной. Въ нашей памяти Карлъ Либкнехтъ, котораго мы видали неоднократно, рисуется какъ человѣкъ средняго роста, подвижной, но отнюдь не нервный и далеко не суровый. *Ред.*

— Почему? Прежде всего потому, что я, какъ международный соціалистъ, не могъ согласиться ассигновать правительству средства на веденіе капиталистической войны. Это—война предупредительная, то-есть вещь абсурдная. Бисмаркъ это хорошо понималъ, когда выразился, что предпринимать предупредительную войну равносильно самоубійству изъ страха смерти.

— Что бы тамъ ни говорили, но за мною стоитъ, если не большинство, то значительная часть рабочихъ. Я однако не питаю иллюзій насчетъ шансовъ моего успѣха. Но поступить такъ было моимъ долгомъ. Я дѣйствовалъ изъ принципа, ибо полагаю, что мой поступокъ согласуется съ идеалами нашей рабочей партіи.

— Вы вѣрите,—сказалъ я,—что имперское правительство склонно будетъ сдѣлать нѣкоторыя уступки передовымъ партіямъ за ихъ поведеніе, соотвѣтствующее его намѣреніямъ?

— Уступки!.. Уступки!.. Я въ это ничуть не вѣрю.

И Либкнехтъ улыбнулся при этой мысли. И затѣмъ продолжалъ:

— Да и что можетъ быть безнравственнѣе подобной комбинаціи, при которой нужно сказать правительству: „Дайте намъ политическія права, и мы дадимъ вамъ пушки“. Нѣтъ! Въ этомъ отношеніи я абсолютно расхожусь съ большинствомъ моей партіи [1]).

— И наконецъ, мы, интернаціональные соціалисты, не можемъ желать разгрома Франціи и Англіи. Послѣдствія его были бы гибельны для пролетаріата обѣихъ этихъ странъ и распространились бы и на германскихъ рабочихъ.

Либкнехтъ ограничился этими заявленіями. На этомъ я покончилъ съ соціалистами. Среди нихъ лишь Либкнехтъ своими словами произвелъ на меня впечатлѣніе независимости. Но возможно ли въ тайникахъ германской политики

---

[1]) Идея „обмѣна“ правъ на пушки принадлежитъ депутату Гейне и никогда не имѣла за собою не только „большинства“, но даже сколько-нибудь значительнаго меньшинства партіи. *Ред.*

ручаться за искренность человѣка и быть увѣреннымъ въ его независимости? [1])

* * *

Я не сомнѣвался, что затрудненія увеличатся, когда я приступилъ къ разспросамъ членовъ правительства. Подобныхъ лицъ всегда трудно повидать. А кромѣ того, къ строгой сдержанности ихъ обязываютъ и событія. Тѣмъ не менѣе, мнѣ удалось выслушать много правительственныхъ голосовъ и въ ихъ числѣ—замѣстителя имперскаго канцлера, министра внутреннихъ дѣлъ г. Дельбрюка.

Раньше свиданія съ нимъ я разговаривалъ съ директоромъ министерства внутреннихъ дѣлъ, г. Левальдомъ. Его точный титулъ: „Direktor im Reichsamt des Innern Stellvertreter, Bevollmaechtiger zum Bundesrat". Онъ принялъ меня въ своемъ весьма простомъ кабинетѣ на Вильгельмштрассе, 74.

Я заговорилъ съ нимъ о замѣтномъ движеніи въ пользу Либкнехта. Эти слова заставили г. директора подпрыгнуть въ своемъ креслѣ.

— Но Либкнехтъ, — воскликнулъ онъ, — совершенно одинокъ! Это честолюбецъ, который возомнилъ, что для него насталъ часъ сыграть международную роль.

— Этотъ человѣкъ, — продолжалъ онъ, — имѣетъ несчастіе быть сыномъ знаменитой, или, по меньшей мѣрѣ, выдаваемой за такую, личности. И онъ считаетъ себя обязаннымъ выступить впередъ и совершить такой поступокъ, который, какъ онъ надѣется, занесенъ будетъ въ исторію; но его поступокъ не имѣетъ никакого значенія, и никто объ немъ не помышляетъ.

Г. Левальдъ говорилъ съ раздраженіемъ, и это обстоя-

---

[1]) Скептицизмъ автора представляется намъ неосновательнымъ. Сомнѣваться въ независимости германскихъ соціалистовъ отъ правительства не станетъ ни одинъ свѣдущій политикъ. Поведеніе германской соціалдемократіи за все время войны опредѣлялось несомнѣнно собственнымъ разумѣніемъ вождей и настроеніемъ рабочихъ массъ. Если угодно, соціалдемократы были и находятся въ зависимости, но исключительно отъ своихъ рабочихъ избирателей. *Ред.*

тельство противорѣчило его собственнымъ увѣреніямъ. Онъ, видимо, придавалъ поступкамъ и жестамъ Карла Либкнехта гораздо больше значенія, чѣмъ высказывалъ.

— Г. Либкнехтъ, — продолжалъ онъ, — первымъ осмѣлился напасть на фирму Круппа, которая оказала имперіи такія большія услуги.

— Въ дѣйствительности-же, поведеніе Либкнехта не имѣетъ никакого значенія. Мы всѣ объединились, отъ перваго до послѣдняго нѣмца.

На этомъ онъ закончилъ. Въ тотъ же день и подъ тою же кровлей я встрѣтилъ помощника статсъ-секретаря при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, г. Рихтера.

Это человѣкъ уравновѣшеннаго ума и сдержанный, какъ въ своихъ словахъ, такъ и въ оцѣнкахъ. Весьма положительнымъ тономъ утверждалъ онъ, что замѣченное мною различіе мнѣній не представляетъ собой ничего тревожнаго, что оно объясняется критической склонностью нѣмцевъ. „Вамъ не безызвѣстно,—сказалъ онъ мнѣ,— что мы очень любимъ досаждать правительству: въ этомъ отношеніи мы ничуть не уступаемъ латинской расѣ, но всѣ эти маленькія непріятности имѣютъ чисто платоническое значеніе. Я васъ провожу къ министру, такъ какъ канцлеръ все время находится въ главной квартирѣ“.

Вращающаяся дверь повернулась. Большой кабинетъ весьма простой внѣшности; я очутился предъ замѣстителемъ имперскаго канцлера и министромъ внутреннихъ дѣлъ г. Дельбрюкомъ.

V.

„Правительство не сдѣлаетъ соціалистамъ никакихъ уступокъ". — Объясненіе германской финансовой политики, написанное самимъ министромъ.

Г. Дельбрюкъ — подвижной старикъ, высокаго роста, полный, съ свѣтлыми глазами и съ тщательно подстриженными усами.

Этого министра вообще считаютъ человѣкомъ способнымъ. Онъ—политикъ старой школы, но молодые ему этого не ставятъ въ вину, такъ какъ принято думать, что онъ приноситъ пользу. Какъ и другихъ собесѣдниковъ, я и его разспрашивалъ о внутреннемъ положеніи Германіи, о соціалистахъ и, наконецъ, о Либкнехтѣ.

— Поступокъ Либкнехта, — отвѣтилъ онъ мнѣ медленно, — не имѣетъ никакого значенія.

Затѣмъ онъ рѣшительно перешелъ къ жгучему вопросу касательно нынѣшняго сближенія большинства соціалъ-демократической партіи съ поляками.

— Нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, — сказалъ онъ мнѣ, — что въ Прусскомъ Ландтагѣ произойдетъ демонстрація въ пользу предоставленія Пруссіи всеобщаго избирательнаго права. Это меня не касается, — но, въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и главы правительства, я могу утвердительно сказать, что правительство рѣшило не дѣлать абсолютно никакихъ уступокъ соціалистической партіи.

Это было категорично. Послѣ этого заявленія я со-

брался распроститься съ министромъ, но онъ остановилъ меня жестомъ и сказалъ:

— Мой главный директоръ передастъ вамъ особую замѣтку, которую я велѣлъ приготовить для васъ. Въ ней говорится объ экономическомъ положеніи Германіи. Мое почтеніе.

Я не могъ не испытать въ эту минуту передъ г. Дельбрюкомъ своего рода восхищенія. Оказывается, что раньше, чѣмъ принять меня, этотъ министръ, практичный, какъ всѣ нѣмцы, распорядился заготовить для меня на машинкѣ особую замѣтку. Оно вѣрно, что самъ для себя сдѣлаешь куда лучше другого; и г. Дельбрюкъ не упустилъ случая поагитировать среди нейтральныхъ государствъ. Мнѣ не хотѣлось бы, чтобы труды вице-канцлера пропали даромъ, и потому я точно привожу его ноту. Она гласитъ:

„Экономическая эволюція Германіи за время настоящей войны раздѣляется на два различныхъ послѣдовательныхъ періода.

„Первый изъ нихъ можно назвать періодомъ экономической, а также финансовой мобилизаціи. Онъ длился въ продолженіе части августа мѣсяца.

„Въ это время требовалось обезпечить правильность функцій огромнаго экономическаго организма, который въ самый разгаръ своей дѣятельности захваченъ былъ врасплохъ однимъ изъ крупнѣйшихъ переворотовъ.

„Приходилось, напримѣръ, закрыть всѣ германскія биржи, потому что во всѣхъ прочихъ, даже нейтральныхъ, странахъ, рынки бумажныхъ цѣнностей закрыты были еще до начала войны. Германія тоже должна была принять эту мѣру, ибо иначе заграница, а главное, наши противники выбросили бы на нашъ рынокъ всѣ тѣ цѣнности, отъ которыхъ имъ нужно было отдѣлаться, чтобы выполнить свои собственныя обязательства. Но въ то же самое время закрытіе нашихъ биржъ могло вызвать печальное и курьезное положеніе вещей.

„Благодаря этому мѣропріятію, Германія смогла обойтись безъ мораторія. Всѣ воюющія и даже добрая доля нейтральныхъ странъ принуждены были пріостановить почти всѣ

платежи и, такимъ образомъ, парализовать до извѣстной степени свою экономическую жизнь. Въ Германіи же всякій коммерсантъ обезпеченъ, что получитъ наличными стоимость продаваемыхъ имъ товаровъ, что, съ другой стороны, позволяетъ ему регулярно расплачиваться со своими кредиторами. Всѣ банки, безъ единаго исключенія, продолжали выдачу вложенныхъ суммъ, благотворнымъ результатомъ чего явилась невозможность какой-либо паники,—даже ея зачатка. Крупныя коммерческія учрежденія продолжали учетъ векселей, какъ въ мирное время. Вся экономическая жизнь страны получила такимъ образомъ въ свое распоряженіе такое финансовое орудіе, безъ котораго она не могла бы долго продолжаться. Благодаря всему этому, экономическое приспособленіе Германіи къ исключительнымъ требованіямъ войны было облегчено въ значительной степени. Конечно, нѣкоторымъ отраслямъ промышленности съ объявленіемъ войны пришлось почти совершенно прекратить свою дѣятельность. Въ особенности это относится къ предметамъ роскоши, распространеніе которыхъ приняло въ Германіи широкіе размѣры. Точно также должно было роковымъ образомъ пріостановить или, по меньшей мѣрѣ, сузить свою дѣятельность большинство экспортныхъ предпріятій. Но въ то же самое время были такія предпріятія, для которыхъ война обезпечила возможность исключительной активности. И если, напримѣръ, изготовленіе шелковыхъ блузокъ чувствительнымъ образомъ сократилось, то, съ другой стороны, въ равной степени и даже много больше того расширилось изготовленіе военныхъ мундировъ. Дѣло сводилось, такимъ образомъ, къ переходу рабочихъ рукъ бездѣйствующихъ отраслей производства къ тѣмъ отраслямъ, которыя оказались не въ состояніи удовлетворять огромные спѣшные заказы. Это приспособленіе по обстоятельствамъ времени произошло въ Германіи очень быстро и обезпечило какъ хозяевамъ такъ и рабочимъ ихъ обычный, а иногда и болѣе высокій, чѣмъ въ мирное время, заработокъ. Въ настоящее время число безработныхъ въ Германіи ниже числа предыдущихъ годовъ.

— Само собою разумѣется, что такая міровая война, какъ та, которую мы теперь переживаемъ, налагаетъ на всѣ за-

хваченные ею народы тяжкія жертвы. Но германскій народъ несетъ ихъ безъ жалобы. Онъ готовъ къ тому, такъ какъ проникнутъ убѣжденіемъ, что въ экономической жизни, какъ на полѣ битвы, бодрость и дѣятельность являются необходимыми качествами въ главные моменты національнаго кризиса. И если германскій народъ до сихъ поръ продолжаетъ и будетъ продолжать во все время войны эту свою дѣятельность, то этимъ мы обязаны изумительной приспособляемости нашей экономической жизни къ условіямъ неожиданнаго положенія.

Я тѣмъ увѣреннѣе воспроизвожу эти, написанныя г. Дельбрюкомъ, строки, что онѣ являются весьма характерными для германскаго наивнаго „bluff“.

И дѣйствительно, о чемъ говоритъ намъ въ своей заботливо заготовленной рѣчи этотъ министръ? Что благодаря учрежденію ссудныхъ кассъ, которыя представляютъ собою не что иное, какъ замаскированный спасательный кругъ для плательщиковъ, Германія могла не прерывать своей экономической жизни. А какія доказательства этому приводитъ г. Дельбрюкъ? Доказательства по истинѣ необыкновенныя. Онъ говоритъ: „Если изготовленіе шелковыхъ блузокъ чувствительнымъ образомъ сократилось, то, съ другой стороны, въ равной степени и даже много больше того расширилось изготовленіе военныхъ мундировъ“. Но этотъ наивный примѣръ примѣнимъ, если я не ошибаюсь, ко всѣмъ воюющимъ странамъ. Нѣсколько же далѣе г. Дельбрюкъ намъ сообщаетъ, что число безработныхъ въ Германіи нынѣ меньше числа предыдущихъ годовъ.

Это восхитительно! Неужели вице-канцлеръ забылъ, что въ Германіи мобилизовано шесть милліоновъ человѣкъ, шесть милліоновъ, которые имѣли на рукахъ какое-нибудь дѣло?

И наоборотъ, г. Дельбрюкъ ни словомъ не упоминаетъ ни объ экономической блокадѣ Германіи, ни—воспользуемся однимъ изъ его выраженій—объ „условіяхъ неожиданнаго положенія“. Мы поговоримъ объ этомъ вмѣсто него въ экономической части этой анкеты.

Внѣшняя политика.

I.

Историкъ, профессоръ и другъ императора г. Шиманъ: „Нашъ врагъ, это—Англія“.—„Нашъ императоръ безпрестанно трудился въ интересахъ мира“.

Прошло ровно два мѣсяца съ того времени, какъ я велъ нижеслѣдующую бесѣду [1]). Происшедшія въ это время военныя событія протекли въ пользу союзныхъ армій. Мои собесѣдники слишкомъ освѣдомленные люди, чтобы не придти къ сознанію, что за эти истекшіе мѣсяцы германскія силы мало-по-малу изсякали, и что время безпощадно разрушило ихъ надежды. Говорили ли бы они теперь со мной тѣмъ языкомъ, какъ тогда? Это допустимо. Во всякомъ случаѣ можно замѣтить, что множество великолѣпныхъ замысловъ уже, повидимому, подчинилось разсудку. Г. фонъ-Рихтгофенъ, напр., въ началѣ войны и не думалъ говорить о какомъ-либо возвращеніи Франціи Эльзаса... Въ то время они не говорили: „Мы ничего не имѣемъ противъ Франціи. Нашъ единственный врагъ—Англія“...

А теперь этотъ припѣвъ повторяется въ каждомъ разговорѣ. Нѣмецъ пока еще не потерялъ надежды на заключеніе сепаратнаго мира. Онъ чувствуетъ, что это единственное средство предотвратить разгромъ. И также замѣтно чувствуется во всѣхъ помѣщаемыхъ ниже заявленіяхъ, несмотря на горделивые замыслы, скорѣе напускная, чѣмъ настоящая самоувѣренность.

---

[1]) Номеръ Echo de Paris, въ которомъ напечатана была статья, помѣченъ 22 марта 1915 г. *Ред.*

Для начала этой, столь щекотливой, части моей анкеты я обратился съ разспросами къ теоретикамъ, къ университетскимъ профессорамъ, къ историкамъ и публицистамъ. Затѣмъ я обратился къ политическимъ дѣятелямъ.

Прежде всего я пошелъ къ одному изъ тѣхъ, кто своими рѣчами и статьями создалъ себѣ завидное мѣсто въ рядахъ германской интеллигенціи, чьи мысли въ теченіе послѣднихъ двадцати лѣтъ оказывали значительное вліяніе на внѣшнюю политику имперіи [1]). Извѣстный историкъ, профессоръ университета и тайный совѣтникъ, г. Шиманъ въ тоже время является личнымъ другомъ императора, и въ качествѣ такового его мнѣніе представляетъ особенный интересъ.

Онъ принялъ меня въ своей квартирѣ, на Тауенцинштрассе, которая находится въ одномъ изъ наиболѣе оживленныхъ кварталовъ Берлина.

Меня ввели въ обширный кабинетъ; всюду книги; вдоль стѣнъ, на этажеркахъ, на столахъ. Всюду портреты императора и германской императорской фамиліи. Когда вошелъ хозяинъ, я разсматривалъ эти фотографіи съ ихъ театральными позами. Шиманъ—человѣкъ лѣтъ пятидесяти, нѣсколько ниже средняго роста, съ еще черными бородой и волосами. Тонкія правильныя черты лица, но безжизненнаго цвѣта и мрачнаго выраженія, которыхъ не смягчаютъ блѣдно-сѣрые холодные глаза.

Вѣжливо, но холодно профессоръ началъ съ заявленія, что, принимая меня, онъ сдѣлалъ исключеніе, такъ какъ обычно никакихъ интервьюеровъ не принимаетъ.

Я спросилъ его о причинахъ войны.

---

[1]) Значеніе профессора Шимана не такъ велико, какъ это представляется автору. Еженедѣльные обзоры Шимана въ Kreuz-Zeitung читаются только въ узкихъ кругахъ консервативнаго политическаго міра. Что же касается его отношеній къ императору, то, насколько намъ извѣстно, они далеко не такъ интимны, чтобы ихъ можно было назвать „дружескими“. Во всякомъ случаѣ, нельзя говорить, что „мысли“ Шимана имѣли вліяніе на внѣшнюю политику Имперіи. Г. Шиманъ инспирируется, но отнюдь не инспирируетъ. Его мнѣнія важны поэтому лишь постольку, поскольку мы знаемъ, что въ нихъ отражаются настроенія правительственныхъ сферъ. *Ред.*

— Во Франціи,—отвѣчалъ онъ,—сначала никто не хотѣлъ брать на себя отвѣтственность за начало войны. Тѣмъ не менѣе съ 1904 г., т.-е. съ заключенія англо-французскаго соглашенія, французская политика стала проявлять склонность къ тому, чтобы принудить Германію смириться безъ борьбы, что было равносильно ея отказу отъ положенія великой державы.

— Опираясь на свое соглашеніе съ Англіей и на свой союзъ съ Россіей, Франція возомнила, что германская имперія никогда не осмѣлится заставить уважать свои права; что если въ Берлинѣ говорили о войнѣ, то это былъ „bluff". Въ особенности полагали, что путешествіе императора въ Танжеръ [1]) и выступленіе Германіи въ защиту Австро-Венгріи въ эпоху аннексіи Босніи-Герцеговины были самыми простыми „bluff'ами".

— Англійскіе государственные люди были благоразумнѣе: они этой теоріи не придерживались, доказательствомъ этому служатъ англійскія военныя приготовленія; строились новые дредноуты и для выступленія только ожидали удобнаго случая. Голландскій проектъ укрѣпленія Флиссингена далъ, подобно другимъ инцидентамъ, поводъ къ германофобской кампаніи.

— Ненависть къ Англіи здѣсь очень велика,—сказалъ мнѣ профессоръ,—такъ какъ мы вынуждены были воевать благодаря, главнымъ образомъ, ея интригамъ! Я лично,—добавилъ онъ,—имѣю въ Англіи въ высшихъ сферахъ много друзей, и когда я пріѣзжалъ ихъ повидать, то они увѣряли меня въ миролюбивыхъ чувствахъ ихъ страны по отношенію къ моей, но они меня безстыдно обманули!

Г. Шиманъ въ первый разъ вышелъ изъ своей невозмутимости, его лицо оживилось, и нервнымъ жестомъ онъ ударилъ по ручкѣ своего кресла.

Но онъ скоро овладѣлъ собою и монотонно, взвѣшивая свои слова, продолжалъ:

— Вслѣдствіе явнаго нарушенія Алжезирасскаго договора Германія отправила въ Агадиръ „Пантеру", желая

---

[1]) Въ 1905 г. *Ред.*

этимъ ясно показать Франціи, что она не допуститъ, чтобы пренебрегали ея правами.

— Въ 1912 г. Англія приняла угрожающую позицію; она сконцентрировала свой флотъ въ Ламаншскомъ каналѣ и въ Сѣверномъ морѣ. Англичане хотѣли силой заставить Германію отказаться отъ своего положенія великой державы.

— Лордъ Робертсъ заявилъ въ одной газетной статьѣ, что война вспыхнетъ тогда, когда германская имперія будетъ сознавать свое превосходство; но Германія съ 1870 г. ни на кого не нападала и съ этой эпохи была самымъ миролюбивымъ и самымъ сдержаннымъ въ своихъ дѣйствіяхъ членомъ европейскаго концерта!

— Что же касается нашего императора, то онъ, можно сказать, безпрестанно трудился ради мира.

Профессоръ поднялся, отправился къ своему книжному шкафу и возвратился съ книгами и бумагами, которыя онъ передалъ мнѣ въ подтвержденіе своихъ словъ.

— Вотъ,—добавилъ онъ,—опубликованныя мною съ начала непріязненныхъ дѣйствій брошюры; онѣ содержатъ изъясненіе того, что отвѣтственность за нынѣшнюю войну падаетъ на союзниковъ.

Я попросилъ его продолжить свою рѣчь.

— Затѣмъ, — сказалъ онъ, — событія идутъ ускореннымъ темпомъ; катастрофа приближается; антагонизмъ между Австріей и Россіей все болѣе и болѣе обостряется; балканскіе народы, образовавъ коалицію, тоже рѣшаются посчитаться съ Австріей. Два года спустя происходитъ убійство эрцгерцога, котораго очень не терпѣли въ Россіи. Политика Тройственнаго Согласія хотѣла пропустить это безъ вниманія и оградить независимость Сербіи. Это было внушено военной партіей въ Россіи; русское правительство увѣрено было въ помощи Франціи и Англіи, и кромѣ того, царило убѣжденіе, что Германія не послѣдуетъ за своей союзницей и будетъ „стращать“ до самаго конца.

— Это Англія и Россія хотѣли этой войны, это ихъ война [1]).

---

[1]) Странно, какъ профессоръ исторіи и обозрѣватель междуна-

Я взглянулъ на профессора. При словѣ „Россія“ онъ снова не сдержалъ своей невозмутимости: лицо его поблѣднѣло, сѣрые глаза блеснули мрачнымъ огнемъ, вся фигура дышала упорной, накопившейся ненавистью!...

И я подумалъ, какъ необычайны и глубоки бываютъ тайны души: вѣдь этотъ человѣкъ—русскій [1]).

Прославившись въ Германіи, взысканный и почитаемый всѣми, принятый за столомъ монарха—этотъ историкъ хотѣлъ, чтобы забыли его происхожденіе; и онъ усвоилъ себѣ нѣмецкій строй мысли, нѣмецкій характеръ, и въ особенности дорожитъ тѣмъ, чтобы доказать, что его шовинизмъ ничуть не уступаетъ шовинизму самыхъ непримиримыхъ пангерманистовъ.

Человѣческая душа—такой лабиринтъ, что, можетъ быть, человѣкъ этотъ наперекоръ всему искрененъ, и его пламенная и фанатичная душа нашла свое призваніе въ этомъ чувствѣ противоестественной ненависти.

Но мы переходимъ къ другому предмету, и я прошу профессора высказать мнѣ свое мнѣніе по поводу нарушенія Германіей бельгійскаго нейтралитета.

— Наши дѣйствія были правильны,—сказалъ онъ,—такъ какъ Бельгія заключила съ Англіей секретный договоръ, которымъ предусматривалось занятіе бельгійской территоріи англійской арміей.

— Но,—замѣтилъ я,—если даже допустить, что подлинность такого документа будетъ доказана, все же вы не знали вѣдь о его существованіи во время нашествія на Бельгію.

родной политики могъ упустить изъ виду, что весь сыръ-боръ загорѣлся изъ-за ультиматума, который былъ написанъ, вѣдь, не Англіей и не Россіей. *Ред.*

[1]) Профессоръ Шиманъ не „русскій“, а, если не ошибаемся, бывшій балтійскій нѣмецъ. Его давно и правильно считаютъ „руссофобомъ“, что, однако, не означаетъ, что ему ненавистно все русское. Въ своихъ воспоминаніяхъ о пребываніи въ Германіи во время войны, профессоръ Н. И. Карѣевъ отмѣчаетъ, что г. Шиманъ сталъ во главѣ комитета для оказанія помощи нуждающимся русскимъ подданнымъ. „Проф. Шиманъ, пишетъ г. Карѣевъ, охотно отзывался на каждую просьбу“. Не будучи поклонниками консервативнаго профессора, мы приводимъ эти факты, руководясь исключительно чувствомъ безпристрастія и справедливости. *Ред.*

— У насъ были основанія подозрѣвать его существованіе, — отвѣтилъ онъ.

Я ему немедленно возразилъ:

— Но вѣдь однимъ только этимъ вашимъ подозрѣніемъ ни въ какомъ случаѣ нельзя оправдать подобнаго акта; и затѣмъ, если бы о существованіи такого соглашенія зналъ канцлеръ, то развѣ сталъ бы онъ такъ говорить въ рейхстагѣ, какъ онъ говорилъ въ засѣданіи 4 августа? Помните его слова: „Вступленіе германскихъ войскъ въ Бельгію противорѣчитъ обычному праву; но мы попытаемся загладить потомъ эту несправедливость“? Ясно вѣдь: если бы канцлеръ имѣлъ въ своемъ распоряженіи какой-нибудь другой документъ, то онъ скорѣе предпочелъ бы воспользоваться имъ, чѣмъ унижаться до такой степени!

Лицо моего собесѣдника омрачилось. Но предметъ этотъ меня интересуетъ очень, и я долженъ продолжать задавать профессору вопросы, хотя бы это ему не нравилось.

— Я видѣлъ одну брошюру съ тѣмъ документомъ,— сказалъ я ему, — о которомъ вы говорите, и на поляхъ ея я прочелъ такую замѣтку: „Вступленіе англичанъ въ Бельгію произойдетъ лишь послѣ нарушенія нашего нейтралитета Германіей“. Такимъ образомъ, это было лишь простою предупредительною мѣрою.

Въ умѣ же я подумалъ: „и германскіе аппетиты это съ избыткомъ оправдали“...

Такъ какъ профессоръ продолжалъ безмолствовать, то я продолжалъ:

— Не забудемъ также, что есть еще вопросъ о нейтралитетѣ Люксембурга. Сможете вы и въ отношеніи его сослаться на какой-нибудь тайный договоръ или что-нибудь въ этомъ родѣ?

— Тамъ были основанія военнаго характера,—съ удареніемъ воскликнулъ г. Шиманъ.

— Превосходно, г. профессоръ, но въ такомъ случаѣ къ чему же ссылаться на существованіе какого-то тайнаго договора въ оправданіе нарушенія бельгійскаго нейтралитета, а не просто указать на необходимость военнаго характера?

Г. профессоръ оставался въ замѣшательствѣ и при-

стально на меня посмотрѣлъ. Пожалуй, я зашелъ слишкомъ далеко. По его глазамъ, въ которыхъ загорѣлся огонь, я понялъ, что время положить конецъ этому разговору, и я съ нимъ распростился.

II.

„Если Германія будетъ побѣждена, то мы потеряемъ лѣвый берегъ Рейна и прусскія провинціи къ востоку отъ Вислы", говоритъ профессоръ Зерингъ.—Нѣсколько другихъ профессоровъ: гг. Людвигъ Штейнъ, Бургессъ и Донатъ.

По мѣрѣ того, какъ развивалась моя анкета о внѣшней политикѣ, меня — мало сказать: удивляла, но — прямо поражала та поспѣшность, съ которою мои собесѣдники заявляли, что Германія совсѣмъ не желала войны. Отвѣтственность за войну они преимущественно возлагали на Англію, именно это же прежде всего высказалъ мнѣ и профессоръ берлинскаго университета Зерингъ, котораго я посѣтилъ.

— Англія, — сказалъ онъ, — создала цѣлую теорію возникновенія этой войны. Но на это не стоило бы обращать вниманія, если бы у нея не находилось сторонниковъ въ нейтральныхъ странахъ. Согласно этой теоріи причиной войны былъ германскій милитаризмъ. Но что такое въ сущности германскій милитаризмъ? Эта система вооруженія примѣняется не въ одной лишь Германіи, ее давно уже усвоили всѣ европейскія великія державы, кромѣ Англіи [1]).

— Антидемократическое поведеніе англійскаго правительства, которое, не спросивъ націи, наложило на нее военныя обязательства, возможно только въ такой странѣ, которая воюетъ при помощи солдатъ съ улицы и которой

---

[1]) Профессоръ Зерингъ крайне наивенъ. Дѣло, конечно, не въ „системѣ вооруженія", а въ той роли, которую играетъ эта „система" въ общей политикѣ страны. *Ред.*

безразлично, считаетъ ли солдатъ эту войну справедливой или нѣтъ [1]).

„Только что опубликованные оффиціальные документы свидѣтельствуютъ, что Англія для начала непріязненныхъ дѣйствій использовала царившій между державами антагонизмъ, и потому она сполна отвѣтственна за современныя событія.

„Франція и Россія никогда бы не объявили войны, если бы не были увѣрены въ помощи англійскаго флота и англійскаго экспедиціоннаго корпуса. На политику, клонившуюся къ уничтоженію Австріи, Россія рѣшилась въ расчетѣ, помимо французской поддержки, на помощь Великобританіи; съ этой цѣлью она открыто поощряла великосербское движеніе и, въ ожиданіи благопріятнаго момента, втихомолку точила мечъ. Убійство эрцгерцога послѣдовало въ ближайшее время послѣ русско-англійскихъ переговоровъ".

Пожалуй, не стоитъ открывать ковычекъ, чтобы оговориться, до какой степени противорѣчитъ правдѣ каждое изъ этихъ утвержденій: до того безстыдно перемѣщены въ нихъ роли державъ. Профессоръ приписываетъ союзникамъ какъ разъ ту политику, которой слѣдовала Германія. Въ особенности смѣлымъ представляется утвержденіе, будто Россія была увѣрена въ полномъ содѣйствіи Англіи, тогда какъ общеизвѣстно, что Англія рѣшилась на военное вмѣшательство лишь послѣ историческаго отнынѣ свиданія сэра Эдуарда Гошена съ канцлеромъ фонъ-Бетманъ-Гольвегомъ, того самаго свиданія, во время котораго германскій канцлеръ вѣчно памятной фразой подтвердилъ желаніе Германіи нарушить бельгійскій нейтралитетъ. Это не значитъ, что профессоръ Зерингъ лишенъ чувства дѣйствительности, такъ какъ продолжалъ:

„Если Германія будетъ побѣждена, то мы потеряемъ лѣвый берегъ Рейна и прусскія

---

[1]) Профессоръ Зерингъ напрасно заговорилъ объ „антидемократичности" англійскаго правительства. Ни въ одной странѣ парламентъ не имѣлъ для войны такого значенія, какъ въ Англіи. Кромѣ того, нигдѣ общественное мнѣніе не могло такъ свободно высказаться въ прессѣ, какъ въ странѣ бриттовъ. *Ред.*

провинціи къ востоку отъ Вислы. Если, слѣдовательно, побѣдителями окажутся союзныя державы, то Германія, навѣрное, превратится въ государство, лишенное всякаго значенія".

Въ этомъ пунктѣ мы были съ нимъ вполнѣ согласны. Мимоходомъ замѣчу, что г. Зерингъ показался мнѣ не очень одушевленнымъ увѣренностью въ побѣдѣ, разъ рѣшился допустить возможность подобнаго исхода.

* * *

Профессоръ Бургессъ, къ которому я затѣмъ отправился, тоже обвиняетъ Англію въ томъ, что она вызвала войну, но онъ приписываетъ ея поступокъ соображеніямъ экономическаго характера.

— Враждебныя чувства къ Германіи,—сказалъ онъ,—проявившіяся въ Англіи за послѣднія десять лѣтъ, въ значительной степени объясняются конкуренціей въ области міровой торговли. Германія быстро достигла на морѣ высокой степени могущества, а созданная ею конкурренція нанесла интересамъ Англіи серьезный ущербъ. И эта война есть дѣло Великобританіи, ибо она именно ковала тройственное Согласіе, выросшее въ Союзъ".

* * *

Профессоръ Листъ въ отношеніи этого пункта проявилъ менѣе увѣренности. Онъ полагаетъ, что „предъ лицомъ неизбѣжности поиски виновниковъ этой войны представляютъ второстепенный интересъ". Это — осторожный философъ и мудрецъ.

Профессоръ Донатъ не питаетъ никакихъ сомнѣній относительно конечнаго результата: „Германія побѣдитъ". И онъ добавляетъ: „Мы не стоимъ за территоріальныя пріобрѣтенія за счетъ Франціи, исключая лишь необходимые въ стратегическомъ отношеніи пункты, но французская опасность должна быть устранена разъ навсегда; и мы этого можемъ достигнуть, если Германія сдѣлаетъ Францію своей союзницей. Изъ этого могли бы воспослѣдовать значительныя выгоды какъ для насъ, такъ и для Франціи и для всеобщаго мира".

Эта идея насильственнаго союза, къ которому слѣдуетъ принудить Францію силою оружія, довольно распространенная. Она зиждется на желаніи имѣть въ будущемъ свободныя руки, чтобы броситься на Англію и раздавить ее безъ помѣхи.

Какъ я уже выше упоминалъ, германскіе теоретики въ своихъ поискахъ виновниковъ настоящей войны, не обнаруживаютъ большого различія въ своихъ мнѣніяхъ: вообще, они обвиняютъ въ этомъ Англію и Россію. Было бы, однако, заблужденіемъ вѣрить въ ихъ полное ослѣпленіе относительно правдивости оффиціальныхъ данныхъ. Въ общемъ, разумѣется, они не доискиваются бо́льшаго. И дѣйствительно, дальше, когда мы будемъ говорить о германскомъ общественномъ мнѣніи, мы увидимъ, что къ словамъ правительства обыкновенно относятся съ такимъ же уваженіемъ, какъ къ словамъ Евангелія. Тѣмъ не менѣе въ Германіи, среди ученыхъ и политиковъ, встрѣчаются и независимые умы, которые добиваются правды. И они иногда даже рѣшаются открыто выражать это въ частныхъ бесѣдахъ, но трепещутъ при мысли, что ихъ рѣчи проникнутъ въ публику.

Одинъ изъ нихъ, извѣстный писатель и юристъ, черпающій свои свѣдѣнія изъ надежныхъ источниковъ, говорилъ мнѣ:—Война рѣшена была со дня Агадира, но надо было найти предлогъ. Таковымъ явилось убійство наслѣднаго эрцгерцога. Болѣе благопріятнаго момента, съ точки зрѣнія нашихъ заправилъ, нельзя было ждать. Выступивъ въ роли защитниковъ нашей австрійской союзницы, мы потомъ потянули ее за собою, но въ то же время сдѣлали красивый жестъ.

— Правительство полагало, что Англія воздержится отъ вмѣшательства въ конфликтъ, и Бельгія окажетъ сопротивленіе лишь для вида. Мы надѣялись, что поведеніе Италіи будетъ совсѣмъ инымъ, и мы расчитывали, что вмѣшательство Турціи будетъ болѣе быстрымъ.

— Болгарія должна была воспользоваться случаемъ и напасть на Сербію.

— А съ другой стороны, кто же могъ предполагать, что въ Россіи, гдѣ, какъ намъ извѣстно было, происходили ра-

бочіе безпорядки, эта война окажется настолько популярною, какъ это видно теперь?

Въ этомъ заявленіи, свидѣтельствующемъ объ извѣстной степени независимости ума, необходимо остановиться на двухъ пунктахъ: во-первыхъ, здѣсь ставится подъ сомнѣніе вѣрность союзной Австріи, а во-вторыхъ, здѣсь категорически подтверждается предумышленность дѣйствій Германіи. Если хорошенько вникнуть въ вопросъ и познакомиться съ дипломатическими документами, то въ этомъ не усомнится никакой независимый умъ. Но все же любопытно слышать подтвержденіе этого изъ устъ близкаго къ правительственнымъ сферамъ германца.

Впрочемъ, когда мы дойдемъ до бесѣдъ съ политическими дѣятелями, то мы увидимъ, что подобное мнѣніе не единично. Но само собою ясно, что нѣмцевъ, рѣшающихся высказывать подобныя мнѣнія, очень немного, ибо допустить, что Германія хотѣла этой войны, равносильно разрушенію цѣлой системы, которую съ такимъ трудомъ воздвигли виновники конфликта.

III.

Г. фонъ-Листъ: „Въ случаѣ треній между Германіей и Австріей, мы произведемъ аннексію эрцгерцогства австрійскаго“.—Гг. Гекшеръ и Гансъ Крюгеръ.—„Это война за власть капитализма“,—говоритъ Карлъ Либкнехтъ.—„Ни Франція ни Англія не хотѣли войны“,—утверждаетъ соціалистъ Бернштейнъ.

Перехожу къ политическимъ дѣятелямъ. Съ большинствомъ этихъ выдающихся нѣмцевъ я уже познакомилъ читателя, и поэтому теперь опубликую лишь ихъ заявленія. Но эти заявленія представляютъ собою драгоцѣнные документы.

Либеральный депутатъ г. фонъ-Листъ сказалъ слѣдующее:

— Нарушеніе бельгійскаго и люксембургскаго нейтралитетовъ оправдывается необходимостью. Франко-англійскій стратегическій планъ предусматривалъ значеніе этихъ территорій и значительныя французскія силы находились на бельгійской границѣ въ первыхъ числахъ августа мѣсяца. Впрочемъ, благодаря своимъ соглашеніямъ съ тройственнымъ согласіемъ (съ 1906 г.), Бельгія уже утратила свое право считаться въ нашихъ глазахъ нейтральнымъ государствомъ.

Я спросилъ его насчетъ германской политики по отношенію къ Австріи.

— Всѣ тѣ,—отвѣчалъ онъ,—кто зналъ Австрію, полагали, что ея армія будетъ разбита при первомъ столкновеніи; и мы были пріятно изумлены, когда убѣдились, что, хотя военныя операціи на австрійскомъ фронтѣ не дали благо-

пріятныхъ результатовъ, тѣмъ не менѣе двуединая монархія оказала серьезное сопротивленіе.

Я подумалъ, что г. фонъ-Листъ полонъ снисхожденія къ австрійской арміи, но я воздержался высказать ему это; депутатъ между тѣмъ продолжалъ:

— Во вліятельныхъ сферахъ какъ Германіи, такъ и Австріи надѣются, что послѣ этой войны оба государства войдутъ въ болѣе тѣсныя политическія и экономическія сношенія.

— Въ этой Федераціи центральныхъ государствъ мы видимъ самую надежную гарантію продолжительнаго мира.

— Но,—спросилъ я,—не предусматриваетъ ли германское правительство также такого случая, когда, вслѣдствіе текущихъ событій, возникнутъ разногласія между Германской и Австро-венгерской имперіями?

Г. фонъ-Листъ заерзалъ въ креслѣ и затѣмъ отвѣтилъ:

— Мы будемъ весьма опечалены, если будемъ принуждены прибѣгнуть къ крайнимъ мѣрамъ; и я полагаю, подобно многимъ другимъ политическимъ дѣятелямъ, что единственнымъ исходомъ въ такомъ случаѣ, будетъ присоединеніе эрцгерцогства Австрійскаго[1]).

Припомните, что во время нашего предыдущаго свиданія тотъ же г. фонъ-Листъ сказалъ мнѣ: мы будемъ сопротивляться. Очевидно, этимъ скромнымъ пожеланіемъ отнюдь не исключается тотъ гордый замыселъ владычества, который таится въ каждомъ германцѣ; и онъ сохраняется, несмотря на настоящія затрудненія.

Зная, что мой собесѣдникъ основательно знакомъ съ южными германскими государствами, гдѣ онъ прожилъ много лѣтъ, я воспользовался этимъ случаемъ, чтобы спросить его, какое настроеніе царитъ въ этихъ государствахъ.

— Разумѣется, — отвѣчалъ онъ, — они тамъ добрые нѣмцы, но ихъ симпатіи склоняются къ Австріи; тамъ съ живымъ интересомъ слѣдятъ за всѣмъ, что происходитъ въ Вѣнѣ, и политическія событія, развертывающіяся

---

[1]) Повидимому, подъ этимъ нужно разумѣть Верхнюю и Нижнюю Австрію. *Ред.*

въ этой столицѣ, обычно находятъ себѣ откликъ въ Баваріи [1]).

Я спросилъ также, какого мнѣнія либеральный депутатъ о роли нейтральныхъ государствъ въ текущей войнѣ.

— Не думаю, чтобы нейтральныя государства, и прежде всего Американскіе Соединенные Штаты, могли оказать большое вліяніе въ пользу мира. Я убѣжденъ, что Германская Имперія и наша союзница Австрія поведутъ переговоры непосредственно съ нашими противниками, не прибѣгая къ помощи третьихъ державъ.

— Что вы думаете о поведеніи Италіи и Румыніи?

— Ни Италія, ни Румынія не вмѣшаются въ этотъ конфликтъ такъ скоро, какъ это думаютъ. Между этими двумя государствами нѣтъ опредѣленнаго соглашенія, но ихъ общіе интересы тѣсно связываютъ ихъ внѣшнее выступленіе; позже онѣ, можетъ быть, рѣшатся на вмѣшательство, но ихъ внѣшняя политика, само собою разумѣется, будетъ зависѣть отъ происходящихъ въ настоящее время военныхъ событій. Такъ что никому неизвѣстно, къ какой сторонѣ онѣ примкнутъ.

* * *

Депутатъ Гекшеръ, съ которымъ я бесѣдовалъ вслѣдъ за тѣмъ, стоитъ на томъ, что вся отвѣтственность за нынѣшній конфликтъ падаетъ на Англію, которая подготовила войну и зажгла ее въ удобный моментъ.

Онъ подробно просвѣщалъ меня насчетъ роли Англіи въ Испаніи и занятія англичанами Гибралтара.

— Въ Испаніи — утверждалъ онъ, — всѣ симпатіи должны клониться къ Германіи, такъ какъ только мы могли бы вернуть ей этотъ край ея родной земли.

Уже сколько разъ за время моего путешествія мнѣ приходилось слышать такія мысли. О Гибралтарѣ со мной заговаривали съ первыхъ же словъ; только одинъ герцогъ

---

[1]) Мы склонны усумниться въ правильности передачи заявленія ф. Листа. Послѣдній врядъ-ли могъ высказать столь неправильное по существу мнѣніе, согласно которому выходитъ, что Бавaрія тяготѣетъ больше къ Австріи, чѣмъ къ Германіи. Несмотря на свой католицизмъ, Бавaрія никогда не помышляла измѣнить Германской Имперіи въ пользу Австріи. *Ред.*

Трахенбергъ посмѣялся надъ этой мономаніей нѣмцевъ. Я припоминаю, какъ, въ моментъ моего ухода, онъ съ усмѣшкою сказалъ мнѣ: „хорошенько замѣтьте, что я не разговаривалъ съ вами о Гибралтарѣ".

* * *

Депутатъ прусскаго ландтага, г. Гансъ Крюгеръ, съ своей стороны полагаетъ, что Германія не потребуетъ отъ Франціи никакихъ территоріальныхъ уступокъ. „Но мы хотимъ разъ навсегда устранить французскую опасность, и для этого лучше всего заключить съ Франціей союзъ".

Это равносильно тому, что Германская Имперія заставитъ Францію, съ ножомъ къ горлу, заключить миръ или позорный союзъ. Но послушаемъ продолженіе рѣчи:

— Германіи необходимы надежныя границы. Для этого намъ необходимо присоединить Бельгію; къ тому же она не французская, а вполнѣ фламандская или же валлонская; между тѣмъ фламандцы германскаго происхожденія, а ихъ языкъ находится въ близкомъ родствѣ съ голландскимъ. Они составляютъ въ странѣ большинство и потому въ отношеніи языка добились значительныхъ преимуществъ.

* * *

Послѣ этой бесѣды я вернулся къ депутату соціалисту, Карлу Либкнехту, который сказалъ мнѣ:

— Эта война прежде всего—война имперіалистическая; она вызвана германской и австрійской имперіалистскими партіями съ цѣлью добиться капиталистическаго господства на міровомъ рынкѣ и политическаго порабощенія обширныхъ странъ, гдѣ можетъ основаться промышленный капиталъ; равнымъ образомъ это предпріятіе направлено къ разрушенію растущаго рабочаго движенія. Что необходимо—это скорый и ни для кого не унизительный миръ.

Соціалистическій депутатъ, г. Бернштейнъ, по вопросу о выясненіи отвѣтственности за конфликтъ, сдѣлалъ мнѣ слѣдующее заявленіе:

— Во всѣхъ странахъ до оффиціальной мобилизаціи произведена была мобилизація секретная; и первая изъ

нихъ явилась лишь завершеніемъ тѣхъ военныхъ мѣръ, которыя принимаютъ всѣ правительства въ случаѣ неизбѣжной войны.

— Когда же огромныя арміи стоятъ почти лицомъ къ лицу на границахъ, то становится очень трудно избѣжать столкновеній въ томъ или другомъ мѣстѣ.

— Послѣ этого ни одно изъ обоихъ правительствъ не въ состояніи доказать неопровержимымъ образомъ, кто изъ противниковъ первымъ началъ враждебныя дѣйствія. Но представляется вполнѣ естественнымъ оказывать больше довѣрія утвержденіямъ той или другой державы въ зависимости отъ предыдущаго ея поведенія въ вопросахъ международной политики и проявленныхъ ею усилій въ цѣляхъ сохраненія мира.

— И вотъ въ этомъ отношеніи оффиціальная Германія, къ несчастью, неблагопріятно рекомендовала себя въ глазахъ европейской демократіи. Ее всегда, дѣйствительно, привыкли опасаться и считать классической страной милитаризма и безпрерывныхъ вооруженій. Военный законъ 1913 г., цабернскія событія, дѣло Круппа, телеграммы кронпринца,—все это еще у всѣхъ не памяти. Не забыта также и оказанная ею поддержка въ дѣлѣ съ Сербіей. Мы обратили на себя вниманіе досадной, хотя оффиціально и опровергнутой, германской мобилизаціей, о которой сообщилъ полуоффиціальный „Lokal Anzeiger“; не безъ недовѣрія мы отнеслись и къ прочимъ сообщеніямъ и нѣкоторымъ заявленіямъ, сдѣланнымъ правительствомъ.

— Выставленные канцлеромъ доводы по поводу нарушенія Германіей бельгійскаго нейтралитета произвели въ нѣдрахъ зарубежной демократіи, а главное въ рабочихъ партіяхъ, впечатлѣніе неблагопріятное.

— Я знаю,—добавилъ онъ,—что императоръ и канцлеръ не хотѣли войны; они колебались до послѣдней минуты, но я не могу того же сказать о военной партіи.

Я заговорилъ съ нимъ о заявленіяхъ, которыя мнѣ предъ тѣмъ пришлось слышать по вопросу о падающей на Англію отвѣтственности за настоящую войну.

— Это заблужденіе,—отвѣчалъ онъ,—будто

Англія, какъ впрочемъ и Франція, хотѣли войны.

Затѣмъ я спросилъ его о роли нейтральныхъ государствъ съ точки зрѣнія продолжительности войны.

Соціалистическій депутатъ полагаетъ, что благодаря посредничеству нейтральныхъ государствъ, которые „всѣ болѣе или менѣе чувствительно задѣты нынѣшней борьбой“, эта война должна скоро окончиться.

— По моему мнѣнію,—выразился онъ,—за нейтральными державами въ вопросѣ объ окончаніи войны необходимо признать вліяющій голосъ. Благодаря своему нейтралитету, онѣ находятся въ благопріятныхъ условіяхъ, чтобы просить о мирѣ или о началѣ переговоровъ, такъ какъ этимъ не рискуютъ себя скомпрометировать.

— Германія заблуждается,—добавилъ еще депутатъ,—если вѣритъ въ возможность сепаратнаго мира. Для этого необходимо, чтобы одна изъ союзныхъ державъ была побѣждена, но этого нѣтъ.

— Являетесь ли вы сторонникомъ,—спросилъ я Бернштейна,—таможеннаго союза между Германіей и Австро-венгерской монархіей?

— Я не противникъ этого проекта, но при условіи, чтобы онъ не былъ связанъ съ политикой высокаго протекціонизма по отношенію къ другимъ государствамъ. Но я отнюдь не въ восторгѣ отъ идеи слить внѣшнюю политику Германіи и Австро-Венгріи.

— Чтобы подобный политическій союзъ Германіи съ двуединой монархіей получилъ одобреніе германской демократіи, необходима коренная реорганизація страны, а равно демократизація ея дипломатія.

— Мы, соціалъ-демократы, работаемъ надъ созданіемъ федераціи народовъ европейской цивилизаціи, и потому такой проектъ можетъ слишкомъ легко явиться препятствіемъ къ осуществленію нашихъ задачъ.

Какъ видите, вопреки оттѣнку той политической группы, къ которой онъ принадлежитъ, Бернштейнъ, подъ условіемъ нѣкоторыхъ гарантій, не отказывается отъ великаго проекта, направленнаго къ укрѣпленію экономической связи срединныхъ имперій.

IV.

„Весною мы задержимъ Россію и бросимъ на Францію милліонъ людей". „Мы принудимъ къ миру Россію и Францію". „Мы раздавимъ Сербію". „Италія не двинется съ мѣста"... Такъ утверждаетъ депутатъ и совѣтникъ посольства баронъ фонъ-Рихтгофенъ.

Продолжая анкету о внѣшней политикѣ Германіи, я отправился къ барону фонъ-Рихтгофену, съ которымъ я уже бесѣдовалъ по другому вопросу. Въ области внѣшней политики баронъ фонъ-Рихтгофенъ имѣлъ для меня особую цѣнность. Въ качествѣ совѣтника посольства [1]) и сына бывшаго министра иностранныхъ, дѣлъ онъ превосходно знакомъ какъ съ людьми, такъ и съ проектами Вильгельмштрассе. Онъ долго со мною бесѣдовалъ.

Я прежде всего полюбопытствовалъ узнать его мнѣніе насчетъ нарушенія люксембургскаго и бельгійскаго нейтралитетовъ. Вотъ что онъ мнѣ отвѣтилъ:

— Крайне печально, что въ эту войну международное право нарушалось со всѣхъ сторонъ; это породитъ множество досадныхъ послѣдствій какъ съ точки зрѣнія будущности человѣчества, такъ и международныхъ отношеній. Нарушеніе люксембургскаго нейтралитета, съ точки зрѣнія юридической, уже искуплено какъ молчаливымъ согласіемъ люксембургскаго правительства, такъ и фактомъ принятія имъ вознагражденія.

— Что же касается бельгійскаго нейтралитета, то о немъ пока еще разговаривать не время. Люди, посвященные въ тайны иностранной политики, давно уже знали, что, на слу-

---

[1]) Какъ отмѣчено выше, г. Рихтгофенъ таковымъ не состоитъ. *Ред.*

чай франко-германской войны, бельгійское правительство дало извѣстныя обязательства и рѣшило, на чью сторону стать. Бельгія не имѣетъ права жаловаться на свою судьбу, въ какую бы форму ни вылилась или не выльется эта судьба.

— Какимъ же образомъ,—спросилъ я,—объясните вы слова, сказанныя канцлеромъ въ засѣданіи 4 августа?

— Объясняется это очень просто: канцлеръ отлично зналъ, какъ должно отнестись къ поведенію бельгійскаго правительства, но въ это время онъ еще надѣялся привлечь Бельгію въ свой лагерь, и выраженныя имъ сожалѣнія преслѣдовали лишь цѣль подготовить осуществленіе этой задачи.

Изъясняется г. фонъ-Рихтгофенъ съ большою легкостью и словоохотливостью; когда онъ говоритъ о крупныхъ дѣятеляхъ международной политики, то чувствуешь, что тутъ онъ въ своей области. Это человѣкъ хорошо освѣдомленный. И я, почти не прерывая, даю ему высказать его мысли.

— Намъ,—говоритъ онъ,—недостаетъ государственныхъ людей; только одинъ Циммерманъ [1]) въ дѣйствительности понимаетъ свое дѣло; но онъ всего сдѣлать не можетъ; онъ не канцлеръ; впрочемъ, я думаю, ему пришлось бы преодолѣть не мало препятствій, чтобы достигнуть болѣе высокаго положенія, такъ какъ происхожденіе у насъ играетъ при распредѣленіи общественныхъ должностей поистинѣ преувеличенное значеніе.

— Чтобы хорошо понять нашу иностранную политику со времени начала враждебныхъ дѣйствій, прежде всего необходимо усвоить, что нашъ главный врагъ—Англія. И мы ведемъ эту войну съ ней.

— Мы предлагали миръ Франціи и Россіи, но онѣ сдѣлали промахъ, не принявъ его; это ихъ дѣло...

— Правда, что касается Россіи, то мы еще не потеряли надежды добиться соглашенія(?); но будетъ еще лучше, если мы заставимъ ее силою исполнить наше желаніе. Точно также и на западномъ фронтѣ мы предприняли крупныя

---

[1]) Вице-статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ. *Ред.*

дѣйствія, которыя, мы надѣемся, не замедлятъ привести къ желательнымъ результатамъ.

— Задержавъ же Россію,—а мы стремимся только къ этому и совсѣмъ не собираемся проникать до самаго сердца страны,—мы будемъ имѣть милліонъ людей, который весною бросимъ на Францію.

— Мы желаемъ принудить Россію и Францію къ миру, но мы не стремимся къ территоріальнымъ пріобрѣтеніямъ ни съ той, ни съ другой стороны.

Эту рѣчь г. фонъ-Рихтгофенъ держалъ мнѣ въ первыхъ числахъ января. Въ это время онъ вѣрно обрисовалъ замыслы Германіи: это подтвердилось позднѣйшими событіями; но онѣ же доказали и жалкую неудачу этихъ замысловъ. Маневрами маршала фонъ-Гинденбурга Россію парализовать не удалось. Наоборотъ, успѣхи русскаго оружія крѣпнутъ съ каждымъ днемъ, а весна уже пришла. Откуда же Германія возьметъ тотъ милліонъ солдатъ, который она собиралась бросить на Францію?

Но предоставимъ слово г. фонъ-Рихтгофену.

— Мы хотимъ заключить съ этими двумя державами почетный миръ на слѣдующихъ основаніяхъ: Германія получаетъ нѣмецкую Фландрію и возвращаетъ Франціи французское населеніе Эльзаса, приблизительно, около 10.000 человѣкъ. Что касается Меца, то, конечно, мы его сохранимъ. Германія не можетъ уступать своихъ крѣпостей. По отношенію же къ Россіи—возвратъ къ тому положенію, которое было до войны.

— Эти соглашенія, между прочими выгодами, позволили бы намъ съ удвоенными силами атаковать Англію.

Я не могъ не улыбнуться при этихъ заявленіяхъ г. фонъ-Рихтгофена. Такъ вотъ каковы понятія выдающихся нѣмцевъ о почетномъ мирѣ. Но подобный почетный миръ былъ бы для Франціи просто-на-просто позорнымъ. Г. фонъ-Рихтгофенъ, предлагая уступить Франціи 10.000 жителей Эльзаса, лукаво забылъ, что этотъ край, въ эпоху его аннексіи въ 1871 г., насчитывалъ 1.120.000 жителей. Хотя и подумалъ это, но воздержался высказать, попытавшись навести г. фонъ-Рихтгофена на другой предметъ разговора.

— Не можете ли вы,—сказалъ я:—высказать мнѣ ваше

мнѣніе о политикѣ, преслѣдуемой австро-венгерской монархіей?

— Мы всѣ думали, что Австрія будетъ раздавлена Россіей при первомъ же столкновеніи (тѣ же слова, что сказалъ г. фонъ-Листъ). А между тѣмъ двуединая монархія все еще держится. Но положеніе опасное, и его, само собою разумѣется, сознаютъ въ Вѣнѣ.

— Слышали вы разговоры,—спросилъ я его,—о предпринятыхъ на Ballplatz'ѣ [1]) черезъ третьихъ лицъ переговорахъ съ цѣлью заключить сепаратный миръ съ Россіей?

— Вы мнѣ задаете очень нескромный вопросъ. Или знаете вы что-нибудь объ этомъ,—сказалъ онъ лукавымъ тономъ,—или разсчитываете получить свѣдѣнія отъ меня?

— Я бы хотѣлъ выслушать ваше мнѣніе. Но мнѣ достовѣрно извѣстно, что въ этомъ направленіи уже была попытка, и я знаю фамилію того лица, на которое возложены были оффиціальные переговоры.

— Что это за лицо? Можете вы мнѣ назвать хотя бы первую букву его фамиліи?—проговорилъ фонъ-Рихтгофенъ.

— Этого я не могу сдѣлать.

— Жаль, потому что мнѣ кажется, мы имѣемъ въ виду одно и то же лицо.

Тутъ нашъ разговоръ на нѣсколько времени оборвался, такъ какъ вошелъ одинъ изъ секретарей, принесшій бумаги къ подписи.

Едва закрылись двери, я возобновилъ разспросы:

— Являетесь ли вы сторонникомъ таможеннаго союза между Германіей и Австріей?

— Разумѣется. Я того мнѣнія, что необходимо отнестись благожелательно ко всему, что можетъ содѣйствовать болѣе тѣсной связи между обѣими центральными монархіями.

Я попросилъ депутата высказаться насчетъ германской дѣятельности на Балканахъ.

— Въ военномъ отношеніи наши дѣйствія,—отвѣчалъ онъ:—въ ближайшемъ будущемъ выразятся въ на-

---

[1]) Площадь, на которой помѣщается въ Вѣнѣ министерство иностранныхъ дѣлъ. *Ред.*

тискѣ на Сербію; впрочемъ, мы добиваемся сербскихъ желѣзныхъ дорогъ, и мы ихъ добудемъ, хотя бы для этого намъ пришлось отправить туда сто тысячъ лучшихъ войскъ.

— Основаній для этого множество—онѣ одновременно военнаго, политическаго и экономическаго характера. Въ особенности мы стремимся установить сообщеніе между нами и нашей союзницей Турціей, а для этого намъ необходимо располагать желѣзнодорожнымъ путемъ Берлинъ—Вѣна—Бѣлградъ—Софія—Константинополь.

— Равнымъ образомъ это является единственнымъ средствомъ подготовить при благопріятныхъ условіяхъ наше наступленіе на Египетъ.

— Съ другой стороны, и экономическое положеніе Германіи значительно улучшится, какъ только мы добьемся свободнаго доступа въ Константинополь.

— Кромѣ того, разгромъ сербовъ представитъ еще и ту выгоду, что подниметъ духъ австрійскихъ войскъ и тѣснѣе свяжетъ Венгрію съ общими задачами габсбургской монархіи.

— Но приняли ли вы во вниманіе, — спросилъ я, — возможное поведеніе Румыніи, когда ваше наступленіе начнетъ грозить перерывомъ Тимокской желѣзной дорогѣ?

— Когда сербы будутъ нами оттѣснены, то Болгарія выйдетъ изъ своего выжидательнаго положенія, такъ какъ мы обѣщали ей Македонію. Румынія такимъ образомъ будетъ мобилизована.

Тутъ я еще разъ прерву кавычки, чтобы подчеркнуть горделивость всѣхъ этихъ замысловъ. Нынѣ германцы больше не собираются раздавить сербовъ. У нихъ довольно другого дѣла. Что же касается свободы пользованія желѣзнодорожной линіей Берлинъ—Вѣна—Бѣлградъ—Софія—Константинополь, то это болѣе, чѣмъ когда-либо остается мечтой. И еще одно слово, чтобы отмѣтить неудачу другого нѣмецкаго грандіознаго проекта относительно похода на Египетъ.

— Что вы думаете о политикѣ, которой держится итальянское правительство?—спросилъ я.

— Италія не двинется съ мѣста. Она получитъ

все, что ей нужно, не вынимая меча; благодаря намъ, она уже могла безъ единаго выстрѣла занять Валлону [1]).

— Только три государства, располагающія крупными военными силами, не замѣшаны въ нынѣшнюю борьбу: это— Италія, Румынія и Соединенные Штаты. Но наши дѣйствія противъ Сербіи, въ связи съ прочими обстоятельствами и другими интересами, удержатъ всѣ воинственные порывы со стороны Италіи, а равнымъ образомъ и Румыніи; если же обѣ эти страны вмѣшаются впослѣдствіи въ войну, то онѣ сдѣлаютъ это на сторонѣ побѣдителя.

— Что же касается Соединенныхъ Штатовъ, то мы обладаемъ тамъ значительными интересами и у вашингтонскаго правительства имѣется не мало основаній поддерживать съ нами добрыя отношенія; притомъ же,—добавилъ онъ съ лукавой улыбкой,—президенты сознаютъ потребность привлекать на свою сторону голоса многочисленныхъ нѣмцевъ, поселившихся въ Америкѣ [2]).

— Какого вы мнѣнія относительно продолжительности этой войны?

— Она продлится, пожалуй, еще съ годъ, но не больше. Болѣе продолжительной войны не выдержать ни Франціи ни Россіи.

На этихъ словахъ наша бесѣда закончилась. Изъ числа моихъ собесѣдниковъ г. фонъ-Рихтгофенъ высказалъ мнѣ больше всего. Но сколько изъ его проектовъ теперь уже кануло въ Лету! Потокъ совершившихся событій опровергаетъ многое изъ того, что было сказано всего нѣсколько недѣль назадъ.

Вопреки всему, союзники пишутъ исторію довольно быстро.

---

[1]) На албанскомъ побережьѣ. *Ред.*

[2]) До 12.000.000 человѣкъ. *Ред.*

V.

Г. Виттингъ: „Мы принуждены будемъ прибѣгнуть къ полной регламентаціи питанія". „Насъ могутъ принудить покинуть занятыя нами территоріи".—Статсъ-секретарь Министерства Иностранныхъ Дѣлъ г. Циммерманъ: „Германія заключитъ миръ своими собственными средствами".

По этому важному вопросу внѣшней политики я рѣшилъ разспросить одного изъ прежнихъ моихъ собесѣдниковъ, директора германскаго національнаго банка, весьма освѣдомленнаго человѣка—г. Виттинга.

Сначала онъ обрисовалъ мнѣ положеніе Германіи въ очень благопріятномъ видѣ.

— Мы занимаемъ Бельгію, сѣверную Францію и часть Польши. Вотъ вамъ,—сказалъ онъ мнѣ,—итогъ первыхъ пяти мѣсяцевъ войны.

Я ему замѣтилъ, что походъ германцевъ на Парижъ не удался, что операціи во Фландріи приняли невыгодный оборотъ для германской арміи, что Варшава, о взятіи которой они столько разъ возвѣщали, все еще не занята императорскими войсками и, возможно, никогда и не будетъ взята.

Онъ немного подумалъ и затѣмъ внушительнымъ тономъ сказалъ:

— Разумѣется, эту войну мы не ведемъ, какъ въ 1870 г. Мы наткнулись на серьезныя препятствія, испытали даже неудачи, и мысль покончить со всѣмъ въ нѣсколько мѣсяцевъ, какъ мы на это вначалѣ надѣялись, была ошибочной. Но въ скоромъ времени мы ожидаемъ на западномъ фронтѣ серьезныхъ событій. Съ этой сто-

роны мы разсчитываемъ въ краткій срокъ достигнуть рѣшительныхъ преимуществъ. Вы меня извините, если по этой части я не могу вамъ дать точныхъ свѣдѣній, — добавилъ онъ съ нѣкоторой ироніей.

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—тѣ затрудненія, которыя мы встрѣтили въ теченіе этой войны, послужатъ германской націи на пользу, такъ какъ умѣрятъ пылъ пангерманистскихъ круговъ и позволятъ намъ осуществить нѣкоторыя либеральныя реформы политическаго характера.

Я задалъ ему нѣсколько вопросовъ объ экономическомъ положеніи Германіи.

— Да, — отвѣтилъ онъ, — мы должны будемъ прибѣгнуть къ полной регламентаціи питанія. Но дисциплина въ Германіи большая; этому всѣ подчинятся. Въ этомъ вы могли убѣдиться сами. Революція у насъ невозможна.

— Что касается политическаго положенія, то я не думаю, что намъ удастся заключить сепаратный миръ съ тѣмъ или другимъ изъ союзниковъ; эти послѣдніе останутся объединенными, и вѣрить въ противное было бы глубокимъ заблужденіемъ. Впрочемъ, это будетъ не первой и не послѣдней ошибкой нашей дипломатіи.

Г. Виттингъ остановился на минуту въ задумчивости. Затѣмъ онъ заговорилъ снова.

— Война эта развивается медленно. Не ошиблись тѣ, кто утверждали, что это война подтачиванія (une guerre d'usure). Впрочемъ, я противникъ заключенія преждевременнаго мира, который принудитъ насъ черезъ десять лѣтъ начать все сначала.

Я спросилъ, что онъ думаетъ о конечныхъ результатахъ.

— Я не люблю пророчествовать, но я думаю, что все можетъ кончиться не иначе, какъ почетнымъ для Германіи миромъ.

— Намъ можетъ быть придется очистить занятыя теперь территоріи, но на нашей собственной мы окажемъ сильное сопротивленіе, и я считаю невѣроятнымъ, чтобы союзникамъ удалось проникнуть здѣсь далеко вглубь.

Надобно добавить, что эти заявленія г. Виттинга я получилъ около того же времени, какъ заявленія г. фонъ-Рихтгофена, т.-е., въ первой половинѣ января. Они оба предвѣщали быстрыя рѣшительныя дѣйствія какъ противъ Россіи, такъ и на западномъ фронтѣ. Всѣ эти бесѣды только свидѣтельствуютъ о полномъ крушеніи германскаго плана!

* * *

Баронъ фонъ-Рихтгофенъ мнѣ сказалъ:

— Намъ не достаетъ государственныхъ людей. Только одинъ Циммерманъ понимаетъ толкъ въ своемъ дѣлѣ.

Я съ этой минуты задумалъ непремѣнно поговорить съ г. Циммерманомъ. Въ этомъ направленіи я сдѣлалъ необходимые шаги. Однажды утромъ меня извѣстили по телефону, что вице-статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ, замѣститель министра [1]), находящагося въ главной квартирѣ, приметъ меня въ шесть часовъ вечера.

Въ назначенный часъ я былъ на Вильгельмштрассе. Меня поразила царящая въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ простота. Длинные выбѣленные известкой корридоры, на которые выходятъ скромныя на видъ съ четырьмя стульями и американскимъ бюро, комнаты, гдѣ засѣдаютъ такія важныя личности, какъ прежній посолъ и директоръ отдѣла нейтральныхъ странъ г. Муммъ фонъ-Шварценштейнъ и начальникъ отдѣла печати г. Горстманъ.

Курьеръ ввелъ меня въ пріемную комнату, предъ кабинетомъ министра.

Я былъ не одинъ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ меня тихо бесѣдовали посланники Швеціи и Даніи; отъ времени до времени они немного возвышаютъ голосъ, и я замѣтилъ, что они разговариваютъ по-французски. Имъ недолго пришлось ждать; черезъ нѣсколько минутъ послѣ моего прихода, курьеръ ввелъ ихъ къ статсъ-секретарю.

Я остаюсь одинъ и пользуюсь случаемъ осмотрѣться вокругъ. Я нахожусь въ довольно просторной комнатѣ съ двумя окнами на Вильгельмштрассе. Нѣсколько широкихъ

---

[1]) Въ Германіи министры носятъ названіе „статсъ-секретарей“. *Ред.*

диванов и креселъ, обитыхъ гранатовымъ репсомъ, составляютъ всю ея меблировку.

Въ глубинѣ, на столѣ виднѣется портретъ министра фонъ-Ягова, въ мундирѣ, съ усыпанной орденами грудью; прямо противъ меня на стѣнѣ виситъ большая, тяжелая и внушительная въ нѣмецкомъ духѣ картина масляными красками. Она изображаетъ императора Вильгельма I въ парадномъ одѣяніи; въ рукахъ у него фельдмаршальскій жезлъ, а на плечахъ—широкая горностаевая, расшитая золотомъ и парчей, мантія.

Шумъ голосовъ вывелъ меня изъ задумчивости. Дипломаты прощались съ министромъ, а вслѣдъ за тѣмъ къ нему ввели меня.

Г. Циммерману на видъ немного больше сорока лѣтъ. Онъ средняго роста и довольно крѣпкаго сложенія, но сохранилъ еще легкую, быструю походку. Широкое одутловатое лицо его украшено густыми бѣлокурыми усами и озарено голубыми насмѣшливыми глазами.

Въ юности министръ, должно быть, былъ большой забіяка, такъ какъ на лѣвой сторонѣ лица сохранились глубокіе шрамы, которые, разумѣется, въ студенческіе годы были предметомъ его гордости.

Онъ принялъ меня любезно и охотно согласился отвѣчать на мои разспросы.

— Нарушеніе бельгійскаго нейтралитета? Но развѣ вамъ неизвѣстно, что Бельгія заключила съ Англіей секретный договоръ? При такихъ условіяхъ ей весьма неумѣстно жаловаться.

— Какъ объясняете вы извѣстныя выраженія въ рѣчи канцлера, сказанной 3 августа?

— Очень просто. Тогда мы еще не знали о существованіи англо-бельгійскаго соглашенія. И канцлеръ, какъ человѣкъ, прежде всего честный, высказывая сожалѣніе о нанесеніи удара обычному праву и ссылаясь на доводы военнаго порядка, говорилъ по чистой совѣсти.

— А мнѣ говорили,—замѣтилъ я,—что эти заявленія канцлера объясняются его желаніемъ побудить Бельгію сложить оружіе.

— Это вѣрно,—подтвердилъ г. Циммерманъ, но тутъ

же быстро добавилъ: — я тутъ, впрочемъ, ничего не могу утверждать.

— Какого вы мнѣнія о поведеніи Италіи?

— Симпатіи итальянскаго народа—на сторонѣ союзниковъ, но высшія сферы и правительство склоняются въ сторону Германіи [1]).

Въ это время много говорили по поводу вопроса о Валонѣ, и я счелъ необходимымъ спросить министра и объ этомъ.

— Гм! это тоже военныя мѣропріятія, предпринятыя въ силу гуманныхъ соображеній. Мнѣ доставило большое удовольствіе узнать объ этомъ,—отвѣтилъ онъ съ усмѣшкой

— Вы не думаете,—сказалъ я,—что нейтральныя державы могутъ оказать рѣшительное вліяніе съ цѣлью положить предѣлъ враждебнымъ дѣйствіямъ?

— Этого я не думаю. Во всякомъ случаѣ Германія добьется мира собственными средствами.

Я собирался задать ему еще нѣсколько другихъ вопросовъ, но министръ вдругъ пустился въ длинныя разсужденія касательно роли Испаніи, и мнѣ было трудно обратить его вниманіе на другіе пункты. Разумѣется, онъ говорилъ и о Гибралтарѣ. Съ удареніемъ на каждомъ словѣ онъ сказалъ:

— Побѣда союзниковъ въ этой войнѣ равносильна окончательному установленію англо-французскаго вліянія на иберійскомъ побережьѣ. Поэтому всѣ испанскіе патріоты должны примкнуть къ Германіи. Намъ симпатизируютъ въ извѣстныхъ кругахъ Испаніи, но изъ числа членовъ правительства, министръ иностранныхъ дѣлъ маркизъ Лема (Lema) открытый англофилъ, и это, естественно, имѣетъ огромное вліяніе.

— Мы же нѣмцы, не только любимъ Испанію, но кромѣ того, и не хотимъ, да и не можемъ причинить ей какой-нибудь ущербъ.

— Почему?—спросилъ я его.—Потому что вы слишкомъ далеки отъ нея?

---

[1]) Рѣчь итальянскаго министра-президента Саландры, произнесенная въ парламентѣ 7/20 мая, и послѣдующія событія свидѣтельствуютъ о противоположномъ. *Ред.*

— Именно поэто му!—воскликнулъ онъ разсмѣявшись

Г. Циммерманъ пришелъ въ веселое настроеніе и нашу бесѣду закончилъ такими словами:

— Мы здѣсь безумно заняты. И вдругъ, когда на насъ лежитъ тяжкая отвѣтственность, къ намъ со всѣхъ сторонъ суются съ совѣтами. Министръ иностранныхъ дѣлъ ежедневно получаетъ цѣлыя сотни писемъ со всѣхъ концовъ Германіи съ разными совѣтами касательно тѣхъ или иныхъ мѣръ для спасенія общественнаго дѣла; ей Богу, можно подумать, что всѣ эти люди принимаютъ насъ за дураковъ.

Германское общественное мнѣніе и война.

Насколько освѣдомлены народъ и средніе классы.— Печать.—Нѣсколько профессоровъ.

Было-бы большой наивностью вообразить, что посѣщаемые мною видные нѣмцы будутъ высказываться вполнѣ откровенно. Я и самъ не забывалъ о моей роли нейтральнаго журналиста, а они, навѣрное, и еще меньше того. И потому они разговаривали со мною довольно сдержанно. Но все же, принимая во вниманіе навыки, манеру проявляться и спѣсь, приходится признать весьма знаменательнымъ, что извѣстная часть обнаружила нѣкоторое безпокойство. Я нахожу это весьма утѣшительнымъ, и это позволяетъ намъ сдѣлать нѣкоторые выводы.

Но если настроеніе умовъ въ правящихъ сферахъ и въ руководящихъ кругахъ Германіи уже не то, какое бываетъ у людей увѣренныхъ въ своемъ успѣхѣ и убѣжденныхъ въ полной побѣдѣ — какъ это наблюдалось въ началѣ войны и во все время августовской кампаніи, — тѣмъ не менѣе сила дисциплины въ Германіи, въ отношеніи всего что пишется и говорится, такъ велика, что въ печати, въ книгахъ и въ рѣчахъ ничего не проявляется изъ тѣхъ сомнѣній, которыя должны осаждать посвященныхъ во все лицъ [1]). И все, что хоть немного выступаетъ за предѣлы обычнаго, въ силу своего рода моральнаго заговора подчиняется государственнымъ интересамъ и заранѣе осуждено быть скрытымъ отъ бюргерства и народа, которые должны оставаться

[1]) Въ настоящій моментъ положеніе измѣнилось и въ печати открыто заговорили о трудностяхъ положенія и о необходимости спѣшить съ заключеніемъ мира. *Ред.*

въ невѣдѣніи. Общественное мнѣніе въ Германіи оказывается такимъ образомъ обработаннымъ на одинъ образецъ и проникнуто самымъ несомнѣннымъ единствомъ. Это именно и позволило директору королевской библіотеки въ Берлинѣ, г. Гарнаку, [1]) когда я пошелъ разспросить его насчетъ германскаго общественнаго мнѣнія о войнѣ, написать мнѣ слѣдующія строки:

— Царящее у насъ съ начала войны настроеніе проникнуто серьезностью и бодростью. Вся нація цѣликомъ готова на какія угодно жертвы, такъ какъ она знаетъ, что война вызвана Россіей и Англіей затѣмъ, чтобы уничтожить Германію какъ политически, такъ и экономически.

— Вслѣдствіе войны въ нѣдрахъ германскаго народа создалось полное единство. Впрочемъ, по многимъ вопросамъ общественное мнѣніе единодушно было и до начала войны. Нѣтъ больше ни пруссаковъ, ни баварцевъ, ни саксонцевъ. Имѣются только германцы. Нѣтъ больше ни консерваторовъ, ни либераловъ, ни соціалистовъ. Только германцы. Послѣ войны всѣ эти различія, само собой разумѣется, возродятся, но онѣ будутъ уже не такъ рѣзки.

Когда же я спросилъ г. фонъ-Гарнака:

— Хорошо-ли освѣдомлены средніе слои и народъ?

Онъ отвѣтилъ мнѣ:

— Они отлично освѣдомлены о причинахъ, значеніи и развитіи этой войны, ибо нашъ рабочій классъ достигъ высокой степени просвѣщенія и не позволяетъ себя убаюкивать побасенками. А потому никто и не пробуетъ къ этому прибѣгать.

Предоставимъ свободу высказываться. Но мы сейчасъ увидимъ, насколько хорошо освѣдомлены средніе классы и народъ. Мы увидимъ также, какъ они не желаютъ лучшей информаціи.

Какимъ же образомъ образовалось и укрѣпилось то единодушіе, о которомъ говоритъ профессоръ Гарнакъ? Путемъ утвержденія, какъ это высказалъ мнѣ депутатъ Гек-

---

[1]) Адольфъ Гарнакъ является однимъ изъ извѣстнѣйшихъ теологовъ міра. Его „Сущность христіанства“ создала ему широкую ученую популярность. Близость къ кайзеру придаетъ его заявленіямъ нѣкоторое политическое значеніе. *Ред.*

шеръ, что „Германія ведетъ не завоевательную войну, а борется за свое угрожаемое существованіе".

Что это ложь, это отлично извѣстно соціалистамъ—парламентаріямъ, всѣмъ депутатамъ, финансистамъ, аристократіи, двору и интеллигенціи. Но всѣ они, однако, не перестаютъ увѣрять въ достовѣрности этого утвержденія. Такъ именно случилось, что интеллигенція, на долю которой выпала самая завидная для независимыхъ умовъ роль, стала также проводникомъ подобныхъ взглядовъ.

И съ цѣлью оправдать въ глазахъ массъ поведеніе императорскаго правительства она предоставила въ его распоряженіе свое перо, подписала позорящій ее манифестъ, устраивала конференціи, выпускала книги. Германія оказалась вполнѣ объединенной. Г. фонъ-Листъ могъ представить мнѣ положеніе въ нижеслѣдующемъ видѣ, и я ничего не могъ возразить на его слова:

— Въ рѣшительный моментъ всѣ руководящіе элементы германскаго народа оказались вполнѣ единодушны. Въ періодъ событій, протекшихъ непосредственно предъ объявленіемъ войны, когда приходилось все взвѣшивать и обсуждать, естественно, еще существовало различіе въ мнѣніяхъ, такъ какъ его создавала ежедневная, даже почти ежечасная смѣна положенія вещей. Но 4 августа обнаружилось, что всѣ органы Имперіи — императоръ, федеральный совѣтъ и рейхстагъ единодушны.

Когда же я задалъ г. фонъ-Листу тотъ же самый вопросъ, что и г. фонъ-Гарнаку, „хорошо ли освѣдомлены средніе классы населенія?" то депутатъ профессоръ отвѣтилъ мнѣ:

— Средніе классы? Но они настолько же освѣдомлены насчетъ значенія происходящихъ на театрѣ военныхъ дѣйствій событій, какъ и высшіе классы. Они черпаютъ прежде всего свои свѣдѣнія изъ сообщеній главнаго штаба; и, хотя намъ извѣстно, что эти послѣднія говорятъ не обо всемъ, во всякомъ случаѣ мы увѣрены, что они говорятъ правду. Равнымъ образомъ мы получаемъ наши свѣдѣнія изъ газетныхъ статей, появляющихся въ прессѣ нейтральныхъ державъ, и изъ донесеній армій противниковъ.

Задавъ подобный же вопросъ профессору Зерингу, я получилъ слѣдующій странный отвѣтъ.

— Вы забываете, милостивый государь, что на тысячу рекрутовъ въ Россіи насчитывается 700 безграмотныхъ [1]), во Франціи—400, въ Англіи—100, въ Бельгіи—тоже 100, а въ Германіи—только 5 человѣкъ—пятеро!.. Ни въ какой другой странѣ просвѣщеніе не развито въ такой степени, какъ въ Германіи. А развѣ нѣмецъ лишенъ больше другихъ критическаго духа! Мы хотимъ отъ нашего главнаго штаба ясныхъ и неприкрашенныхъ донесеній.

— И онъ ихъ даетъ намъ.

* * *

Такимъ образомъ, мы имѣемъ три какъ нельзя болѣе опредѣленныхъ удтвержденія, что германскіе средніе классы и народъ освѣдомлены очень хорошо. Кѣмъ же они освѣдомлены? Печатью, которая сама питается агентствами. На этомъ стоитъ остановиться.

Общеизвѣстно, что германская пресса и агенства,—въ особенности Вольфъ, безстыдно-смѣлое вранье котораго доходитъ до комизма, — находятся въ полномъ распоряженіи правительства. Всѣхъ директоровъ и главныхъ редакторовъ важнѣйшихъ изданій періодически приглашаютъ въ министерства. Тамъ имъ даются извѣстныя указанія, слѣдовать которымъ они прилагаютъ все свое стараніе. Самому послѣднему журналисту здѣсь извѣстно, что есть такія вещи, о которыхъ нельзя говорить, и онъ никогда о нихъ не про-

---

[1]) Профессоръ Зерингъ сообщилъ своему собесѣднику невѣрныя свѣдѣнія. Количество безграмотныхъ рекрутовъ достигало въ Россіи въ 1895 г. 611 на тысячу. Съ тѣхъ поръ положеніе значительно улучшилось и въ настоящее время не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что число безграмотныхъ рекрутовъ не превышаетъ 30—40% общаго числа. Невѣрны свѣдѣнія Зеринга и относительно другихъ странъ. По авторитетному и для Зеринга Handwörterbuch'y der Staatswissenschaften, числилось во Франціи въ 1903-мъ г. 400 безграмотныхъ не на тысячу, а на д е с я т ь тысячъ, въ Англіи въ 1904 году сто человѣкъ также не на тысячу, а не д е с я т ь тысячъ, а въ Бельгіи даже 833, но опять таки на десять тысячъ рекрутовъ (см. статью Analphabeten въ т. I., стр. 443). *Ред.*

говорится. Такимъ образомъ, задачи цензуры значительно облегчаются. По этому поводу соціалистъ Бернштейнъ мнѣ съ усмѣшкою сказалъ:

— У насъ, видите ли, газеты необыкновенно послушны, и потому управленіе по дѣламъ печати является истинной синекурой!..

Только одно періодическое изданіе имѣетъ довольно независимый характеръ; это—органъ Максимиліана Гардена „Die Zukunft“ [1]). Но этотъ журналъ, хотя и пользуется нѣкоторой извѣстностью за-границей, среди германскаго народа и мелкой буржуазіи распространенъ мало. Его цѣна, 50 пфенниговъ за нумеръ, дѣйствительно, дѣлаетъ его малодоступнымъ для среднихъ классовъ. Самъ Максимиліанъ Гарденъ скорѣе пользуется репутаціей оригинала, чѣмъ писателя крупнаго колибра. Въ массы его писанія не проникаютъ. Не слѣдуетъ, впрочемъ, забывать, что въ началѣ войны онъ пѣлъ въ одинъ голосъ съ имперіалисткой Германіей и писалъ: „Мы воюемъ въ твердомъ убѣжденіи, что Германія можетъ требовать и должна добиться болѣе обширнаго простора и большей свободы въ своихъ дѣйствіяхъ. Намъ нужно больше земли и свободныхъ путей, дабы дать простора нашему уму, нашему языку и нашему товарообмѣну“!..

Въ результатѣ—никакой свободы прессы. Нейтральныя же газеты, которыя, по словамъ г. фонъ-Листа, читаются по всей Германіи, въ дѣйствительности, за нѣкоторыми малыми исключеніями, почти всѣ запрещены. Что же касается военныхъ донесеній, тѣхъ „ясныхъ и неприкрашенныхъ“ донесеній, о которыхъ г. Зерингъ говорилъ мнѣ, что онѣ „не говорятъ всего, но не скрываютъ правды“, то я самъ имѣлъ случай убѣдиться, чего они стоютъ. Неудачи въ

---

[1]) Авторъ глубоко ошибается. Помимо соціалистическихъ газетъ и журналовъ: Neue Zeit и Sozialistische Monatshefte, къ числу независимыхъ органовъ можно причислить и цѣлый рядъ бюргерскихъ въ родѣ März, Neue Rundschau и т. д. Всѣ они дѣйствительно „послушны“, но не за страхъ, а за совѣсть. Закрывать глаза на этотъ фактъ было бы непростительнымъ заблужденіемъ. Русское общественное мнѣніе во всякомъ случаѣ не нуждается въ информаціи, не соотвѣтствующей дѣйствительному положенію вещей. *Ред.*

Польшѣ и на сѣверѣ Франціи были ими тщательно скрыты. Марнское сраженіе, по росказнямъ военныхъ обозрѣвателей, было только ловкимъ маневромъ къ чести высшаго командного состава. И никогда не подымалось вопроса о разгромѣ турокъ въ Закавказьѣ. Такимъ образомъ, главная масса образованнаго германскаго народа знаетъ въ сущности не больше тѣхъ пяти рекрутовъ на тысячу, которыхъ профессоръ Зерингъ въ своей геніальной статистикѣ, снизошелъ признать невѣждами.

* * *

Можно ли изъ этого заключить, что, будь они въ точности освѣдомлены, германскій народъ и средніе классы проявили бы теперь иное настроеніе? Нѣмецъ вообще пассивенъ и дисциплинированъ. Дисциплинѣ этой покоряется даже рабочій міръ, хотя въ общественныхъ дѣлахъ онъ проявляетъ значительно большую дѣятельность. И только безпредѣльная нищета, безработица и крайній голодъ могли бы вывести его изъ этого состоянія. Въ буржуазіи же эта пассивность достигаетъ крайней степени. И г. фонъ-Рихтгофенъ былъ глубоко правъ, когда говорилъ мнѣ: „Наша буржуазія не добивается полной освѣдомленности. Ей нужно только, чтобы ею управляли“ [1]).

Это какъ нельзя болѣе справедливо. У нея дѣйствительно нѣтъ никакихъ желаній и никакихъ стремленій внѣ черты, намѣченной попечительной рукою правительства. Самый лучшій примѣръ тому я нашелъ, когда отправился разспросить профессора высшей коммерческой школы, доктора Фридриха Шера. Это—профессоръ, но онъ скорѣе бюр-

[1]) Самъ по себѣ фактъ слабой политической активности нѣмецкаго бюргерства вѣренъ, но авторъ и его собесѣдникъ неправильно обрисовываютъ его генезисъ. Дѣло тутъ не въ дисциплинѣ, а въ томъ, что нѣмецкое бюргерство очутилось между двухъ огней—воинствующимъ аграрнымъ дворянствомъ съ одной стороны, революціонной рабочей массой съ другой—и не въ состояніи по существу вести самостоятельной и смѣлой политики. Изъ этого положенія оно естественно находитъ сравнительно легкій выходъ въ томъ, что бросается въ объятія правительства и ждетъ отъ него откровеній и благодѣяній. *Ред.*

геръ, нежели интеллигентъ. Когда заговорилъ съ нимъ объ экономическихъ вопросахъ, то онъ поправилъ свои очки и докторальнымъ тономъ отвѣтилъ мнѣ:

— Правительство завѣряетъ, что мы безъ затрудненій можемъ обойтись до ближайшаго урожая. Оно это утверждаетъ, и съ меня этого довольно.

— Но все-таки,—настаивалъ я,—а ваши личные расчеты позволяютъ вамъ проконтролировать?

Но онъ прервалъ меня, повторяя:

— Правительство завѣряетъ, что мы безъ затрудненій можемъ обойтись до ближайшаго урожая. Оно это утверждаетъ, и (торжественно поднявъ палецъ кверху) съ меня этого довольно.

Для меня оказалось невозможнымъ извлечь изъ профессора что-нибудь, кромѣ этого. И не потому, что онъ не хотѣлъ бы этого или что бы онъ опасался себя скомпрометтировать. Нѣтъ... Но этотъ человѣкъ, съ бородой лопатою, этотъ докторъ въ очкахъ чувствовалъ себя обладателемъ высшей правды. Онъ былъ убѣжденъ милостью правительства и съ закрытыми глазами принималъ снисходящія свыше рѣчи.

За нѣкоторыми рѣдкими исключеніями, таковъ весь средній классъ, будь то профессоръ коммерческой школы, врачъ, или мелкій лавочникъ, или даже парикмахеръ, разговаривающій съ вами во время бритья. Они всѣ, одинъ за другимъ, будутъ повторять, какъ евангельскую истину, слова правительства. Они серьезно будутъ говорить о нѣмецкихъ завоеваніяхъ, о парижской революціи, о сепаратномъ мирѣ, о коварной Англіи... Словомъ, какъ пластинки фонографа, пущенныя въ обращеніе изъ бюропечати.

Не больше критическаго чувства и личной иниціативы проявляетъ и германская женщина.

Въ Англіи женщины своею энергіей способствовали росту количества добровольцевъ. Во Франціи онѣ своею выдержкой и отвагой служатъ дѣлу побѣды. Въ Германіи же онѣ словно въ безсознательномъ состояніи. Нѣкоторыхъ изъ нихъ я видѣлъ увѣшанными брилліантами на спектакляхъ; другія же, въ траурѣ, сидѣли

по ночнымъ ресторанамъ наряду съ дѣвицами и пили шампанское. Такъ что ни съ той ни съ другой стороны никакого желанія вникнуть въ истинное положеніе событій. Самая полная пассивность [1]). Иные, мнѣ кажется, могутъ ошибочно подумать, что такое настроеніе правительству удобнѣе всего, такъ какъ, благодаря этому, у него въ настоящей борьбѣ развязаны руки. Я же полагаю, наоборотъ, что нѣтъ ничего опаснѣе такого положенія вещей. Это оружіе годится лишь для одержанія легкихъ побѣдъ. Германія, при ея несоразмѣрныхъ аппетитахъ, лишена идеала. Въ критическую минуту у нея не окажется той силы сопротивленія, которая покоится на просвѣщенномъ общественномъ мнѣніи. И это отлично поняли тѣ, которые уже мечтаютъ о почетномъ мирѣ.

---

[1]) Сужденіе автора о нѣмецкой женщинѣ представляется крайне поспѣшнымъ. Бюргерскіе женскіе ферейны, объединенные въ „союзъ союзовъ“ представляютъ собою импозантную организацію, въ которой числится болѣе полумилліона членовъ. Во главѣ этой организаціи стоятъ высоко образованныя женщины въ родѣ Гертруды Беймеръ, Маріанны Веберъ, Елены Ланге и т. д. Говорить о „пассивности“ и некритичности этихъ элементовъ не приходится. Помимо этого, извѣстно, что такія женщины, какъ Клара Цеткинъ и ея единомышленники организовали съѣздъ женщинъ разныхъ странъ, на которомъ постановлено открыть кампанію противъ войны. Результатомъ этого съѣзда явились прокламаціи, распространяемыя по всей странѣ. Кромѣ того, женщины устроили въ мартѣ демонстрацію возлѣ рейхстага. *Ред.*

II.

Профессоръ химіи лейпцигскаго университета Вильгельмъ Оствальдъ: „Изъ Европы нужно создать одно организованное цѣлое“. „Его мозгомъ будетъ Германія, такъ какъ она одна обладаетъ секретомъ организующей культуры“.

Приступая къ опубликованію нижеслѣдующихъ бесѣдъ, я не буду предварительно доискиваться, какими соображеніями политическаго или моральнаго характера руководились мои собесѣдники изъ числа наиболѣе выдающихся людей германской интеллигенціи. Подобное изысканіе вышло-бы изъ рамокъ моей анкеты. Являются-ли они послушными орудіями германскаго имперіализма? Это возможно. Не поразило-ли и ихъ то повальное безуміе, анализу котораго Поль Бурже посвятилъ въ парижской прессѣ рядъ замѣчательныхъ этюдовъ? Это тоже возможно. По правдѣ говоря, я вѣрю какъ въ то, такъ и въ другое предположеніе. Но я не могу и не хочу углубляться въ изученіе этого вопроса. Мое дѣло дать матеріалъ, не входя въ психологическія оцѣнки.

Прежде всего бесѣдовалъ я съ профессоромъ лейпцигскаго университета Вильгельмомъ Оствальдомъ. Меня интересовала его личность. Въ Германіи онъ пользуется репутаціей крупнаго химика, выдающагося спеціалиста [1]), труды его весьма цѣнятся въ ученыхъ кругахъ. Въ этомъ отношеніи онъ до войны пользовался тѣмъ уваженіемъ, какое оказываютъ людямъ науки. Его книги читались; его труды пе-

[1]) Научная репутація Оствальда выходитъ далеко за предѣлы Германіи и можетъ почитаться міровой. *Ред.*

чатались въ нѣмецкихъ, а также во французскихъ изданіяхъ [1]). „Le Journal de Genéve“ недавно напомнила, что онъ напечаталъ четыре обстоятельныхъ статьи въ парижской „Grande Revue“.

И дѣйствительно, въ этомъ изданіи, въ № отъ 10 мая 1910 г., имѣется статья профессора Оствальда, подъ заглавіемъ „Крупный шагъ“. Правда, это была не научная статья. Куда тамъ! Въ этой своей работѣ г. Вильгельмъ Оствальдъ предлагалъ французамъ ни болѣе ни менѣе какъ разоружиться. „Я высказываю убѣжденіе, — писалъ лейпцигскій профессоръ,—что призваніе французскаго народа состоитъ въ томъ, чтобы первымъ совершить величайшій политическій актъ: разоружиться добровольно“.

А чтобы внушить довѣріе къ своей искренности, г. Оствальдъ еще добавилъ: „я—интернаціоналистъ“.

Германія, такимъ образомъ, лишній разъ пробовала рѣчами одного изъ своихъ ученыхъ внушить Франціи чувство довѣрія, и такимъ образомъ пыталась подъ покровомъ коварнаго предложенія ослабить силы, ограждающія независимость Франціи. Было-бы интересно заняться когда-нибудь изученіемъ всего того, къ чему прибѣгала съ этой цѣлью имперія Гогенцоллерновъ. Они всѣ, отъ соціалиста до ученаго, старались обезоружить Францію и подготовить ея паденіе.

Теперь этотъ псевдо-интернаціоналистъ Оствальдъ снова принялъ настоящую личину, но уже—личину непримиримаго шовиниста и экзальтированнаго патріота. Свое перо, свои мысли, всю свою душу онъ отдалъ на службу нѣмецкой культурѣ и отечеству. Онъ съ гордостью предоставилъ имъ даже свою лабораторію и помогалъ готовить на гибель той самой Франціи, которую когда-то самъ призывалъ къ разоруженію, воспламеняющійся порошокъ, такъ чудно дѣйствовавшій въ лотарингскихъ деревняхъ.

Дѣйствительно, мнѣ интересно было поговорить съ г. Вильгельмомъ Оствальдомъ.

* * *

[1]) На русскій языкъ переведены почти всѣ его главныя научныя и популярно-научныя работы. *Ред.*

Принялъ онъ меня безъ особыхъ затрудненій. Я воздержался заговорить съ самаго начала относительно интеллигенціи и задалъ такой вопросъ:

— Какого вы мнѣнія о настроеніи германскаго народа въ связи съ настоящей войной?

— Настроеніе германскаго народа, — отвѣчалъ онъ,— проявилось въ его энергіи на защиту своей земли и на поддержаніе своего мірового положенія. Желаніе побѣды царитъ во всемъ народѣ, и онъ не сомнѣвается въ результатахъ этой борьбы.

— Въ качествѣ-же результатовъ войны прежде всего желательно добиться болѣе обезпеченной безопасности и продолжительнаго всеобщаго мира. Что-же касается того, какъ этого можно достичь, насчетъ этого мнѣнія еще очень расходятся.

Г. Оствальдъ говорилъ съ осторожностью. Мы не коснулись еще его статей въ „Sonntags—Predigten". Мнѣ хотѣлось подвести его къ этому исподволь.

— А какого вы мнѣнія о германской интеллигенціи въ связи съ настоящей войной?

Профессоръ на минуту задумался, затѣмъ заговорилъ:

— На этотъ вопросъ отвѣтить трудно. Но во всякомъ случаѣ можно констатировать, что представители прикладныхъ и экспериментальныхъ наукъ видятъ въ достигнутыхъ до сихъ поръ на войнѣ результатахъ подтвержденіе огромной цѣнности своихъ усилій. Идея прикладной науки, въ данномъ случаѣ, должна быть понимаема много шире рамокъ физики, химіи и даже медицины; въ частности она должна включить политическую экономію и всю область техники. И наоборотъ, такъ называемыя чистыя науки, въ общемъ, обнаружили неспособность хоть чѣмъ-нибудь серьезно способствовать успѣху Германіи въ этой войнѣ. Отсюда и произошло, что относительное положеніе различныхъ представителей нашей интеллигенціи въ настоящее время значительно разнится между собою. Тогда какъ спеціалисты прикладныхъ знаній нашли для себя чрезвычайно обширное поле въ области технической, экономической и соціальной организаціи, — представителямъ чистой науки приходится оставаться въ сторонѣ и размышлять о безпо-

мощности и безполезности ихъ усилій. Я ожидаю, что послѣ заключенія мира во всей германской умственной жизни произойдетъ крупный сдвигъ въ пользу позитивнаго и активнаго пониманія науки. Типичное германское трудолюбіе, вслѣдствіе текущихъ событій, разовьется еще больше. Я надѣюсь, кромѣ того, что если это позволитъ настроеніе другихъ народовъ, то Германія послѣ войны сможетъ продолжать предпринятую ею международную организацію науки. Идея мѣстной науки у насъ, дѣйствительно, не можетъ привиться.

Но мнѣ также хотѣлось узнать мнѣніе г. Оствальда и о политическомъ положеніи Германіи.

— До 1870 г.,—отвѣтилъ онъ,—Германія не обладала однообразной организаціей, индивидуализмъ преобладалъ повсюду. Благодаря-же Бисмарку, она образовала одно цѣлое; уничтоживъ „Германскую конфедерацію“ [1]), онъ далъ Германіи ту силу, которою она располагаетъ теперь.

— Англіи удалось довести Европу до такой-же безпомощности, въ какой находилась „Германская конфедерація“. Выставивъ на первый планъ идею европейскаго равновѣсія [2]), Великобританія, чтобы повсюду удержать свое морское превосходство, сумѣла удержать всю остальную Европу въ ослабленномъ состояніи.

— Европейскому индивидуализму необходимо положить конецъ, а изъ Европы надо создать одно организованное цѣлое.

Но вотъ мы и у цѣли. Г. Оствальдъ опредѣляетъ свое пониманіе германской гегемоніи надъ Европой. Выслушаемъ его: „Для этого долженъ быть созданъ особый центральный органъ; и такимъ мозгомъ Европы

---

[1]) „Вѣчная германская конфедерація“—такое названіе получилъ союзъ германскихъ государствъ на Вѣнскомъ конгрессѣ 1815 года. *Ред.*

[2]) Не слѣдуетъ забывать, что съ идеей „равновѣсія“ оперировала не въ меньшей мѣрѣ и Австрія. По существу эта политическая идея такъ-же стара, какъ міръ (см. по этому вопросу интересную работу В. Даневскаго: Системы политическаго равновѣсія и легитимизма и начало національности въ ихъ взаимной связи. Спб. 1882). *Ред.*

можетъ быть только Германія, ибо она одна лишь обладаетъ секретомъ организаторской культуры".

Когда г. Оствальдъ произносилъ своимъ докторальнымъ тономъ эту „колоссальную" фразу, то мнѣ, признаться, хотѣлось задать ему нѣсколько нескромныхъ вопросовъ. Но я воздержался. Это было безполезно. И теперъ я прибавлю къ этому лишь два замѣчанія:

1. Во время этого безумно-горделиваго откровенія г. Оствальдъ показался мнѣ искреннимъ.

2. Оствальдъ въ извѣстныхъ кругахъ Германіи считается патріотомъ немного холоднымъ.

Спрашивается, чего-же имъ еще надо?

III.

Директоръ королевской библіотеки въ Берлинѣ г. фонъ-Гарнакъ.—Профессоръ Шиманъ.—Профессоръ Берлинскаго университета г. Вильгельмъ Ферстеръ.

Г. фонъ-Гарнакъ состоитъ главнымъ директоромъ королевской библіотеки въ Берлинѣ. Это—персона оффиціальная, съ холодной и замкнутой внѣшностью. Худой, высокій, онъ производитъ впечатлѣніе человѣка не достигшаго еще пятидесяти лѣтъ [1]).

Онъ принялъ меня въ рабочемъ кабинетѣ, въ университетѣ. Вначалѣ я спросилъ его, какого онъ мнѣнія относительно опубликованнаго мѣсяцъ спустя послѣ начала войны 93 германскими учеными пресловутаго манифеста, гдѣ систематически отрицались, между другими дѣйствительными фактами, и всѣ учиненныя германскими войсками жестокости.

— Открытое письмо, начинающееся словами „Это не правда“,—отвѣчалъ онъ,—содержитъ такія утвержденія, которыя я одобряю. Какъ вамъ извѣстно, я былъ въ числѣ подписавшихъ его. Возможно, что оно не подходитъ къ умственному строю другихъ народовъ, но его содержаніе согласно съ истиной!

— Какого вы мнѣнія о настроеніи руководителей германской политики въ началѣ враждебныхъ дѣйствій?

— Я не былъ въ непосредственныхъ сношеніяхъ съ правительствомъ съ самаго начала войны. Поэтому на вашъ вопросъ я могу отвѣтить, лишь опираясь на публичныя заявленія нашихъ политическихъ дѣятелей. А судя по этимъ

---

[1]) Въ дѣйствительности Гарнаку перевалило за шестой десятокъ. *Ред.*

заявленіямъ,—равно опираясь на мѣропріятія нашихъ руководителей, можно утверждать, что эти послѣдніе идутъ во главѣ германскаго народа и подаютъ ему примѣръ серьезнаго отношенія къ своему дѣлу, примѣръ бодрости и довѣрія.

Я въ точности воспроизвожу слова г. фонъ-Гарнака. Онѣ довольно неясны. Впрочемъ, я сразу замѣтилъ, что г. фонъ-Гарнакъ держится осторожно и взвѣшиваетъ значеніе каждаго сказаннаго имъ слова.

Я просилъ высказать свой взглядъ на роль нейтральныхъ державъ въ настоящемъ конфликтѣ.

— У меня не было еще времени задуматься надъ этимъ вопросомъ,—отвѣчалъ онъ.—Я, впрочемъ, думаю, что теперь на это никто не въ состояніи отвѣтить. Притомъ же нейтральныя страны не составляютъ одного цѣлаго, и между ихъ мнѣніями существуетъ большое различіе. Бываетъ нейтралитетъ дружественный и нейтралитетъ недружественный.

— А что вы думаете объ экономическомъ положеніи?— продолжалъ я.

— Я убѣжденъ,—отвѣчалъ г. фонъ-Гарнакъ,—что Германія въ состояніи выдержать продолжительную войну Какъ въ военномъ, такъ и въ экономическомъ отношеніи, мы располагаемъ большими рессурсами.

На этихъ оптимистическихъ заявленіяхъ, которыя, къ сожалѣнію для Германіи, не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, я разстался съ профессоромъ.

Профессоръ Шиманъ, мнѣніе котораго объ иностранной политикѣ Германіи мы уже приводили, презрительно пожалъ плечами, когда я заговорилъ съ нимъ объ этомъ же письмѣ „Къ цивилизованнымъ націямъ“.

— Это манифестъ,—заявилъ онъ,—былъ большою ошибкой, такъ какъ имъ собирались убѣдить тѣхъ, кто ни за что не хотѣлъ убѣдиться.

И это все.

* * *

Нѣсколько разъ я бесѣдовалъ съ профессоромъ берлинскаго университета и однимъ изъ извѣстнѣйшихъ астрономовъ Германіи—г. Вильгельмомъ Ферстеромъ.

Г. Ферстеръ является однимъ изъ тѣхъ лицъ, которые подписали пресловутый манифестъ. Когда ему сообщили текстъ, то онъ высказалъ пожеланіе измѣнить въ немъ нѣкоторыя показавшіяся ему слишкомъ рѣзкими выраженія. Ему пообѣщали это сдѣлать, но обошлись безъ этого, и документъ отправленъ былъ въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Я выразилъ возмущеніе фактомъ такого неуваженія. Но г. Ферстеръ тутъ же добавилъ: „Замѣтьте хорошенько то, что я нисколько не критикую лицъ, подписавшихъ манифестъ".

По мнѣнію г. Ферстера, вся отвѣтственность за начатую борьбу падаетъ на Россію, Англію и Францію. „Англія,—добавилъ онъ,—совершила недостойный поступокъ, призвавъ къ себѣ на помощь Японію". А на мое возраженіе по этому поводу, онъ отвѣтилъ, что онъ равнымъ образомъ порицаетъ и политику германской имперіи, которая выразилась въ привлеченіи Турціи.

Разговаривая о конечныхъ результатахъ войны, я коснулся того случая, когда союзники приступятъ къ раздѣлу германской имперіи.

При этихъ словахъ г. Ферстеръ привскочилъ: „Преслѣдовать подобную цѣль,—сказалъ онъ,—составитъ одновременно несправедливость и абсурдъ. Я не сторонникъ національной политики, но существованіе германской имперіи необходимо для всего міра. Германія должна существовать и съ каждымъ днемъ тѣснѣе сближаться съ Австріей, германская имперія должна создать (силой убѣжденія, а не насиліемъ) для человѣчества совершенную организацію. Соединенные Штаты Европы дадутъ миръ всему цивилизованному міру".

Въ заключеніе нашей бесѣды я попросилъ г. Ферстера дать мнѣ письменный отвѣтъ на слѣдующіе четыре вопроса: Что вы думаете: 1) о манифестѣ 93 нѣмецкихъ ученыхъ; 2) о нарушеніи бельгійскаго нейтралитета; 3) о происхожденіи войны и 4) о созданіи федеральной организаціи.

Вотъ данные имъ письменные отвѣты:

1. Я далъ мою подпись для декларацiи, начинающейся

словами: «Es ist nicht wahr“ и поддержанной значительнымъ числомъ германскихъ авторитетовъ, которые адресовались къ интеллигенціи нейтральныхъ и даже враждебныхъ странъ, прося ихъ осмотрительно пользоваться общераспространенными обвиненіями германскаго правительства.

2. Нашъ главный штабъ былъ освѣдомленъ о документахъ, которые обезпечивали Англіи и Франціи содѣйствіе Бельгіи непосредственно послѣ объявленія Германіей войны.

3. Всѣ слои германскаго общества единодушно признаютъ, что нынѣшняя война подготовлена была Россіей, Англіей и Франціей и что намъ до послѣдняго дыханія необходимо защищать Германію. Такимъ образомъ не будетъ никакой возможности разсчитывать на продолжительный миръ, если этотъ послѣдній не обезпечитъ полной независимости Германіи.

4. Германія надѣется, что нейтральныя страны сойдутся съ воюющими сторонами и между собою на томъ, чтобы создать федеральную организацію, которая могла бы обезпечить въ будущемъ преуспѣяніе соціальнаго строя на землѣ.

IV.

Философъ Эйкенъ: „Если бы Англія хотѣла мира, она повліяла бы на Петроградъ“.—Натуралистъ Геккель: „Виновница всего—Англія... Въ началѣ мы могли надѣяться на побѣду... Но теперь положеніе измѣнилось“.

Перехожу къ двумъ другимъ выдающимся представителямъ интеллигенціи: извѣстному философу Эйкену и знаменитому біологу Эрнесту Геккелю; оба профессора іенскаго университета.

Эйкенъ, котораго я посѣтилъ раньше, профессоръ философіи. Это не означаетъ, однако, что онъ обладаетъ просвѣтленнымъ умомъ и независимостью взглядовъ философа. Та рѣчь, которую онъ предо мной держалъ, выдаетъ въ немъ человѣка, который систематически не признаетъ истины. Воспроизвожу его слова безъ какихъ-либо измѣненій.

— Послѣ сараевскаго покушенія,—сказалъ онъ мнѣ,—долгъ Австріи повелѣвалъ раздавить сербскій заговоръ.

— Убійство австрійскаго престолонаслѣдника внезапно пролило свѣтъ на тѣ интриги, которыя подъ покровомъ Россіи вела Сербія; интриги, угрожавшія самому существованію двуединой монархіи, а рикошетомъ—и положенію Германіи. Россія же продолжала свою агрессивную политику на Балканахъ лишь потому, что была увѣрена, что Франція стремится къ „реваншу“ и знала, что Англія не останется въ сторонѣ.

— Тутъ дѣло совсѣмъ не въ борьбѣ славянства съ германизмомъ, такъ какъ богатой культурѣ западныхъ славянъ угрожаетъ опасность не менѣе, чѣмъ намъ, нѣмцамъ, но это—война съ полуварварской (sic) державой, Россіей, которая пользуется панславизмомъ для удовлетворенія своихъ честолюбивыхъ замысловъ.

— Что же касается Англіи, то ее на борьбу толкнула зависть. Если бы Великобританія дѣйствительно желала мира, то ей слѣдовало бы сдѣлать энергичное выступленіе въ Петроградѣ, съ цѣлью добиться отсрочки мобилизаціи.

— Съ другой же стороны у Англіи нѣтъ никакого основанія возставать противъ нарушенія Германіей обычныхъ нормъ: вступленіе германскихъ войскъ въ Бельгію дало ей превосходный предлогъ для вмѣшательства. Къ тому же не она ли сама подстрекала японцевъ моральными доводами, чтобы побудить ихъ на разбойничьи подвиги на принадлежащей намъ территоріи въ Китаѣ?

— Германія приняла участіе въ этой войнѣ противъ своего желанія; ее заставила къ этому обязанность защищать свое міровое положеніе.

Едва ли нужно останавливаться на тѣхъ умышленныхъ чудовищныхъ искаженіяхъ, которыя заключаются въ приведенныхъ строкахъ. Чтобы свести на нѣтъ всѣ эти смѣлыя утвержденія, достаточно обратиться къ тексту дипломатическихъ документовъ. Больше того! Для этого даже достаточно только здраво поразмыслить. И дѣйствительно, что такое означаютъ въ сущности слова г. Эйкена касательно „энергичнаго выступленія“ Англіи съ цѣлью задержать русскую мобилизацію? Не больше ни меньше какъ то, что британское правительство, съ цѣлью обезпеченія мира, должно было бы дѣйствовать согласно съ видами Германіи.

Но это было бы полнѣйшимъ абсурдомъ.

Затѣмъ я снова видѣлся съ профессоромъ Зерингомъ, съ которымъ мнѣ уже нѣсколько разъ приходилось бесѣдовать въ теченіе этой анкеты.

На этотъ разъ я обратился къ нему, какъ къ лицу, подписавшему манифестъ ученыхъ.

— Этотъ манифестъ,—отвѣчалъ онъ,—не противорѣчитъ истинѣ. Его выраженія нѣсколько рѣзки, но такой тонъ объясняется тѣмъ раздраженіемъ, которое вызвала у насъ распространяемая клевета на нашъ народъ и на нашу армію. Впрочемъ, отъ всѣхъ такихъ заявленій мало пользы, потому что въ переживаемое нами столь тревожное время знать правду стремится лишь незначительное число людей.

* * *

Голова, обрамленная сѣдыми волосами и бородою; довольно живая физіономія и еще свѣжая съ виду фигура, несмотря на 80-ти лѣтній возрастъ,—такимъ показался мнѣ профессоръ зоологіи іенскаго университета Генрихъ-Эрнестъ Геккель. Мнѣ хотѣлось найти въ этомъ человѣкѣ, котораго нельзя не признать за крупнаго талантливаго біолога, независимость духа, отличающую высшія натуры. Онъ сказалъ бы мнѣ, не чуждаясь естественныхъ чувствъ патріотизма: вотъ это—правда, а это ложь; однимъ своимъ словомъ онъ безпристрастно разсудилъ бы событія и высказалъ бы истину. А я, въ свою очередь, написалъ бы: говорилъ съ Геккелемъ, ученикомъ Дарвина и авторомъ „Исторіи эволюціи". Это—великій ученый и справедливый человѣкъ; онъ отличается отъ другихъ людей своей страны тѣмъ, что не подвергся внезапному приступу безумной гордости.

Но біологъ Геккель оказался такимъ же, какъ прочіе Онъ даже, пожалуй, больше другихъ проявилъ лихорадочнаго усердія въ обслуживаніи интересовъ правительства, стараясь, очевидно, чтобы забыли его прошлые нападки на прусскій милитаризмъ [1]). Онъ подписалъ пресловутый манифестъ, а недавно опубликовалъ нѣсколько книгъ въ пользу германскаго дѣла.

— Какого вы мнѣнія,—спросилъ я его,—о состояніи духа, царящаго въ германскомъ народѣ во время войны?

— Германскій народъ весь, безъ различія мнѣній, объединился въ одно цѣлое.

— Какого вы мнѣнія относительно манифеста ученыхъ, того самаго манифеста, который подписали и вы?

— Онъ является выраженіемъ убѣжденій большинства германскихъ ученыхъ. Но съ точки зрѣнія дипломатической онъ, по моему мнѣнію, былъ ошибкой.

Продолжая разспросы, я заговорилъ съ г. Геккелемъ о нарушеніи бельгійскаго нейтралитета. На это онъ отвѣтилъ мнѣ точно такъ же, какъ большинство нѣмцевъ:

---

[1]) Для насъ не подлежитъ сомнѣнію, что всякія побочныя соображенія были совершенно чужды престарѣлому Геккелю. Именно поэтому мнѣнія Геккеля представляютъ для насъ интересъ. Мнѣнія продажныхъ людей лишены всякаго значенія и знакомиться съ ними было бы потеряннымъ временемъ. *Ред.*

— Нарушеніе бельгійскаго нейтралитета уже много лѣтъ тому назадъ рѣшено было Англіей въ пользу Франціи. Доказательство этому вы найдете въ текстахъ дипломатическихъ соглашеній.

Я не настаивалъ на этомъ и продолжалъ:

— Какого вы мнѣнія о значеніи нейтральныхъ державъ въ дѣлѣ заключенія мира?

— Нейтральныя державы вообще плохо освѣдомлены о дѣйствительности; онѣ введены въ заблужденіе англійской системой лжи.

— Каковы въ дѣйствительности, по вашему мнѣнію, причины этой войны?

— Первой причиной міровой войны является коммерческая зависть Англіи къ Германіи.

— Императоръ всегда стремился къ миру; войны хотѣли Англія, Франція и Россія. Разберемся же, кто виновнѣе всего изъ этихъ трехъ державъ.

— Россія вызвала войну своимъ поведеніемъ въ дѣлѣ Сербіи. Что касается Франціи, то она всегда, можно сказать, помышляла о реваншѣ, но ея народъ хотѣлъ сохранить миръ, тѣмъ болѣе, что онъ сознавалъ свою военную слабость; Францію толкала на войну маленькая, даже очень маленькая группа.

— Главной же виновницей, какъ вы видите, является, несомнѣнно, Англія... Это она, коварный Альбіонъ, во всемъ ищетъ только своихъ собственныхъ выгодъ, она сразу же, подъ предлогомъ нарушенія Германіей бельгійскаго нейтралитета, бросилась въ борьбу.

— Вмѣшательство Англіи въ конфликтъ для насъ чревато самыми серьезными послѣдствіями. *Вначалѣ намъ предстояло сражаться на два фронта, и мы вполнѣ могли надѣяться на побѣду; но теперь политическое и стратегическое положеніе измѣнилось; намъ приходится драться на три фронта.*

— Англія въ этой войнѣ стремится создать всемірную имперію; это глупая мечта, такъ какъ исторія народовъ учитъ, что подобные замыслы совершенно неосуществимы.

— Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Англія вызвала эту войну изъ боязни образованія федераціи континентальныхъ

государствъ Западной Европы; она вызвала эту войну съ цѣлью уничтоженія Германіи. Но поведеніе германскаго народа служитъ ручательствомъ за его конечный успѣхъ; и если мы не въ состояніи будемъ одержать побѣду, то все же постараемся освободиться отъ тиранніи Англіи съ такою же несокрушимостью, съ какою наши отцы боролись за свое освобожденіе изъ-подъ ига Наполеона.

Такъ этотъ человѣкъ, путешествовавшій въ 1866 г., чтобы послушать Дарвина, создавшій свои научныя убѣжденія на британской почвѣ, проклинаетъ теперь и расправляется съ Англіей. Въ какую ужасную трясину, до какого скандальнаго отреченія завела эта война германскіе умы!

V.

Г. фонъ-Листъ: „Мы хотѣли закрѣпить нашу солидарность съ военнымъ элементомъ“. Профессоръ мюнхенскаго университета г. Ф. В. Ферстеръ: „Университетскіе профессора — умы отсталые“. Г. Ад. Лассонъ: „Кайзеръ невиненъ, какъ ребенокъ“.

Профессоръ права въ берлинскомъ университетѣ, г. фонъ-Листъ, одинъ изъ тѣхъ нѣмцевъ, имя котораго я чаще всего упоминалъ въ моей анкетѣ.

Я еще разъ видѣлся съ нимъ, чтобы узнать его мнѣніе о подписанномъ имъ манифестѣ къ цивилизованнымъ націямъ.

— Наше обращеніе къ цивилизованнымъ націямъ,— сказалъ онъ,—было протестомъ противъ лживыхъ извѣстій, которыя Англія, пользуясь монополіей подводнаго кабеля, распространяла по всему міру въ ущербъ Германіи.

— Въ то же время наше обращеніе должно было установить, что во взглядахъ на происхожденіе и на историческое значеніе великой войны нѣтъ никакого разногласія между милитаристской Пруссіей и народомъ поэтовъ и мыслителей. Этой цѣли мы, думаю, достигли.

— Вообще, продолжалъ онъ, — полагаютъ, что этотъ поступокъ былъ не изъ числа удачныхъ; но я не сторонникъ этого мнѣнія, такъ какъ главною цѣлью было не убѣдить кого-то, а подтвердить нашу солидарность съ военнымъ элементомъ.

— Одинъ изъ насъ, не безъ основанія, сказалъ, что этотъ манифестъ долженъ быть ударомъ кулака по столу.

Замѣтимъ еще разъ, что этотъ „ударъ кулака по столу“ не къ лицу избранникамъ интеллигенціи и что онъ позоритъ воспитателей германской молодежи.

Я хлопоталъ о свиданіи съ г. Ф. В. Ферстеромъ-сыномъ, профессоромъ педагогики мюнхенскаго университета. Онъ принялъ меня въ Цюрихѣ за нѣсколько дней до своего отъѣзда въ Баварію. Г. Ф. В. Ферстеръ еще молодой человѣкъ, высокаго роста, съ приличными манерами, съ высокимъ открытымъ лбомъ.

Раньше чѣмъ быть профессоромъ въ Мюнхенѣ, онъ исполнялъ эту обязанность въ Вѣнѣ и въ Цюрихѣ. За время своей дѣятельности онъ отличался независимостью характера и убѣжденій. Онъ сынъ извѣстнаго астронома Вильгельма Ферстера, съ которымъ я уже бесѣдовалъ.

На заданный мною вопросъ, онъ отвѣчалъ:

— Выраженія манифеста къ цивилизованнымъ націямъ неудачны. Это—обращеніе „неученыхъ“. Впрочемъ, германскіе профессора вообще—умы отсталые, оставшіеся въ сторонѣ отъ идейнаго движенія. Наиболѣе почтенныхъ людей можно встрѣтить скорѣй среди крупныхъ промышленниковъ.

Затѣмъ г. Ф. В. Ферстеръ пустился въ довольно рѣзкую критику пангерманистовъ и аггрессивной политики имперіи до войны.

— Этимъ,—утверждаетъ онъ,—Германія навлекла на себя извѣстную степень отвѣтственности за разразившійся теперь конфликтъ.

Но, несмотря на свою критику, профессоръ все же остается истымъ нѣмцемъ, и черезъ нѣсколько минутъ послѣ вышеприведенныхъ заявленій, онъ на мои слова о Лувенѣ и учиненныхъ германскими войсками звѣрствахъ отвѣчалъ:

— Всѣ утвержденія французской печати по этому вопросу лживы.

Я спросилъ, какого онъ мнѣнія по вопросу о конечныхъ результатахъ завязавшейся борьбы.

— Германія побѣдитъ, — отвѣтилъ онъ.—На развитіе своей военной мощи она посвятила свою моральную и интеллектуальную культуру, и результаты этой войны будутъ лишь наградой за добровольную жертву.

Въ заключеніе я просилъ г. Ф. В. Ферстера письменно

изложить мнѣ резюме своихъ мнѣній. Я привожу его безъ измѣненій:

„Отвѣтственность за эту войну падаетъ до извѣстной степени на всѣ націи. Всѣ т. н. цивилизованныя націи до невозможныхъ предѣловъ развили у себя принципъ національнаго эгоизма. На германскій милитаризмъ взвалили всю вину за эту войну не только державы Тройственнаго Согласія, но даже и нейтральныя. Но всѣ забываютъ, что само географическое положеніе Германіи, расположенной между Франціей, которая никогда не переставала выдвигать на первое мѣсто опасную и антихристіанскую идею реванша, и Россіей съ ея вмѣшательствомъ во внутреннюю жизнь Славянскихъ народовъ Австріи и съ ея претензіями оказывать возможное покровительство этимъ народамъ,— должно было безпокоить германцевъ, и въ этомъ нѣтъ ничего несправедливаго.

„Я надѣюсь, что эта ужасная война докажетъ всю абсурдность самоистребленія культурныхъ націй и приведетъ ихъ къ убѣжденію, что не только экономическіе, но и высшіе умственные интересы нуждаются въ солидарности и въ мирной общей работѣ всѣхъ цивилизованныхъ народовъ. Каждая нація и каждая раса получила свыше такія качества, которыя могутъ и должны пополнить качества, дарованныя небомъ другимъ расамъ, дабы образовать единый народъ Божій, предсказанный пророками".

* * *

Профессоръ Адольфъ Лассонъ юркій старикъ, страшно говорливъ. Ему свыше 83 лѣтъ, но на видъ нельзя дать больше 60 лѣтъ. Онъ очень любезно принялъ меня въ своей квартирѣ въ Фриденау, [1]) украшенной прекрасными картинами и старинымъ мраморомъ.

Я не успѣлъ раскрыть рта, какъ Лассонъ началъ читать мнѣ лекцію по исторіи и говорить объ иностранной политикѣ Германіи, начиная съ эпохи войнъ первой Имперіи. Мнѣ это дало время подробно разсмотрѣть фигуру профессора. Онъ средняго роста, сутуловатъ, съ острыми чертами

[1]) Предмѣстье Берлина. *Ред.*

*

лица. Замѣчательно живые глаза его искрятся изъ-подъ нависшихъ густыхъ бровей. Выдающійся подбородокъ, большой носъ. На всемъ лицѣ лежитъ отпечатокъ настойчивости и непоколебимаго упрямства.

Я далъ профессору еще нѣсколько минутъ, чтобы высказаться и затѣмъ попробовалъ вставить вопросъ.

— Кому вы приписываете отвѣтственность за войну?

— Разумѣется, не Германіи. Германія не хотѣла войны. Нашъ императоръ невиненъ въ этой войнѣ, какъ малый ребенокъ.

Несмотря на такое комическое утвержденіе, я воздержался прервать г. Лассона, и онъ продолжалъ:

— Образовавшаяся противъ насъ коалиція является плодомъ зависти. Англія—держава завистливая по существу; что же касается Франціи, то это—нація безпокойная и опасная сосѣдка. Говорятъ о германскомъ имперіализмѣ, но въ этомъ словѣ нѣтъ никакого смысла. Нашъ имперіализмъ является совершеннѣйшей формой воспитанія человѣка; оно выдвигаетъ и освѣщаетъ всѣ душевныя и тѣлесныя качества [1]).

— Германская нація—прежде всего нація педагогическая; она такъ сумѣла воспитать своихъ дѣтей, какъ не сумѣлъ никто. И дѣйствительно, англійское воспитаніе много ниже нашего.—Что касается образованія, то вы сами видите, чего мы достигли: у насъ нѣтъ ни одного безграмотнаго. Сравните-ка съ Франціей и съ Англіей.

Я воспользовался нѣкоторымъ затишьемъ и задалъ еще одинъ вопросъ:

— Вы вѣрите въ конечный успѣхъ германскихъ армій?

Профессоръ заволновался и громовымъ голосомъ про-

---

[1]) Консервативный берлинскій профессоръ напрасно заговорилъ о цивилизаторскомъ значеніи германскаго имперіализма. Имперіализмъ повсюду „цивилизовалъ“ огнемъ и мечомъ, и нѣмцы въ этомъ отношеніи ничуть не отстали отъ другихъ „цивилизаторовъ“. Многимъ еще памятно, какъ въ 1903—4 годахъ нѣмцы истребили племя герреро,—отъ 60 тысячъ этого племени осталось послѣ усмиренія всего 18 тысячъ человѣкъ. Развѣ это цивилизаторская дѣятельность? *Ред.*

говорилъ:—Мы, милостивый государь, будемъ сопротивляться; сопротивляться до послѣдняго человѣка.

Когда я говорилъ, что собираюсь сдѣлать визитъ г. Лассону, то нѣмцы отговаривали меня отъ этого намѣренія.

— Это—сумасшедшій,—говорили мнѣ.—Къ тому же онъ не воплощаетъ никакихъ тенденцій германскаго духа.

Мнѣ кажется, что какъ одно такъ и другое изъ этихъ утвержденій невѣрны. Профессоръ Лассонъ рѣзокъ, но, по моему мнѣнію, онъ въ здравомъ умѣ.

Онъ не только не изолированъ отъ большой семьи германскихъ ученыхъ, но, наоборотъ, является совершеннѣйшимъ продуктомъ особой организаціи и особой системы [1]).

---

[1]) Мнѣніе автора о Лассонѣ ошибочно. Чудаковатый профессоръ дѣйствительно не типиченъ для университетской среды. *Ред.*

VI.

Швейцарское предложеніе.: „Журналъ народовъ“. — Бесѣда съ профессоромъ бернскаго университета Геберлиномъ.—Французскій отвѣтъ.

Я не хочу разстаться съ нѣмецкими учеными, не упомянувъ объ одномъ проектѣ, подъ которымъ они подписались съ особой охотой. Это—проектъ журнала, который, по мысли своихъ основателей—швейцарцевъ, долженъ стать нейтральной трибуной, съ высоты которой „интеллигенція воюющихъ теперь націй сможетъ начать взаимное обсужденіе и обмѣнъ мнѣній“.

Мнѣ много говорили объ этомъ журналѣ, озаглавленномъ „Revue des Nations“, когда я былъ въ Бернѣ. Сочувственно говорили мнѣ объ немъ также и въ Германіи. Желая поближе познакомиться съ этимъ проектомъ, я отправился разспросить о немъ одного изъ авторовъ его, профессора бернскаго университета, г. Геберлина.

— Вы располагаете достаточными средствами,—спросилъ я его,—чтобы благополучно осуществить ваше предпріятіе?

— Часть капитала мы уже получили,—отвѣчалъ онъ.—Значительныя суммы внесли одна дама изъ Австріи и одинъ французскій коммерсантъ. Остальное мы получимъ изъ Австріи и Германіи. Мы ждемъ этого со дня на день.

— Вамъ удалось заручиться моральной поддержкой интеллигенціи воюющихъ націй?

— Я недавно путешествовалъ по Германіи,—отвѣчалъ г. Геберлинъ,—видѣлся съ наиболѣе почтенными профессорами германскихъ университетовъ. Они всѣ согласны со мною. Съ такою же цѣлью я вскорѣ предприму поѣздку во Францію. По этому поводу мы ведемъ переписку съ различными представителями французскаго ученаго міра, какъ напр., съ г.г. Шарлемъ Жидомъ и Бергсономъ. Съ другой стороны, однимъ изъ нашихъ сторонниковъ является г. Ромэнъ Роланъ.

— Редакцію новаго изданія я возьму на себя вмѣстѣ съ женевскимъ профессоромъ г. Гонзаго де Рейнольдомъ.

Я попросилъ г. Геберлина дать мнѣ письменное изложеніе преслѣдуемыхъ имъ задачъ. Вотъ текстъ его записки:

„Мы хотѣли бы попытаться возстановить на нашей нейтральной почвѣ порвавшуюся связь между умственными верхами воюющихъ націй, но связь такого рода, чтобы она нисколько не отражалась на ихъ личныхъ убѣжденіяхъ и патріотическихъ чувствахъ.

„Мы отнюдь не замышляемъ пока выступить подготовителями мира. Мы принимаемъ то положеніе, которое создалось теперь въ Европѣ. Равнымъ образомъ, въ наши задачи не входитъ также и „выясненіе истины“, что пока объективно сдѣлать невозможно. Мы предоставляемъ войнѣ всѣ ея временныя права. Мы намѣрены воздержаться отъ всякихъ сантиментальностей. Наше желаніе заключается просто въ томъ, чтобы создать возможность спокойнаго, положительнаго и искренняго обсужденія.

„Будучи швейцарскимъ органомъ, но европейской культуры нашъ „Журналъ“ коснется поднятыхъ войною вопросовъ и задачъ. Въ немъ изложены будутъ равнымъ образомъ различныя точки зрѣнія различныхъ націй.

„Споры и объясненія будутъ допускаться лишь въ томъ случаѣ, если они окажутся объективными и вѣжливыми и не станутъ порождать безплодной полемики.

„Журналъ будетъ выходить на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ.

„Его отвѣтственными директорами будутъ двое швейцарцевъ, которые по своему происхожденію, языку и культурѣ, являются одинъ—латинской расы, а другой—герман-

ской. Эта общая редакція, служа извѣстнымъ символомъ, будетъ въ тоже время залогомъ единства и нейтральности органа".

Мнѣ не трудно было доискаться, судя по нѣкоторымъ изъ этихъ свѣдѣній, а равно по наведеннымъ стороною справкамъ, что вся эта группа (исключая, однако, всякое подозрѣніе въ искренности его основателей) зародилась, благодаря желанію германскихъ ученыхъ загладить то неблагопріятное впечатлѣніе, которое произвелъ ихъ „манифестъ". Одинъ изъ нѣмцевъ, въ числѣ первыхъ давшій свою подпись для проекта этой „Revue des Nations", г. фонъ-Листъ, мнѣ прямо признался:

— Въ нашемъ манифестѣ мы сказали то, что хотѣли сказать; но это было сдѣлано въ минуту раздраженія, когда Германія, подвергшаяся нападенію со всѣхъ сторонъ, чувствовала, что угрожаютъ самому ея существованію. Но если бы мнѣ предложили теперь подписать еще разъ такой же текстъ,—я не знаю, подписалъ ли бы я его.

Подобная откровенность, высказанная и другими учеными, заслуживаетъ вниманія. Но она является не свидѣтельствомъ умственной ереси, а выраженіемъ сожалѣнія о сдѣланной ошибкѣ, наносящей вредъ германскимъ интересамъ.

Это—единственная причина, вслѣдствіи которой нѣмцы предприняли въ Швейцаріи свою весьма дѣятельную пропаганду, которая къ тому же облегчалась для нихъ общностью расы и языка нѣкоторыхъ кантоновъ.

Съ другой же стороны, извѣстно, что принадлежность къ швейцарской націи не является условіемъ для полученія профессуры. И это обстоятельство всегда учитывалось за Рейномъ въ свою пользу, откуда профессора въ большомъ количествѣ посылались въ Цюрихъ и Бернъ. Всѣ эти профессора съ начала враждебныхъ дѣйствій тоже ведутъ усиленную пропаганду. Они пытались, впрочемъ безуспѣшно, оказать нравственное давленіе и на своихъ швейцарскихъ коллегъ.

Пангерманистъ Брейзигъ въ самомъ началѣ войны обратился къ германскимъ профессорамъ цюрихскаго университета и призывалъ ихъ предпринять самую дѣятельную

кампанію въ пользу ихъ родины. И, замѣтимъ тутъ же, этотъ призывъ желательныхъ результатовъ не далъ.

Между прочимъ, германскіе ученые обратились къ профессору бернскаго университета, г. Феттеру (Vetter), котораго они считали сторонникомъ нѣмецкой культуры въ Швейцаріи, но онъ отвѣтилъ, что ихъ поведеніе вредитъ исполненію моральной миссіи Швейцаріи, которая должна стремиться къ тому, чтобы подготовить въ будущемъ умственное сближеніе Франціи съ Германіей.

Въ исполненіе этой миссіи нѣкоторые швейцарцы вѣруютъ съ большой искренностью. Отсюда явился и опытъ изданія „Revue des Nations“. На это предложеніе умственнаго сближенія двое французскихъ ученыхъ, профессоръ французской литературы въ парижскомъ университетѣ г. Густавъ Лансонъ и г. Эрнестъ Лависсъ отвѣтили въ „Revue de Paris“ формальнымъ „Non possumus“.

Финансовое и экономическое положеніе.

I.

Г. фонъ-Гавенштейнъ, директоръ Reichsbank.—Г. фонъ Гвинеръ, директоръ Deutsche Bank: „Наибольшій недостатокъ ощущается у насъ въ мѣди“.

Экономическое и финансовое положеніе Германіи во время войны—послѣдняя часть моей анкеты—могло бы само по себѣ составить предметъ обстоятельнаго изслѣдованія. Я собралъ по этому вопросу цѣнный матеріалъ и сообщаю теперь самое существенное изъ того, что я узналъ, то, что наиболѣе интересуетъ большую публику.

Нужно помнить, какое большое значеніе въ современной войнѣ, въ особенности въ такой, какую мы теперь переживаемъ, имѣютъ вопросы экономическіе и финансовые. Давно уже было сказано, что деньги — нервъ войны. Въ Германіи вопросъ финансовый осложненъ трудностями экономическаго характера. Изолированная теперь въ центрѣ Европы имперія Гогенцоллерновъ должна удовлетворять сама своимъ потребностямъ. На сколько времени хватитъ у нея собственныхъ средствъ? Я предложилъ этотъ вопросъ цѣлому ряду нѣмецкихъ финансистовъ и экономистовъ и прежде всего изложу ихъ отвѣты безъ всякихъ комментаріевъ. Затѣмъ мнѣ легко будетъ показать, сколько въ ихъ утвержденіяхъ было сознательнаго bluff'a.

* * *

Г. фонъ-Гавенштейнъ, предсѣдатель Reichsbank (учрежденія, соотвѣтствующаго Banque de France [1]) сообщилъ мнѣ, что можетъ принять меня въ теченіе дня. Въ указанный часъ я явился въ Имперскій Банкъ и меня тотчасъ же провели въ кабинетъ директора.

Г. фонъ-Гавенштейнъ человѣкъ высокаго роста, изящной внѣшности. Ему на видъ не болѣе пятидесяти лѣтъ. Смуглое лицо, окаймленное черной бородой и освѣщенное пронизывающими собесѣдника глазами, выражаетъ умъ и энергію. Я вспоминаю, съ какой похвалой говорили мнѣ о немъ его соотечественники. Его считаютъ главнымъ организаторомъ финансовой системы, созданной въ Германіи съ самаго начала войны.

— Наше финансовое положеніе превосходно,—говоритъ онъ мнѣ,—успѣхъ военнаго займа превзошелъ всякія ожиданія. Эта финансовая операція самая поразительная изъ всѣхъ, когда-либо осуществленныхъ въ мірѣ: населеніе Германіи сразу отдало въ распоряженіе правительства четыре съ половиной милліарда марокъ. Успѣхъ этотъ отчасти обусловленъ нашимъ финансовымъ и экономическимъ строемъ, который несравненно выше, чѣмъ въ союзныхъ странахъ.

— Какого вы мнѣнія,—спрашиваю я г. фонъ-Гавенштейна, объ экономическомъ положеніи вашихъ противниковъ?

— Я могу только сказать,—отвѣчаетъ онъ,—что экономическое положеніе Англіи и Франціи не плохое. Что касается Россіи, то о ней и говорить не стоитъ. Ея положеніе совершенно безвыходное (?) — это установленный фактъ (?).

Я собираюсь предложить ему еще нѣсколько вопросовъ, но онъ возвращается къ затронутому раньше вопросу.

— Мы смогли обойтись безъ мораторія,—говоритъ онъ мнѣ,—и наша экономическая жизнь протекаетъ въ почти нормальныхъ условіяхъ. Я не говорю, что мы совершенно не страдаемъ отъ войны, но благодаря мѣрамъ, принятымъ нами съ самаго начала военныхъ дѣйствій, мы смогли довести неудобства военнаго времени до минимальныхъ размѣровъ. Впрочемъ, я могу вручить вамъ документъ, который

---

[1]) Reichsbank и Banque de France соотвѣтствуютъ русскому Государственному Банку. *Ред.*

дастъ вамъ полное представленіе о нашей экономической и финансовой организаціи съ самаго начала войны.

Въ то время какъ г. фонъ-Гавенштейнъ разыскиваетъ эту бумагу, я оглядываюсь вокругъ себя. Директорскій кабинетъ небольшихъ размѣровъ, съ широкимъ окномъ, выходящимъ на просторный дворъ банка. Въ глубинѣ стоитъ большой книжный шкапъ, а рядомъ съ американскимъ бюро, на видномъ мѣстѣ, статуэтка во весь ростъ Фридриха II. Взявшись за рукоять шпаги, съ жесткимъ взглядомъ, устремленнымъ изъ-подъ треуголки, основатель военной Пруссіи вырисовывается рѣзко очерченнымъ силуэтомъ изъ бѣлаго мрамора.

— Вотъ вамъ,—говоритъ мнѣ г. фонъ-Гавенштейнъ, докладъ, представленный рейхстагу Дельбрюкомъ, канцлеромъ par interim. Вы тутъ найдете полное изложеніе нашего экономическаго положенія.

Я беру изъ его рукъ предоставленный мнѣ оффиціальный документъ и наша бесѣда возобновляется.

— Правда ли,—спрашиваю я,—что германское правительство разсчитывается съ поставщиками интендантства бонами казны или облигаціями военнаго займа?

При этомъ вопросѣ г. Гавенштейнъ вскакиваетъ съ мѣста.

— Это совершенно невѣрно. Все это выдумки англійской прессы.

— Еще одинъ вопросъ. Сколько времени, полагаете вы, можетъ продлиться война?

— Я полагаю,—буквально отвѣчаетъ онъ мнѣ,—что ни Россія, ни даже Франція не смогли бы, въ финансовомъ отношеніи, длить войну болѣе года съ сегодняшняго дня.

Это было сказано 4 января.

Г. фонъ Гвинеръ, директоръ Deutsche Bank, о которомъ я уже имѣлъ случай упоминать раньше, человѣкъ лѣтъ пятидесяти, съ веселымъ румянымъ лицомъ. У него удачное имя для финансиста, ибо „Gewinner“ означаетъ по-нѣмецки „выигрывающій“. Онъ долго жилъ въ Испаніи и отлично владѣетъ испанскимъ языкомъ, на который мы и переходимъ въ дальнѣйшей бесѣдѣ.

— Не будете ли вы столь любезны,—говорю я ему,—из-

ложить мнѣ вашъ взглядъ на экономическое и финансовое положеніе Германіи.

Онъ гладитъ свою свѣтлую бороду и глаза его останавливаются на мнѣ съ нѣкоторымъ лукавствомъ:

— Результаты нашего займа вамъ не безизвѣстны,—говоритъ онъ.—И вы также знаете, что намъ не пришлось прибѣгнуть къ мораторію. Какъ же послѣ этого сомнѣваться въ нашемъ финансовомъ благополучіи? За послѣдніе тридцать лѣтъ Германія опередила Францію и Англію въ экономической жизни. Наша экономическая и финансовая организація болѣе гибкая и болѣе совершенная, чѣмъ у нашихъ противниковъ.

У меня мелькаетъ мысль, что слово „гибкая“ еще даже слишкомъ скромное для опредѣленія системы „бланковъ для ассигновокъ“, практикуемой въ Германіи съ самаго начала военныхъ дѣйствій. Но я, конечно, не высказываю этого вслухъ и продолжаю предлагать вопросы.

Г. фонъ Гвинеръ тоже отрицаетъ, что германское военное вѣдомство расплачивается бонами казны съ поставщиками арміи.

— Это совершенно противорѣчитъ истинѣ,—энергично заявляетъ онъ.

— А каково экономическое положеніе Германіи?—спрашиваю я.—Считаете ли вы, что оно такое же блестящее, какъ и состояніе вашихъ финансовъ, которое вы только что изобразили въ столь свѣтлыхъ краскахъ?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ онъ съ улыбкой.—Этого бы я не сказалъ. Но во всякомъ случаѣ оно не такое критическое, какимъ его изображаютъ. Мы можемъ просуществовать до новаго урожая. Что же касается скота, то его у насъ болѣе чѣмъ достаточно.

— Развѣ въ началѣ войны вы не были вынуждены рѣзать скотъ въ большомъ количествѣ?

— Нѣтъ. Это ошибочное предположеніе. Я самъ занимаюсь скотоводствомъ и отлично знаю положеніе скотнаго рынка. Вообще, вопросъ о продовольствіи не даетъ у насъ поводовъ ни къ какимъ опасеніямъ.

— Вы, вѣроятно, надѣетесь,—говорю я,—что нейтраль-

ныя страны будутъ попрежнему снабжать Германію всѣмъ необходимымъ? Вы расчитываете на провозъ контрабанды?

– Да нѣтъ же,—восклицаетъ г. фонъ Гвинеръ.—Ни о какой контрабандѣ и рѣчи не идетъ. По теоріи Салисбюри контрабандой считается только то, что предназначается непосредственно для военныхъ цѣлей. Продовольствіе гражданскаго населенія стоитъ внѣ этой категоріи. Мы знаемъ, какъ отнеслась Англія къ этой теоріи.

Надежды, которыя питалъ г. фонъ Гвинеръ, разсѣялись, причемъ самыя эти надежды показываютъ, какъ стѣснено экономическое положеніе Германіи.

— Каково ваше мнѣніе о металлургическомъ рынкѣ?

— У насъ ощущается недостача главнымъ образомъ въ мѣди. Мы вѣроятно вынуждены будемъ воспользоваться мѣдью электрическихъ проводовъ. Правда, это лишитъ маленькія группы электрическаго освѣщенія, но что же дѣлать?

На этихъ словахъ я простился съ директоромъ Deutsche Bank.

II.

Г. Витингъ, директоръ Германскаго Національнаго Банка: „Мы вынуждены будемъ регламентировать вопросъ о продовольствіи". Докторъ Рисеръ: „То, что мы утверждаемъ, полная правда... У насъ нѣтъ тайнъ".

Г. Витингъ, директоръ National Bank für Deutschland, высказываетъ, конечно, самые оптимистическіе взгляды на финансовое положеніе Германіи: „Взгляните на отчеты Reichsbank—вы увидите, что состояніе нашихъ финансовъ превосходное", говоритъ онъ.

— Во главѣ Reichsbank стоитъ выдающійся человѣкъ, который съумѣлъ достать для правительства необходимыя средства. Въ началѣ войны публика естественно была охвачена паникой и стремилась сохранить въ неприкосновенности свою наличность; но потомъ наступило отрезвленіе и всѣ съ готовностью пошли на встрѣчу призыву г. фонъ-Гавенштейна. Въ настоящее время Deutsche Bank имѣетъ золотой запасъ въ два съ половиной милліарда и мы надѣемся, что въ теченіе слѣдующаго полугодія въ кассу банка поступитъ еще одинъ милліардъ золотомъ.

— А какого вы мнѣнія относительно вопроса о продовольствіи?

— Намъ, конечно, придется подчинить полной регламентаціи продовольствіе страны [1]), но при нашей дисциплинированности это не представитъ никакой трудности. Что можетъ произойти? Что намъ придется довольствоваться „военнымъ хлѣбомъ?" Такъ что же—мы будемъ ѣсть „воен-

[1]) Какъ извѣстно, регламентація уже введена по отношенію къ цѣлому ряду предметовъ продовольствія. *Ред.*

ный хлѣбъ". Онъ не такъ плохъ. Я его пробовалъ и заявляю, что онъ пригоденъ въ пищу.

Эти слова напоминаютъ мнѣ мое посѣщеніе лагеря въ Деберицѣ и у меня поднимается тошнотворное чувство при одной мысли о черноватой массѣ, которую я пожевалъ по долгу информатора. Если бы, однако, мои разногласія съ г. Витингомъ сводились только къ оцѣнкѣ вкуса военнаго хлѣба, это было бы не такъ важно. Но въ дальнѣйшемъ мы увидимъ, какова вообще достовѣрность балансовъ, опубликованныхъ Reichsbank и къ какимъ смѣхотворнымъ уловкамъ прибѣгаютъ въ Германіи съ цѣлью увѣрить общественное мнѣніе заграницей въ мнимомъ благополучіи германскихъ финансовъ.

Я продолжаю ставить вопросы:

— Что вы можете сказать о положеніи промышленности и земледѣлія въ Германіи съ начала военныхъ дѣйствій?

— Я сообщу вамъ только то, что вы можете сами провѣрить. Промышленность, связанная съ потребностями военнаго времени, какъ-то: производство суконъ, изготовленіе сапогъ и т. д., процвѣтаетъ и прибыльность ея возмѣщаетъ убытки, причиненные остановкой экспорта. Процвѣтаютъ также многія отрасли государственной промышленности, какъ, напр., производство желѣза и стали. Правительство оказало щедрую поддержку наиболѣе потерпѣвшимъ изъ-за войны фирмамъ. Что касается нашего земледѣлія, то можно съ увѣренностью сказать, что оно совершенно не пострадаетъ отъ войны, благодаря мѣрамъ, принятымъ съ самаго начала. Послѣдній урожай превзошелъ всякія ожиданія. Въ общемъ я считаю, что у насъ не будетъ никакого недостатка въ жизненныхъ припасахъ [1]).

---

[1]) По вопросу о народномъ продовольствіи въ Германіи наиболѣе обстоятельно высказался г. А. А. Чупровъ въ статьѣ, помѣщенной въ „Русск. Вѣдомостяхъ" и перепечатанной затѣмъ въ сборникахъ: „Вопросы міровой войны". Въ результатѣ анализа имѣющихся у него данныхъ г. Чупровъ приходитъ къ слѣдующимъ итогамъ: „Я не думаю, говоритъ онъ, чтобы имѣющіяся у насъ въ распоряженіи свѣдѣнія давали право опредѣленно утверждать, что голодъ вынудитъ Германію сложить оружіе до истеченія сельско-хозяйственнаго

Г. Витингъ слишкомъ явно искажалъ факты и мнѣ казалось, что было бы лучше и для него какъ и для меня, если бы онъ воздержался отъ всякихъ объясненій вмѣсто того, чтобы сообщать мнѣ такого рода „свѣдѣнія“, какъ вышеизложенныя.

Бесѣдуя послѣ того съ докторомъ Риссеромъ [1]), я откровенно сознался ему, что изумленъ манерой видныхъ берлинскихъ финансистовъ говорить съ иностранными журналистами, какъ съ дѣтьми.

— Какъ вы можете сомнѣваться въ истинѣ нашихъ словъ?—воскликнулъ мой собесѣдникъ.—Все, что мы говоримъ, совершенная истина и у насъ нѣтъ никакихъ тайнъ.

— Ваши слова меня чрезвычайно радуютъ,—отвѣтилъ я, ибо я заключаю изъ нихъ, что вы будете искренни со мной, насколько, конечно, это совмѣстимо съ вашимъ положеніемъ.

— Конечно. Я съ удовольствіемъ дамъ вамъ всѣ разъясненія, какія вы пожелаете.

Въ то время какъ онъ ищетъ въ пашкахъ нѣсколько брошюръ, чтобы дать ихъ мнѣ, я оглядываюсь вокругъ.

Наша бесѣда происходитъ въ Hansa-Bund'ѣ, ганзейской лигѣ, предсѣдателемъ которой и состоитъ г. Риссеръ. Это вліятельная организація, образовавшаяся изъ союза представителей промышленности и торговли, „которые требуютъ равноправія производительныхъ классовъ“ въ противоположность „Земледѣльческой Лигѣ“ (Bund der Landwirthe), отстаивающей аграрные интересы.

Директорскій кабинетъ г. Риссера очень простой, съ окнами, выходящими на Dorotheestrasse.

— Вотъ вамъ,—говоритъ г. Риссеръ,—нѣсколько докла-

года. Но я далеко не считаю исключенною возможность такого обостренія продовольственной нужды, которое заставитъ германцевъ прекратить борьбу. Для болѣе увѣреннаго прогноза необходимо было бы располагать данными о количествѣ пищевыхъ запасовъ, имѣющимися, можно полагать, въ Германіи, но для насъ недоступными. Съ большею увѣренностью можно ожидать, что Германія не сниметъ осенью съ своихъ полей такой жатвы, которая сколько-нибудь обезпечитъ ей пропитаніе еще на цѣлый годъ“. *Ред.*

[1]) Видный общественный дѣятель, глава упомянутаго выше Hansa-Bund'а. *Ред.*

довъ о финансовомъ положеніи Германіи. Среди нихъ есть мой докладъ о военномъ займѣ. Вы найдете въ немъ данныя, которыя свидѣтельствуютъ объ экономическомъ подъемѣ Германіи за послѣдніе годы.

— Нашъ послѣдній заемъ обязанъ въ значительной степени своимъ успѣхомъ патріотическимъ чувствамъ, охватившимъ все населеніе Германіи, а также нашимъ военнымъ удачамъ. Но, кромѣ того, люди, управляющіе нашими финансами, выдающіеся организаторы и имъ принадлежитъ главная заслуга въ дѣлѣ нашей финансовой мобилизаціи.

— Мы вели войну въ теченіе двухъ мѣсяцевъ, не прибѣгая къ помощи денежнаго рынка и наши запасы даютъ основаніе надѣяться, что мы сможемъ продолжать воевать еще три мѣсяца, не нуждаясь въ новомъ кредитѣ.

— Устраивать внутренный заемъ въ нѣсколько милліардовъ,—продолжаетъ г. Риссеръ,—до рѣшительныхъ побѣдъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, считалось бы всѣми, кромѣ насъ, крайне рискованнымъ предпріятіемъ. Это видно уже изъ того, что ни Франція, ни Англія до сихъ поръ на это не рѣшались.

Я думаю въ эту минуту о сообщеніяхъ агентства Вольфъ, о систематической лжи, организованной черезъ посредство печати и слова моего собесѣдника кажутся мнѣ тѣмъ болѣе знаменательными.

Наконецъ, я рѣшаюсь предложить г. Риссеру щекотливый вопросъ, не выяснившійся для меня въ предшествующихъ бесѣдахъ съ финансистами.

— Меня увѣряли,—говорю я,—что германское правительство разсчитывается съ военными поставщиками бонами казны или облигаціями казначейства. Могли ли бы вы сказать мнѣ, вѣрно ли это?

Мой вопросъ видимо очень непріятенъ г. Риссеру. Его бритое лицо, съ рѣзко обозначенными чертами, нахмурилось, синіе глаза зажглись мрачнымъ огнемъ.

— Я никакъ не могу вамъ на это отвѣтить,—отвѣчаетъ онъ.

— Вотъ видите,—говорю я, прощаясь съ нимъ послѣ этого признанія,—у германскихъ финансистовъ все же есть тайны, которыя они не выдаютъ.

III.

Экономистъ: профессоръ Зерингъ.—Представитель рабочихъ профессіональныхъ союзовъ Бауместеръ.

Послѣ бесѣды съ финансистами-практиками, я обратился къ спеціалисту по экономическимъ вопросамъ профессору Зерингу. Вотъ свѣдѣнія, которыя онъ мнѣ сообщилъ:

— Цифровыя данныя объ урожаѣ 1914 г. еще не опубликованы. У меня имѣются свѣдѣнія только относительно Пруссіи и Баваріи. По нимъ видно, что послѣдній урожай совершенно точно соотвѣтствуетъ средней нормѣ за послѣднія пять лѣтъ.

— Намъ недостаетъ отъ 8 до 10% хлѣбовъ (ржаного и пшеничнаго) для годового потребленія. Но мы съ легкостью можемъ возмѣстить эту недостачу картофелемъ, котораго въ Германіи больше чѣмъ гдѣ-либо.

— Ввиду пріостановки ввоза кормовыхъ средствъ изъ-за границы намъ пришлось бить и употреблять на изготовленіе мясныхъ консервовъ имѣющееся у насъ огромное количество свиней. Но у насъ останется прежнее количество дойныхъ коровъ, ибо сѣна въ 1914 г. собрано въ исключительно большомъ количествѣ. Все же недостатокъ жмыховъ нѣсколько сократитъ молочное производство.

— Что касается сахара, то его у насъ имѣется вдвое больше, чѣмъ нужно для потребленія (производство 24 милліона центнеровъ; потребленіе 13 милліоновъ центнеровъ, экспортъ до настоящаго времени 11 милліоновъ центнеровъ) и мы можемъ замѣстить имъ недостатокъ жировыхъ продуктовъ, ввозъ которыхъ прекратился.

— У насъ будетъ ощущаться недостатокъ въ пшеницѣ, ибо населеніе потребляетъ въ боль-

шомъ количествѣ бѣлый хлѣбъ (бо́льше чѣмъ до войны) и у насъ не хватаетъ трети нужнаго количества. Но народъ ѣстъ ржаной хлѣбъ, составлявшій прежде предметъ большого экспорта; теперь же вывозъ прекращенъ.

— Мы имѣемъ въ изобиліи желѣзо, уголь, селитру, поташъ, фосфатъ. Что касается шерсти, то мы нашли огромныя запасы ея въ Польшѣ и Франціи. Само собой разумѣется, что производство предметовъ роскоши и экспортныхъ товаровъ сильно пострадало при создавшихся обстоятельствахъ. Но благодаря превосходнымъ условіямъ кредита, это производство съ большой гибкостью приспособилось къ новымъ условіямъ и обратилось на удовлетвореніе военныхъ нуждъ. Благодаря этому, безработица очень незначительна.

Профессоръ Зерингъ, какъ видно изъ его словъ, упорный оптимистъ. Это, конечно, его дѣло и я ничего не могъ бы возразить противъ этого, если бы былъ увѣренъ въ его искренности. Но я не могу себѣ представить, чтобы этотъ выдающійся экономистъ не зналъ, напримѣръ, что Германіи не откуда теперь получать азота и что она принуждена прибѣгать къ особымъ способамъ производства, чтобы удовлетворить настоятельнѣйшимъ потребностямъ (между прочимъ къ методу Оствальда).

„Безработица очень незначительна,—говоритъ профессоръ Зерингъ,—такъ какъ промышленность съ большою гибкостью приспособилась къ новымъ условіямъ“. Профессоръ очевидно забываетъ о томъ, что нѣсколько милліоновъ рабочихъ находится теперь въ дѣйствующей арміи.

Я не могу, съ другой стороны, согласиться съ „цифровыми данными“, которыя онъ приводитъ по вопросу о потребленіи хлѣбовъ. Мы увидимъ ниже, какія заключенія можно сдѣлать изъ его доводовъ pro domo sua.

Вскорѣ послѣ бесѣды съ профессоромъ Зерингомъ я обратился къ г. Баумейстеру, секретарю международной рабочей федераціи и попросилъ у него свѣдѣній о безработицѣ въ Германіи во время войны. Вотъ данныя, которыя онъ мнѣ сообщилъ:

„Какъ и во всѣхъ странахъ, война и въ Германіи сильно отразилась на экономическихъ условіяхъ жизни, что и отозва-

лось на дѣятельности профессіональныхъ союзовъ рабочихъ.

„Большинство предпріятій пришло въ разстройство вслѣдствіе мобилизаціи, вслѣдствіе реквизиціи большинства транспортныхъ средствъ и общаго застоя въ дѣлахъ. Это былъ самый острый моментъ безработицы.

„Потомъ дѣловая жизнь стала постепенно возстановляться, приняты мѣры для борьбы съ безработицей и съ каждымъ мѣсяцемъ число безработныхъ уменьшается въ большой пропорціи, въ чемъ можно убѣдиться по слѣдующимъ цифровымъ даннымъ:

„Въ концѣ сентября 1914 г. 39 союзовъ представляющихъ общее число 1,644,684 членовъ произвели анкету, причемъ смогли собрать свѣдѣнія только относительно 1,384,586 членовъ. Эти сравнительно минимальныя цифры объясняются тѣмъ, что многія пограничныя секціи вынуждены были пріостановить свою дѣятельность и что большое количество военнообязанныхъ среди членовъ призваны были подъ знамена, вслѣдствіе чего разстроились кадры союзовъ.

„То же самое явленіе должно повторяться и въ слѣдующихъ анкетахъ, но уже въ меньшей пропорціи, по мѣрѣ того какъ организаціямъ удастся вновь окрѣпнуть. Среди членовъ, доставившихъ о себѣ свѣдѣнія, въ концѣ сентября было 216,603 безработныхъ, т. е. 16%. Если сравнить эти цифры съ августовскимъ подсчетомъ, гдѣ безработныхъ было 316,639, т.-е. 22,4%, то получается на 99,036 меньше безработныхъ.

„Болѣе полная анкета была произведена генеральной комиссіей германскихъ рабочихъ союзовъ 31 октября 1914 г.

„Въ концѣ іюля 1914 г. союзы, примыкающіе къ генеральной комиссіи, насчитывали 2,514,138 членовъ; 9,432 секціи изъ 11,206 приняли участіе въ анкетѣ. Въ нихъ сгруппировано было 2,301,829 членовъ, т. е. 91,5% общаго числа членовъ, состоявшихъ въ нихъ до войны. Въ концѣ октября 661,005 членовъ союзовъ, т. е. 31,3% общаго числа призваны были на войну. Оставалось около 1,640,824 членовъ. Къ этому времени безработныхъ насчитывалось 175,500, т. е. 10,7%.

„Нѣкоторыя отрасли промышленности пострадали болѣе другихъ. Къ числу наиболѣе потерпѣвшихъ относятся ли-

тографы, гончары, лѣпщики, стекольщики, шапочные мастера, музыканты.

„На другихъ категоріяхъ рабочихъ война отозвалась менѣе тяжело. Таковы: мясники, муниципальные рабочіе, пивовары и мельники, углекопы, садовники, мѣдники, машинисты и шоферы, корабельные плотники, транспортные рабочіе, булочники, каменотесы, бочары.

„Нѣкоторыя отрасли промышленности поставляютъ предметы, нужные для военныхъ надобностей. Другія остановили производство вслѣдствіе прекращенія экспорта. Но нѣкоторыя изъ нихъ нашли способъ возмѣстить въ болѣе или менѣе значительной мѣрѣ свои убытки, изготовляя нѣкоторые продукты, которые до войны получались изъ-за границы.

„Безработица вызвала съ самаго начала войны такіе перерасходы въ рабочихъ кассахъ, что большинство союзовъ вынуждено было измѣнить обычные виды помощи своимъ членамъ. Такъ, временно прекращены были выдачи пособій на случай болѣзни, переѣзда и т. д. и все сосредоточено было на вспомоществованіи безработнымъ.

„Съ 3 августа по 31 октября, т.-е. въ самый острый періодъ безработицы, пособій безработнымъ выдано было на сумму 12.776.940 марокъ. Кромѣ того, семьямъ призванныхъ на войну членовъ организацій выплачено было за это время 2.935.505 марокъ.

„Съ момента объявленія войны рабочіе союзы вошли въ переговоры съ союзами работодателей и получили отъ нихъ завѣренія, что прежніе тарифы и условія останутся въ силѣ. Въ общемъ обычныя условія труда дѣйствительно соблюдаются въ сферѣ дѣйствія синдикатовъ [1]). Внѣ этой сферы дѣло обстоитъ иначе. Неоднократно повторялись, въ особенности относительно домашнихъ рабочихъ [2]), попытки пониженія платы. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ мѣстные коменданты издавали приказы, запрещающіе понижать рабочую плату ниже извѣстнаго минимума. Но трудность заключается въ контролѣ за соблюденіемъ предписаній и недоразумѣнія на этой почвѣ неизбѣжны.

---

[1]) Т. е. рабочихъ союзовъ. *Ред.*

[2]) Работающихъ на дому. *Ред.*

IV.

Экономистъ дипломатъ г. фонъ-Рихтгофенъ: „Намъ предстоятъ затрудненія; они увеличатся съ дальнѣйшимъ теченіемъ войны“. Два соціалиста, гг. Зюдекумъ и Бернштейнъ: „Наше финансовое благополучіе только показное“.

Г. фонъ-Рихтгофенъ является въ рейхстагѣ не только представителемъ имперской дипломатіи [1]). Онъ занимается тамъ также вопросами экономическими и финансовыми, а въ настоящее время состоитъ при Hansa-Bund'ѣ. Въ виду всего этого любопытно было выслушать его мнѣніе объ экономическихъ затрудненіяхъ Германіи. Онъ вкратцѣ изложилъ мнѣ свои взгляды въ письмѣ, и я привожу ихъ цѣликомъ:

„По моему мнѣнію, надежды на то, что Германію можно довести до голода, ошибочны. Несомнѣнно, что въ виду мѣръ, принятыхъ Англіей, у насъ могутъ возникнуть затрудненія и они будутъ возрастать въ дальнѣйшемъ теченіи войны. Но совершенно недопустимо, чтобы другія европейскія страны въ состояніи были длить войну до тѣхъ поръ, пока мы вынуждены будемъ заключить миръ. Для этого война должна была бы продолжаться нѣсколько лѣтъ и въ концѣ концовъ такую войну мы болѣе въ состояніи выдержать, нежели Франція и Россія.

„Серьезныхъ затрудненій у насъ не будетъ до будущаго урожая; потомъ увидимъ. Намъ теперь недостаетъ 20% хлѣбовъ, нужныхъ для продовольствія. Вопросъ о кормѣ скота тоже представляетъ значительныя трудности. Такъ, въ

---

[1]) См. примѣчаніе на стр. 35. *Ред.*

Шлезвигъ Гольштиніи, гдѣ на кормъ скота шелъ ячмень, теперь его кормятъ картофелемъ.

„Что касается нашего финансоваго положенія, то до настоящаго времени оно безусловно блестящее. Заслуги Имперскаго Банка и его директора, такъ великолѣпно подготовившаго германскіе финансы къ войнѣ, выше всякихъ похвалъ. Такъ что и въ смыслѣ финансовъ, если бы война длилась нѣсколько лѣтъ, мы не были бы вынуждены заключать мира".

Оставляя пока въ сторонѣ обсужденіе высказаннаго имъ взгляда, перехожу къ изложенію дальнѣйшихъ бесѣдъ.

* * *

Г. фонъ-Листъ ограничивается тѣмъ, что сообщаетъ мнѣ нѣсколько цифръ относительно продовольствія въ Германіи.

— У насъ,—говоритъ онъ въ заключеніе,—продовольствія хватитъ до слѣдующаго урожая и трудности могутъ возникнуть уже только потомъ.

Г. Зюдекумъ долго излагалъ мнѣ экономическое положеніе Германіи, но я приведу лишь наиболѣе существенное изъ нашей бесѣды:

— Наша промышленность сильно пострадала въ началѣ войны,—говоритъ онъ.—Но благодаря своей приспособляемости, она очень скоро воспряла.

И онъ съ восхищеніемъ называетъ нѣсколько торговыхъ фирмъ, которыя до войны занимались изготовленіемъ красокъ или фарфора, а теперь поставляютъ снаряды въ армію. Я возражаю ему, что приспобленіе къ условіямъ военнаго времени наблюдается не въ одной только Германіи, а существуетъ во всѣхъ воюющихъ странахъ. Онъ видимо не придаетъ значенія моимъ словамъ и продолжаетъ приводить цифры, утверждая, наперекоръ всякому правдоподобію, что оживленіе германской промышленности въ новыхъ направленіяхъ вполнѣ возмѣщаетъ застой, вызванный прекращеніемъ экспорта.

Я не скрываю отъ него, что положеніе Германіи ввиду сложившихся обстоятельствъ кажется мнѣ критическимъ.

— Мы справимся со всѣми трудностями,

отвѣчаетъ онъ.—Война, вѣдь, будетъ непродолжительная.

— Вотъ ужъ это ничѣмъ не доказано. И даже предположивъ, что вы сможете свести концы съ концами до слѣдующаго урожая, все же — и вы это отлично знаете—положеніе станетъ критическимъ, если война затянется дольше.

Г. Зюдекумъ ничего не отвѣчаетъ. Онъ погружается въ раздумье и потомъ говоритъ:

— Правительство скоро приметъ экстренныя мѣры, чтобы предупредить всякія осложненія.

Г. Зюдекумъ очевидно имѣлъ въ виду подготовлявшуюся монополизацію хлѣбовъ, слухи о которой подтвердились еще до моего отъѣзда изъ Германіи.

Я наконецъ перехожу къ финансовому вопросу и, также какъ и прежніе мои собесѣдники, онъ начинаетъ пространно восхвалять „изумительную организацію Reichsbank“.

— Знаете,—говоритъ онъ,—что мнѣ сказало на-дняхъ одно очень высокопоставленное лицо? „Если война кончится въ нашу пользу, то побѣдителями будутъ управляющій имперскихъ желѣзныхъ дорогъ и директоръ Reichsbank“.

Пользуясь удобнымъ случаемъ, я спрашиваю Зюдекума, чѣмъ онъ объясняетъ обезцѣненіе билетовъ германскаго банка заграницей.

— Что же дѣлать,—отвѣчаетъ онъ мнѣ, заканчивая нашу бесѣду,—мы не можемъ требовать, чтобы другія страны такъ же вѣрили успѣху нашего оружія, какъ мы сами.

И, дѣйствительно, какъ этого требовать?..

* * *

Г. Бернштейнъ, соціалистическій депутатъ, сдѣлалъ краткія, но очень знаменательныя заявленія.

— Самое изумительное,—сказалъ онъ, это тотъ фактъ, что война популярна — даже въ Россіи. Но въ смыслѣ финансовомъ, также какъ по отношенію къ количеству войскъ, война требуетъ такихъ огромныхъ усилій и жертвъ, что, по-моему, она не можетъ длиться долѣе нѣсколькихъ мѣсяцевъ. Вотъ почему финансовое и экономическое положеніе Германіи не тревожитъ меня выше мѣры.

— Частью благодаря разнаго рода продуктамъ, которые

мы получаемъ изъ нейтральныхъ странъ, мы можемъ держаться еще довольно долго.

— Положеніе конечно очень тяжелое въ смыслѣ экономическомъ,—отвѣчаю я ему,—но не полагаете ли вы, что недостача въ металлахъ приведетъ къ еще болѣе скорому кризису, изъ котораго Германія сможетъ выйти, только поспѣшивъ заключить миръ?

Г. Бернштейнъ не даетъ, конечно, прямого отвѣта на мой вопросъ.

— Нейтральныя страны, — говоритъ онъ, — снабжаютъ насъ въ значительномъ количествѣ металлами, необходимыми для продолженія войны.

— А каково ваше финансовое положеніе?

— Мы живемъ на счетъ нашего запаса. Наше финансовое благополучіе только показное. Въ этомъ смыслѣ Германія уподобляется больному, которому даютъ дышать кислородомъ, и который въ теченіе нѣсколько часовъ кажется выздоровѣвшимъ.

V.

Выводы.

„Наше финансовое положеніе превосходное“, сказалъ мнѣ г. фонъ-Гавенштейнъ, а г. Витингъ еще болѣе убѣжденно на этомъ настаивалъ, стараясь ослѣпить меня успѣхомъ знаменитаго военнаго займа.

Посмотримъ же, какъ дѣло обстоитъ въ дѣйствительности. Провѣримъ чрезмѣрно оптимистическія заявленія берлинскихъ финансовыхъ тузовъ.

Германія подготовила въ мельчайшихъ подробностяхъ свою финансовую мобилизацію. „Когда въ 1906 г. выпущены были билеты въ 50 и въ 20 марокъ“, говоритъ профессоръ Ястровъ въ недавно выпущенномъ трудѣ, „всѣ поняли важность этой мѣры“. Три года спустя пріемъ билетовъ имперскаго банка сдѣланъ былъ обязательнымъ (до того обращеніе ихъ совершалось безъ затрудненій, но пріемъ ихъ не вмѣнялся въ обязанность закономъ) и Reichsbank сталъ съ этого времени выдавать публикѣ не золото, а билеты. Публика такимъ образомъ пріучилась къ бумажному обращенію и все менѣе и менѣе пользовалась своимъ правомъ извлекать золото изъ Reichsbank'а. Такого рода политика, имѣвшая цѣлью сдѣлать Reichsbank хранителемъ золотыхъ запасовъ страны, настолько укрѣпилась, что достигла максимума желаемыхъ результатовъ въ моментъ объявленія войны. Въ іюлѣ 1914 г. въ обращеніи преобладали билеты, и золотыя монеты въ 20 марокъ почти совершенно не встрѣчались.

Съ другой стороны, вспомнимъ, что въ 1913 г. вслѣдствіе увеличенія арміи, рейхстагъ утвердилъ военный налогъ (Wehrbeitrag), распредѣленный на 1914, 1915 и 1916 гг. Первая треть этого налога, реализованная передъ самой войной, достигла 300 милліоновъ марокъ, которые были

присоединены къ 120 милліонамъ, хранящимся въ Juliusturm'ѣ (военно-денежный фондъ, начало которому положилъ Бисмаркъ) и къ такой же суммѣ, полученной отъ дополнительной чеканки серебра. Кромѣ того, удвоено было число боновъ имперской кассы—отъ 120 милліоновъ до 240.

Reichsbank употреблялъ тоже всѣ усилія, чтобы увеличить свою кассовую наличность. Около середины 1913 г. она доходила до 1,156 милліоновъ и 700 тысячъ марокъ, а къ 23 іюлю 1914 г. она возросла до 1,356 милліоновъ и 800 тысячъ марокъ.

Еще до объявленія войны Германіей берлинское населеніе охвачено было сильной тревогой. Стали осаждать кассы имперскаго банка, который въ теченіе недѣли, отъ 24 до 31 іюля, вынужденъ былъ выплатить 103 милліона марокъ золотомъ.

Но въ Reichsbank внесли тогда Шпандаускій военный запасъ [1]), а также золотой запасъ, составившійся путемъ примѣненія финансоваго закона (1903 г.), о которомъ мы упоминали выше. Благодаря этому, къ 5 августу золотая наличность банка поднялась до 1,473 милліоновъ марокъ. При посредствѣ чрезвычайно дѣятельной пропаганды въ прессѣ, а также агитаціи со стороны администраціи и правительственныхъ агентовъ, запасъ этотъ съ тѣхъ поръ все возросталъ и, если вѣрить оффиціальнымъ балансамъ, достигъ въ послѣднее время 2,750 милліоновъ. (Сюда входятъ и боны имперской кассы. На какую сумму они имѣются въ Reichsbank'ѣ—неизвѣстно. Напомнимъ, съ другой стороны, что приливъ золота въ Reichsbank сильно сократился съ января).

Большая часть этой увеличенной золотой наличности взята изъ обращенія. Общій запасъ золота въ Германіи опредѣляется, впрочемъ, гадательной цифрой въ три съ половиной милліарда. Въ него входитъ золотая наличность Reichsbank'а, кредитныхъ обществъ, а также золото, находящееся въ частныхъ рукахъ. Изъ этихъ цифръ дѣлаютъ выводъ, что Германія въ сущности совершила только пере-

---

[1]) Т.-е. 120 мил., хранившихся въ Juliusturm'ѣ (Юліанова башня) въ Шпандау. *Ред.*

мѣщеніе своего золота. Но эта золотая наличность даетъ возможность фиктивно утроить ея цѣнность выпускомъ билетовъ. Извѣстно, что Reichsbank имѣетъ право выпускать банковые билеты на сумму, превышающую въ три раза его золотую наличность. Съ другой стороны, „имперскіе банковые билеты", съ точки зрѣнія эмиссіоннаго права Reichsbank'a пользуются одинаковыми преимуществами съ золотомъ. Въ теченіе одного мѣсяца, въ августѣ, Reichsbank выпустилъ бумагъ на пять милліардовъ. Но для предупрежденія того, чтобы Reichsbank не выпускалъ слишкомъ много билетовъ, созданы были еще другія учрежденія: банки военнаго кредита, банки военныхъ ссудъ, банки для нуждъ военнаго времени и всѣмъ имъ разрѣшено выпускать билеты, которые Reichsbank обязанъ принимать.

Учрежденіе ссудныхъ кассъ (Darlehenkassen) разрѣшалось нѣсколько разъ и прежде—въ 1848, въ 1866 и въ 1870 годахъ. Онѣ выдаютъ ссуды подъ обезпеченіе движимымъ имуществомъ посредствомъ выпуска денежныхъ бонновъ въ 5, 10, 25 талеровъ. Ссудныя кассы были учреждены еще до начала войны и 5 августа уже была возможность открыть 99 кассъ и 96 отдѣленій, и въ тотъ же день выдано было публикѣ ссудъ на четыре милліона марокъ. Число ссудныхъ кассъ доходитъ въ настоящее время [1]) до 123.

Выдаютъ, какъ общее правило, ссуду, равняющуюся половинѣ стоимости обезпеченія (смотря по характеру бумагъ, цѣнностей или товаровъ) и, въ видѣ исключенія, до $^2/_3$ стоимости. Вотъ нѣсколько точныхъ цифръ: подъ серебро, мѣдь, латунь, олово, свинецъ, шерсть, хлопчатую бумагу въ сыромъ видѣ даютъ ссуды въ 60% стоимости; подъ золотыя издѣлія—въ 85%; подъ зерновые хлѣба, спиртъ, сахарный песокъ и рафинадъ, мѣдь въ слиткахъ—въ 66%; подъ щелочную соль—въ 30%. Предѣльный размѣръ ссудъ опредѣленъ въ 75% для государственныхъ бумагъ и бумагъ союзныхъ государствъ; въ 70%—для бумагъ кредитныхъ учрежденій, гипотечныхъ банковъ, коммунальныхъ облигацій; въ 60%—для нѣкоторыхъ иностранныхъ бумагъ, въ 50%

[1]) Средина апрѣля. *Ред.*

для иностранныхъ бумагъ, списокъ которыхъ установленъ и для облигацій иностранныхъ обществъ.

Процентная такса ссудъ установлена въ 6½% (выдачи производятся на срокъ отъ трехъ до шести мѣсяцевъ съ правомъ возобновленія), но понижается до ½%, если ссуда выдается для подписки на военный заемъ.

Отъ 5 августа по 7 октября ссудныя кассы выдали ссудъ болѣе, чѣмъ на 1,115 милліоновъ. Изъ нихъ 710 милліоновъ для подписки на военный заемъ. Между 5 и 31 октября общая сумма ссудъ понизилась до 48 милліоновъ марокъ въ то время, какъ ссуды для подписки на военный заемъ увеличились до 68 милліоновъ (докладъ рейхстагу).

Учрежденіе этихъ ссудныхъ кассъ вызвало неодобреніе и въ самой Германіи. Такъ, напр., г. Риссеръ, директоръ Hansabund, далеко не сторонникъ ихъ, что бы онъ ни говорилъ журналистамъ. Совершенно очевидно, что обезпеченіе, представляемое товарами, далеко не достаточное, въ особенности въ военное время. Съ другой стороны, германское правительство, стягивая въ ссудныя кассы бумаги своего перваго военнаго займа, устроило слишкомъ очевидный для всѣхъ финансовый трюкъ. Уже при первомъ займѣ являлась позможность получить ссуду подъ ту же бумагу, которая выпускалась, ибо ссудныя кассы выдавали 75% нужныхъ для покупки бумагъ займа. Совершенно ясно, до чего опасенъ этотъ пріемъ, который нѣсколько разъ пускаетъ въ ходъ одну и ту же бумагу. А между тѣмъ такими-то средствами и достигнуты „блестящіе результаты“, на которые мнѣ указывали гг. фонъ-Гавенштейнъ и Витингъ. Между тѣмъ,—и я съ удовольствіемъ говорю это,—г. Витингъ болѣе чѣмъ кто-либо понимаетъ финансовыя затрудненія Германіи. Онъ—директоръ одного изъ первыхъ банковъ въ Германіи и отлично знаетъ, что его банкъ, который не выдаетъ болѣе дивидендовъ своимъ акціонерамъ, объявилъ, что приступитъ къ погашеніямъ, превышающимъ сумму годовой прибыли. И это не исключительный случай. Многіе другіе крупные банки, какъ Dresdner Bank и Discontobank, понесли большія потери и сокращаютъ свои дивиденды.

VI.

Въ менѣе чѣмъ годовой срокъ, частью въ видѣ займовъ подъ бумаги или подъ урожай, частью подъ закладныя или звонкую монету, у населенія Германіи взято было семнадцать милліардовъ. Какъ долго еще такое обращеніе къ внутреннему кредиту можетъ находить откликъ въ странѣ? Вотъ вопросъ, на который трудно отвѣтить. Но то, что уже совершенно ясно и теперь, это, что вся финансовая система Германіи основана на гигантскомъ „bluff'ѣ". Финансовая мобилизація была подготовлена въ Германіи, какъ мы видѣли, чрезвычайно тщательно—но только въ предположеніи краткой войны, ознаменованной блестящими побѣдами. Въ сентябрѣ, когда объявленъ былъ первый заемъ, нужно было скрыть пораженіе при Марнѣ, и съ тѣхъ поръ не перестаютъ водить за носъ легковѣрныхъ берлинскихъ бюргеровъ, тѣша ихъ выдумками о безпрерывныхъ военныхъ удачахъ. Въ нейтральныхъ странахъ агитація въ пользу военнаго займа не привела ни къ какимъ результатамъ, ибо тамъ имѣлись точныя свѣдѣнія о ходѣ военныхъ дѣйствій.

„Мы не обращались за помощью за-границу", увѣрялъ меня г. фонъ-Гавенштейнъ. Въ дѣйствительности же испробованы были всѣ средства, и послѣ патріотическихъ призывовъ, помѣщенныхъ въ 2,800 газетахъ, предприняты были шаги за-границей. Германскіе коммерсанты не постѣснялись обратится къ швейцарскимъ фирмамъ и даже къ англійскимъ, должниками которыхъ они состояли, извѣщая ихъ, что обращаютъ слѣдуемыя имъ суммы на подписку на воен-

ный заемъ. Слѣдуя обычной нѣмецкой системѣ, они переходили отъ предложеній къ угрозамъ и заявляли своимъ корреспондентамъ, что въ случаѣ, если послѣдніе не примутъ ихъ предложенія, съ ними будутъ прекращены сношенія послѣ войны. Въ самой Германіи подписка на заемъ шла далеко не съ такимъ повсемѣстнымъ воодушевленіемъ, какъ въ этомъ хотятъ увѣрить; во многихъ случаяхъ прибѣгали даже къ косвенному давленію.

Финансовыя комбинаціи германскаго правительства, которое употребляетъ всѣ средства, чтобы добыть бумажныя деньги, поколебали финансовое будущее Германіи, создавъ для него почти безвыходное положеніе. Это очень опредѣленно утверждаетъ Эдмонъ Тери въ одномъ изъ своихъ замѣчательныхъ обзоровъ: „Когда Reichsbank“, говорилъ онъ, „истощитъ свой золотой запасъ, что произойдетъ когда кончится война, германская промышленность и торговля очутятся передъ неслыханными трудностями при возобновленіи торговыхъ сношеній съ другими странами. Послѣ теперешней блокады количество бумажныхъ денегъ, накопившихся въ странѣ—т.-е. единственное средство для разсчетовъ съ заграницей, которымъ коммерсанты смогутъ располагать—потеряетъ почти всякую цѣнность. Только очень непродолжительная война дала бы возможность Германіи выпутаться изъ затрудненій“.

Обратимся теперь къ другой сторонѣ финансоваго вопроса. „Намъ не пришлось объявить мораторій“, утверждаетъ г. фонъ-Гвинеръ, „и это одно доказываетъ устойчивость нашихъ финансовъ“.

Это заявленіе не совсѣмъ вѣрно. На самомъ дѣлѣ въ настоящее время въ Германіи установленъ частичный мораторіумъ. Въ силу закона отъ 7 августа „всякій германскій комерсантъ можетъ получить трехмѣсячную отсрочку по судебнымъ взысканіямъ за долги, сдѣланные въ предѣлахъ Германіи до 31 іюля“. „Предоставляемая должникамъ отсрочка платежей“, добавляетъ текстъ закона, „даетъ возможность сторонамъ войти въ соглашеніе относительно способа уплаты“. Кромѣ того, Bundesrath отмѣнилъ уплату судебныхъ издержекъ по отсрочкамъ платежа въ отношеніи суммъ ниже 100 марокъ: „Всѣ долги, сдѣланные до 31 іюля

заграницей, даже по векселямъ, не подлежатъ судебному взысканію".

Въ законодательствѣ о банкротствѣ тоже приняты были новыя судебныя мѣры. Для предотвращенія банкротствъ Bundesrath издалъ 8 августа постановленіе о надзорѣ за торговыми фирмами. По требованію надзора комерсантъ долженъ представить списокъ своихъ кредиторовъ и отчетъ о своемъ денежномъ положеніи. Надзоръ назначается въ тѣхъ случаяхъ, когда есть основаніе предположить, что коммерсантъ сможетъ удовлетворить кредиторовъ послѣ войны. Тотъ же законъ 8 августа отмѣняетъ нѣкоторые пункты коммерческаго устава: въ случаѣ несостоятельности фирмы, администраторы или ликвидаторы обязаны въ установленный срокъ требовать объявленія банкротства. Это постановленіе отмѣнено.

Постановленіемъ отъ 6 августа 1914 г. отсрочка для протеста векселей продолжена до 30 дней и этимъ правомъ отсрочки пользуются во всѣхъ отдѣленіяхъ Reichsbank'a: „Въ случаѣ занятія страны непріятелемъ отсрочка можетъ быть продолжена до шести дней послѣ возстановленія нормальныхъ условій. Bundesrath (постановленіемъ отъ 29 августа 1914 г.) продлилъ отсрочку отъ шести дней до двухъ недѣль" (докладъ рейхстагу).

Что касается квартирной платы, то въ большихъ городахъ учреждено спеціальное бюро соглашеній (Mietseinigungsamt), которое можетъ потребовать отъ домохозяевъ пониженія квартирной платы или предоставить жильцамъ отсрочку квартирной платы на все время войны или даже на нѣсколько лѣтъ послѣ войны.

Съ другой стороны, городскія общества приходятъ на помощь домохозяевамъ, которые не въ состояніи платить по закладнымъ; этимъ способомъ надѣятся предотвратить пониженіе цѣнъ на дома.

Что касается банковскихъ вкладовъ, то оффиціальнаго моратоpія относительно нихъ не установлено. Но я знаю нѣсколько случаевъ, когда вкладчикамъ выплачивали лишь небольшую часть вкладовъ банковыми билетами, а все остальное бонами казны.

Къ этимъ мѣрамъ присоединяется еще, конечно, общая

отсрочка платежей, примѣняемая къ призваннымъ на войну и ихъ семьямъ.

Этотъ краткій обзоръ показываетъ, до какой степени свѣдѣнія, исходящія отъ германскихъ финансовыхъ тузовъ, не соотвѣтствуютъ истинѣ.

Нѣтъ однако никакого сомнѣнія, что несмотря на упорный „bluff“, которымъ прикрываются въ Германіи, истинное положеніе дѣлъ все же хорошо извѣстно заграницей. Это доказывается полнымъ паденіемъ курса германскихъ денегъ на большихъ денежныхъ рынкахъ Нью-Іорка и Амстердама.

Въ общемъ экономическое и финансовое положеніе Германіи опредѣляется словами Бернштейна: „Германія дѣйствительно находится въ положеніи больного, которому даютъ дышать кислородомъ, такъ что втеченіе нѣсколькихъ часовъ онъ можетъ казаться выздоровѣвшимъ“.

VII.

Германіи недостаетъ 25% продуктовъ, нужныхъ для продовольствія страны.

Германія не была подготовлена, въ смыслѣ экономическомъ, къ длительной истощающей войнѣ. Германское правительство надѣялось, что Англія уклонится отъ выступленія и что Германія не подвергнется блокадѣ. Эта увѣренность объясняетъ экономическую непредусмотрительность Германіи, поразительную въ націи, которая считаетъ войну самымъ дѣйствительнымъ для себя средствомъ укрѣпить свое могущество.

Въ началѣ войны германское правительство увѣряло, что не будетъ никакого недостатка въ предметахъ продовольствія (все же до объявленія войны вычислено было количество запасовъ; статистическій подсчетъ произведенъ былъ 1 іюля 1914 г.).Но первыя военныя неудачи и битва при Марнѣ заставили призадуматься правительственныя сферы въ Германіи. Выяснилось, что нечего и думать о томъ, чтобы заставить союзныя государства быстро заключить миръ. Пришлось считаться съ возможностью длительной войны. Слѣдствіемъ этого былъ рядъ мѣръ, принятыхъ германскимъ правительствомъ между 20 и 25 октября. Вотъ главнѣйшія изъ нихъ:

1. Запретъ кормить скотъ зерномъ—ячменемъ и кукурузой—и предписаніе замѣнять этотъ кормъ жмыхами или свеклой.

2. Установка нормальной цѣны на зерно по областямъ (опредѣленіемъ цѣнъ занимается Bundesrath; въ случаѣ нарушенія предписаній товаръ подлежитъ секвестраціи властями).

3. Установленіе правилъ для реквизиціи хлѣбовъ, для предупрежденія скупки ихъ въ цѣляхъ спекуляціи.

Предписаніемъ отъ 28 октября 1914 г. установленъ перемолъ ржи до 72%, а пшеницы до 75%. Запрещено производить муку перваго помола для ржаного хлѣба.

Въ силу этого же постановленія къ пшеничному хлѣбу примѣшивается по крайней мѣрѣ 10% ржаной муки. Кромѣ того, къ ржаному хлѣбу примѣшивается не менѣе 5% вѣса картофельной муки или 20% вѣса тертаго картофеля. Если къ ржаному хлѣбу примѣшивается болѣе 20% вѣса картофеля, то онъ долженъ быть помѣченъ буквой К. Если процентъ болѣе высокій, то прибавляется соотвѣственная цифра буквѣ К. (Предписаніе 28 октября).

Основано было общество для использованія сушенаго картофеля, а также союзы для превращенія болотныхъ пространствъ въ обработанныя поля. Правительство распространило въ огромномъ количествѣ брошюру подъ заглавіемъ: „Питаніе во время войны“. Въ брошюрѣ этой даются совѣты, подготовляющіе населеніе къ регламентаціи продовольствія. Обратились также къ профессорамъ, которые въ свою въ свою очередь высказались по этому вопросу (извѣстенъ, напримѣръ, манифестъ профессоровъ объ экономіи въ домашнемъ хозяйствѣ [1]).

Съ другой стороны, принимались мѣры для скопленія запасовъ хлѣба. Посылались агенты въ нейтральныя государства съ цѣлью оживить подвозъ всякаго рода продуктовъ въ Германію. Но эти мѣры признаны были недостаточными.

Тогда основано было общество для скупки хлѣба (Kriegsgetreide-Gesselschaft) съ капиталомъ въ 50 милліоновъ марокъ, изъ которыхъ 20 милліоновъ были собраны по подпискѣ городовъ съ населеніемъ болѣе 100,000 жителей; нѣсколько промышленныхъ предпріятій подписали также значительныя суммы (напр., фирма Круппъ 1,300,000 марокъ).

Цѣль этой организаціи установить точный подсчетъ

[1]) Видные спеціалисты высказались о народномъ продовольствіи въ особой книгѣ, разошедшейся въ 30 тт. экземплярахъ. Изложеніе этой книги далъ г. А. Чупровъ въ очеркахъ, помѣщенныхъ въ „Русскихъ Вѣд.“ (1915, №№ 48, 51, 54). Ср. прим. на стр. 135. *Ред.*

явныхъ или скрытыхъ запасовъ продовольствія, а также устранить спекуляцію и собрать запасы хлѣба.

Общество должно купить отъ трехъ до четырехъ милліоновъ тоннъ зерна у пяти милліоновъ землевладѣльцевъ (для одной этой цѣли имѣется 3000 комиссіонеровъ). Оно также уполномочено принимать нужныя мѣры для обезпеченія потребительныхъ нуждъ въ теченіе мѣсяцевъ наиболѣе острой нужды передъ новымъ урожаемъ. Общество должно хранить свои запасы въ нетронутомъ видѣ до мая. До этого срока ему запрещено пускать хлѣбъ въ продажу. Такимъ образомъ правительство само указываетъ время ожидаемаго наступленія экономическаго кризиса. Эти мѣропріятія подготовляли государственную монополизацію хлѣба, которая была объявлена вскорѣ послѣ моего отъѣзда изъ Берлина.

26 января Bundesrath постановилъ рѣшеніе о захватѣ и секвестрѣ всѣхъ запасовъ хлѣба, ячменя и муки. О всѣхъ имѣющихся запасахъ должно быть заявлено и запасы эти хранятся теперь частью у производителей, частью въ коммунальныхъ складахъ. „Центральному Обществу скупки“ также какъ „Обществу военнаго хлѣба“ поручена отсылка зерна на мельницы.

Кромѣ того, пущенъ былъ въ продажу новый сортъ военнаго хлѣба, содержащій болѣе 20% картофельной муки, ячменя, овса и риса.

Вопросъ въ томъ, возможно ли будетъ, при всѣхъ этихъ жертвахъ, вызванныхъ крайне стѣсненнымъ (несмотря на утвержденія въ противномъ гг. Зеринга, Витинга, фонъ-Рихтгофена и др.) экономическимъ положеніемъ, продержаться до новаго урожая. Германское правительство не только утверждаетъ, что это вполнѣ возможно, но еще доказываетъ, что всѣ принятыя имъ мѣры чисто предупредительнаго свойства.

Прежде чѣмъ объявить хлѣбную монополію, прежде даже чѣмъ учредить общества для скупки хлѣба, правительство заявило, наперекоръ всякому правдоподобію, что октябрьскія предписанія имѣли въ виду обезпечить запасы хлѣба до урожая не 1915, а 1916 года.

На самомъ же дѣлѣ принятыя мѣры отдалятъ, конечно,

моментъ, когда у Германіи не будетъ хлѣба, но все же моментъ этотъ рано или поздно неминуемо наступитъ.

Германіи не хватаетъ приблизительно 25% продовольствія, нужнаго для населенія въ обычное время. Эта цифра, далеко не сходящаяся съ той, которую приводилъ профессоръ Зерингъ, показываетъ, какъ велика нужда въ странѣ.

Германское правительство озабочено не только вопросомъ о хлѣбѣ. „Картофельный урожай въ этомъ году превосходный“, увѣряли меня гг. Зерингъ, фонъ Рихтгофенъ и др. Увы, на самомъ дѣлѣ это совершенно невѣрно. Картофель уродился скорѣе въ недостаточномъ количествѣ: сборъ картофеля далъ 450 милліоновъ центнеровъ противъ 541 милліона въ 1913 г., въ то время какъ потребленіе картофеля въ Германіи равняется 504 милліонамъ центнеровъ. Употребленіе картофельной муки въ хлѣбъ еще болѣе обострить вопросъ. Съ другой стороны въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Германіи приходялось кормить скотъ картофелемъ, за отсутствіемъ другого корма. „Такъ дѣло обстоитъ въ Шлезвигъ-Гольштиніи“ говорилъ мнѣ г. фонъ Рихтгофенъ. Извѣстно, кромѣ того, что въ Германіи насчитывается 22.000 свиней и что на откормъ ихъ идетъ среднимъ числомъ по три кило картофеля въ день.

Изъ всего этого явствуетъ, что въ недалекомъ будущемъ германское правительство объявитъ монополію на картофель, какъ и на всѣ другіе [1]) припасы.

Потребленіе мяса и молока осложнено другого рода трудностями.

Въ 1913 г. Германія ввезла слѣдующее количество кормовыхъ средствъ:

Ячменя на откормъ скота 30, 870.000 центнеровъ.

Кукурузы 9.190.000 центнеровъ.

---

[1]) Вмѣсто монополіи правительство прибѣгло къ особой торговой операціи, посредствомъ которой ему пришлось купить по рыночной цѣнѣ картофель у крупныхъ аграріевъ, съ тѣмъ, чтобы перепродать его по дешевой низшимъ классамъ населенія. На этой операціи казна теряетъ нѣсколько десятковъ милліоновъ марокъ. *Ред.*

Гороха и рисовыхъ отбросовъ 9 милліоновъ центнеровъ.
Жмыховъ 7.900.000 центнеровъ.
Отрубей 14.400.000 центнеровъ.

Всѣхъ этихъ продуктовъ теперь нѣтъ и такъ какъ они представляютъ значительную часть корма для 22.000 свиней, то пришлось производить убой свиней въ большомъ количествѣ.

Возрастаніе цѣнъ на кормъ принуждаетъ фермеровъ или скудно кормить скотъ (что понижаетъ качество молока) или производить убой скота безъ разбора.

Дѣйствительно, несмотря на увѣренія въ противномъ г. фонъ Гвинера, установлено, что въ первые мѣсяцы войны на убой пошла часть скота, предназначенная для приплода. Только такимъ истребленіемъ скота и объясняется тотъ фактъ, что мясо не повысилось въ цѣнѣ.

Германское правительство, предписаніемъ 11 сентября 1914 г., запретило наконецъ убой скота, идущаго на приплодъ, а также и скота въ недостаточной мѣрѣ откормленнаго.

Съ другой стороны принятъ былъ рядъ мѣръ съ цѣлью облегчить ввозъ мяса. Снятъ былъ запретъ ввоза мясныхъ консервовъ въ закрытыхъ коробкахъ. Разрѣшенъ былъ ввозъ скота изъ Даніи, Швеціи и Норвегіи безъ соблюденія десятидневнаго карантина, отмѣнены были предохранительныя мѣры противъ заноса туберкулеза (докладъ въ рейхстагѣ).

Всѣ эти распоряженія показываютъ также, что интендантская часть въ германской арміи поставлена была далеко не совершенно и что въ первые мѣсяцы пришлось принимать экстренныя мѣры для ускореннаго снабженія войскъ мясомъ и другими припасами.

Выводъ изъ всего сказаннаго тотъ, что затруднительное положеніе Германіи въ настоящее время, недостаточная подготовка къ длительной войнѣ и лишенія, отъ которыхъ страдаетъ населеніе, должны въ концѣ концовъ вызвать упадокъ духа, ослабить военную силу Германіи и ускорить исходъ войны.

VIII.

Металлургическій кризисъ очень серьезенъ.—Въ Германіи недостатокъ мѣди, никкеля, аллюминія. Ей недостаетъ также селитры.

Германская промышленность также страдаетъ отъ блокады.

Хлопчато-бумажной промышленности недостаетъ крахмала, и потому она не можетъ на прежнихъ условіяхъ доставлять апретуру для пряжи; кожевники тоже находятся въ тяжеломъ положеніи, такъ какъ имъ недостаетъ необходимыхъ продуктовъ.

Вслѣдствіе пріостановки вывоза испытываютъ большія затрудненія и фарфоровыя фабрики. Большому числу стекольныхъ заводовъ и типографій пришлось распустить своихъ служащихъ; съ другой же стороны страшно свирѣпствуетъ кризисъ въ строительномъ дѣлѣ.

Въ настоящее время, вопреки уходу на фронтъ милліоновъ рабочихъ, безработица все еще достигаетъ высокихъ размѣровъ.

Въ отношеніи промышленности германское правительство приняло цѣлый рядъ своихъ мѣръ; оно основало общество для пріобрѣтенія шерсти (Kriegswoll-Gesellschaft) и кожи (Kriegsleder-Gesellschaft); организаціи эти должны сосредоточить въ своихъ рукахъ всю торговлю предметами соотвѣтственной спеціальности, организовать склады товаровъ и противодѣйствовать спекуляціи.

Съ другой стороны, при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ открыта подъ управленіемъ г. Левальда (заявленія котораго приводились выше) контора доставленія рабочихъ. Это учрежденіе состоитъ изъ представителей заинтересован-

ныхъ въ дѣлѣ гражданскихъ и военныхъ властей и изъ делегатовъ отъ всѣхъ организацій, основанныхъ съ цѣлью оказанія помощи безработнымъ. Контора непосредственно не доставляетъ желающимъ работы, но она получаетъ донесенія обычныхъ посредническихъ конторъ и соотвѣтствующимъ образомъ распредѣляетъ рабочихъ по различнымъ областямъ имперіи. Кромѣ того, предприняты довольно значительныя общественныя работы. Равнымъ образомъ правительство рѣшило заняться сооруженіемъ рабочихъ жилищъ; въ нѣкоторыхъ отрасляхъ промышленности установлена очередь безработицы.

„Мелкая германская промышленность разорена"—сказалъ мнѣ г. Бернштейнъ. Отъ войны весьма страдаютъ даже крупныя предпріятія, вывозная торговля остановилась, да и внутренніе транспорты значительно упали съ начала войны, хотя государство сдѣлало въ этомъ отношеніи всевозможныя уступки и даже дало субсидіи.

Въ Германіи достаточно имѣется желѣза и угля. Но если французскія войска глубоко проникнутъ на территорію Эльзасъ-Лотарингіи, то нѣмцамъ больше нельзя будетъ извлекать желѣзную руду въ области Тіонвиля и Меца, а между тѣмъ эти области, вмѣстѣ съ Люксембургомъ, составлютъ 70% ея рудныхъ запасовъ.

Металлическій кризисъ принимаетъ серьезный характеръ. Нѣтъ мѣди, никкеля, аллюминія и разныхъ другихъ металловъ, какъ хромій, молибденъ, ванадій и вольфрамъ, которые употребляются при изготовленіи мартиновской или бессемеровской стали, а также стали для броней.

Г. фонъ Гвиннеръ не преувеличивалъ, когда говорилъ объ утилизаціи мѣди электрическихъ проводовъ. Предусматривалась возможность замѣнить эту мѣдь желѣзомъ; и „Союзу электротехниковъ" поручено было заняться изученіемъ этого вопроса.

Керосина въ нѣкоторыхъ областяхъ нѣтъ совсѣмъ. У Германіи есть нѣсколько мѣстъ нефтерожденій въ Гановерѣ и въ Гольштейнѣ (200.000 литровъ въ день), но этой производительности совершенно недостаточно для удовлетворенія нуждъ потребленія и для арміи (послѣдняя взяла на фронтъ около 200,000 автомобилей). А съ другой стороны нельзя

больше разсчитывать на нефтеносныя мѣстности Румыніи и еще меньше того—Галичины.

Вслѣдствіе недостатка въ керосинѣ и иной утилизаціи электрическихъ освѣтительныхъ проводовъ деревенское населеніе лишено будетъ обычныхъ способовъ освѣщенія. Для того, чтобы предотвратить подобныя лишенія, предполагается развить газовое освѣщеніе, а также ввести новый способъ, основанный на употребленіи ацетилена. Берлинскій профессоръ Фогель выяснилъ всѣ выгоды этого способа, но все же это—только еще проектъ, для осуществленія котораго на практикѣ и для опытовъ потребуется неопредѣленный срокъ.

Отсутствіе бензина представляетъ иныя еще болѣе серьезныя затрудненія. Правда, для автомобилей въ крайнемъ случаѣ, бензинъ можно замѣнить бензолемъ, но это невозможно для аэроплановъ, цепеллиновъ и подводныхъ лодокъ. Хотя мнѣ говорили, что, предвидя войну, германское правительство сдѣлало запасы бензина, но по этому предмету мнѣ не удалось добыть никакихъ точныхъ свѣдѣній.

Съ другой стороны стало общеизвѣстно, что предусмотренное количество потребленія снарядовъ оказалось много ниже дѣйствительности, и мѣди не хватаетъ уже теперь. Цѣны на нее удвоились. И хотя были конфискованы всѣ ея запасы, найденные въ Бельгіи, на сѣверѣ Франціи и въ Польшѣ, тѣмъ не менѣе спасти положеніе невозможно. Точно также начинаетъ чувствоваться и недостатокъ въ сѣрной кислотѣ, которая нужна при изготовленіи пироксилина. Германія не получаетъ больше ввозимаго изъ Испаніи и Мексики колчедана; Сицилія же поставляетъ руду въ незначительномъ количествѣ.

Правда, въ Австріи добываютъ мѣдный колчеданъ, но обработка его требуетъ созданія новой отрасли промышленности и совершенно новаго оборудованія.

Самымъ главнымъ, однако, вопросомъ въ этой категоріи предметовъ является селитра, которая необходима для изготовленія взрывчатыхъ веществъ и для удобренія почвы. И что бы тамъ ни говорилъ профессоръ Зерингъ, а этотъ продуктъ Германія цѣликомъ вывозила изъ Чили, и теперь у нея его совершенно нѣтъ. Нѣмецкіе химики силились

изобрѣсти какой-нибудь новый способъ изготовленія селитры и, пользуясь разными прежними изысканіями, въ особенности Бертело, сумѣли изготовить искусственную селитру при помощи атмосфернаго азота; но представляется сомнительнымъ, чтобы этимъ способомъ имъ скоро удалось добыть необходимое ея количество [1]).

Вообще говоря, металлическій кризисъ въ Германіи, кажется, еще обостреннѣе, чѣмъ пищевой. Желѣзные тиски вокругъ двухъ центральныхъ имперій понемногу сжимаются все тѣснѣе; и ихъ положеніе будетъ становиться все труднѣе по мѣрѣ того какъ блокада станетъ строже и уже обнаруженный по несомнѣннымъ признакамъ внутренній упадокъ духа—сильнѣе.

---

[1]) Такое сомнѣніе господетвуетъ и въ русскихъ ученыхъ кругахъ. *Ред.*

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Изъ путешествія въ Германію, совершеннаго, какъ это видно, при трудныхъ и рискованныхъ условіяхъ, я вынесъ довольно ясное представленіе о ея положеніи. Приводя слова моихъ собесѣдниковъ, я могъ бы добавить и свои личныя впечатлѣнія, но я предпочелъ, однако, ограничиться ролью освѣдомителя и предоставить читателю самому извлекать соотвѣтствующія заключенія изъ приводимыхъ фактовъ. Собранныя мною данныя, я излагалъ не затѣмъ, чтобы подтвердить какую-нибудь предвзятую мысль, а чтобы содѣйствовать выясненію дѣйствительности, и въ ихъ подлинномъ видѣ отдаю на судъ общества. И теперь я также не нарушу своего плана, а ограничусь тѣмъ, что вкратцѣ намѣчу главныя линіи анкеты.

Прежде всего я могъ убѣдиться въ томъ, что идея, согласно которой отвѣтственность за войну возлагается на союзныя государства, въ Германіи раздѣляется не всѣми. На этотъ счетъ выше приведены весьма опредѣленныя заявленія. Судя по нѣкоторымъ изъ нихъ, эта война рѣшена была съ агадирскаго инцидента. И германское правительство воспользовалось для нея такимъ благопріятнымъ случаемъ, какъ послѣдствія сербскаго дѣла. Судя же по другимъ (заявленіе г. Бернштейна), императоръ не хотѣлъ войны, но въ нее вовлекла его военная партія.

Впрочемъ, вопросъ о томъ, кто именно втянулъ Европу въ настоящую войну,—императоръ, правительство или военная партія,—представляется совершенно лишеннымъ значенія при знакомствѣ съ германской психикой. Этой войны хотѣла вся Германія. Германская раса по существу воинственна, и руководители германскаго общественаго мнѣнія

всегда полагали, что примѣненіе силы является законнымъ средствомъ развитія германскаго роста.

Въ началѣ анкеты меня увѣряли, что въ Германіи царитъ полное единство взглядовъ на дѣйствія германскаго правительства. Мнѣ же, наоборотъ, приходилось убѣждаться въ противномъ, а именно, что та гармонія, которая необходима для правильнаго дѣйствія военной машины, не разъ разстраивалась. Гражданскія власти обвиняютъ главный штабъ въ медлительности, а этотъ послѣдній обвиняетъ ихъ въ недостаткѣ умѣнья и тонкости. Возможно, что правы обѣ стороны, но вопросъ не въ этомъ. „Наша дипломатія— не на высотѣ своего положенія", увѣрялъ меня совѣтникъ посольства г. фонъ-Рихтгофенъ, одинаково высказывались и г.г. Витингъ, Листъ и др. Нѣмецъ любитъ критиковать, скажутъ мнѣ, но онъ, кромѣ того, гордецъ, и потому подобныя заявленія, несомнѣнно, должны были чего-нибудь стоить его самолюбію. Если же онъ все-таки высказываетъ подобныя мысли, то, значитъ, глубоко недоволенъ неумѣніемъ своихъ властей.

„Мы, нѣмцы, отъ перваго до послѣдняго, тѣсно объединились", утверждалъ г. фонъ-Листъ; а между тѣмъ въ политикѣ мнѣ приходилось замѣчать ощутительное разногласіе между ними. Стоитъ только, дѣйствительно, припомнить поведеніе соціалъ-демократической группы, которая на своемъ предварительномъ собраніи предъ открытіемъ рейхстага отказалась голосовать за военные кредиты. И бурныя сцены, происходившія потомъ какъ въ прусскомъ ландтагѣ, такъ и въ рейхстагѣ, подтвердили правильность сдѣланныхъ заявленій. Но мнѣ возразятъ, что тутъ дѣло касается невліятельнаго меньшинства! Это—вѣрно. Упомянутыя демонстраціи лишены политическаго значенія, но тѣмъ не менѣе онѣ доказываютъ, что хваленое нѣмецкое единство совсѣмъ не полное.

Впрочемъ, въ этомъ можно убѣдиться и по другимъ фактамъ. Возьмемъ, напримѣръ, тѣ двѣ бесѣды, которыя я велъ съ г. Витингомъ и г. Бернштейномъ, и мы увидимъ, что и тотъ и другой въ концѣ разговора противорѣчатъ сами себѣ. Начавъ въ самомъ оптимистическомъ духѣ, они подъ конецъ отчасти признали тщетность германскаго на-

пряженія. „Мы занимаемъ сѣверную Францію, всю Бельгію и Польшу; и съ военной точки зрѣнія наше положеніе очень прочное“,—говоритъ г. Витингъ въ началѣ нашего разговора. Затѣмъ, уступая мало-по-малу, онъ подъ конецъ сходитъ на мысль о почетномъ мирѣ, упомянувъ о возможности для союзниковъ вытѣснить германскія войска изъ занимаемыхъ ими территорій. А между тѣмъ г. Витингъ— не соціалистъ; это—крупный финансистъ, находящійся въ сношеніяхъ съ правительственными сферами.

Не менѣе многозначительна и бесѣда съ г. Бернштейномъ. „Экономическое и финансовое положеніе Германіи меня не безпокоитъ“, а черезъ часъ, подъ конецъ бесѣды, онъ пришелъ къ заключенію: „мы живемъ на нашъ капиталъ. Наше финансовое благополучіе — показное“ и т. д. Недостатокъ послѣдовательности, — скажутъ мнѣ. Конечно. Но не этимъ вызваны эти неожиданные повороты мысли; они свидѣтельствуютъ о душевной тревогѣ отъ надвигающейся грозы.

Само собой разумѣется, что несмотря на моральныя колебанія, о которыхъ свидѣтельствуютъ эти заявленія, изъ этого нельзя дѣлать такихъ выводовъ, что германцы верхнихъ слоевъ уже утратили всякую надежду. Но все же они чувствуютъ, что Германія не можетъ расчитывать провести завоевательную войну и что она борется только за свое существованіе. Благоразумные люди сознаютъ, что Имперія борется не за осуществленіе своихъ безумныхъ замысловъ о всемірномъ господствѣ, но принуждена проявить высшее напряженіе, чтобы спасти свое политическое единство.

Если бы теперь возможно было еще разъ разспросить тѣхъ лицъ, которые сдѣлали мнѣ нѣкоторыя заявленія, то можно было бы убѣдиться, что ихъ пессимизмъ выросъ еще больше. Неудача первоначальнаго плана во Франціи и маневрированій Гинденбурга въ Россіи; глубокое отчужденіе, въ которомъ оказалась Германія; колоссальныя потери войскъ; трудность экономическаго положенія,—все это наводитъ уже на размышленія о причинахъ борьбы и объ ея возможныхъ послѣдствіяхъ; такъ что даже теперь становится возможнымъ утверждать, что руководители Имперіи скоро почувствуютъ недостатокъ того моральнаго автори-

тета, который необходимъ для выполненія ихъ тяжелой задачи.

Но я вынесъ и другія доказательства тому, что можно питать вѣру въ конечный результатъ. Моя анкета выяснила, до какой степени тщетны тѣ разсчеты, на которыхъ германцы строятъ свою вѣру въ успѣхъ своего плана войны. Такъ какъ германская армія натолкнулась въ Польшѣ на гранитную стѣну, то высказанная мнѣ г. Рихтгофеномъ надежда на возможность перебросить милліонъ людей на западный фронтъ, стала неосуществимой. Что же касается натиска на Сербію, то германцы не могли даже его и начать. Кромѣ того, германскимъ планамъ въ этомъ направленіи нанесенъ будетъ рѣшительный ударъ взятіемъ Константинополя.

Сдѣланныя мнѣ германцами заявленія касательно Австріи свидѣтельствуютъ о презрѣніи, которое Германія чувствуетъ къ своей союзницѣ и о германскихъ видахъ на нее. „Мы думали,—говорилъ мнѣ г. фонъ-Листъ,—что Австрія будетъ разбита съ перваго же столкновенія“, и затѣмъ дальше: „въ крайнемъ случаѣ, мы присоединимъ австрійское герцогство“. Что бы ни случилось, а судьба монархіи Габсбурговъ рѣшена заранѣе, и ея усилія могутъ только на нѣсколько мѣсяцевъ задержать приближеніе роковой минуты.

Моральный упадокъ германцевъ; отсутствіе единства дѣйствій и видовъ какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ; отсутствіе экономической подготовки для долговременной войны; неудача ихъ стратегическихъ плановъ на обоихъ фронтахъ,—вотъ тѣ главныя основанія, которыя позволяютъ намъ питать увѣренность въ конечномъ успѣхѣ союзниковъ.

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ», ПЕТРОГРАДЪ,
Поварской, 10.

ЧЕГО ЖДЕТЪ РОССІЯ ОТЪ ВОЙНЫ.

СБОРНИКЪ СТАТЕЙ:

Туганъ-Барановскаго, М. И. Фридмана, М. И.—Вернадскаго, В. И. Гиппіусъ, З. Н.—Славинскаго, М. А. Шингарева, А. И.—Курбатова, В. Я. Милюкова, П. Н.—Карѣева, Н. И. Бехтерева, В. М.—Знаменскаго, С. Ф. Стрѣльцова, Р. Е. Шишкиной-Явейнъ, П. Н.

Ц. 1 р. 25 к.

РОССІЯ, ЦАРЬ-ГРАДЪ И ПРОЛИВЫ.

Матеріалы и извлечснія.

Подъ редакціей и съ предисловіемъ Р. Стрѣльцова.

Въ книгѣ собрано все важнѣйшее, что было высказано по вопросу о Царь-градѣ и проливахъ выдающимися писателями различныхъ направленій (Данилевскій, Достоевскій, Жуковскій, Куропаткинъ, Леонтьевъ и др.). Книга можетъ служить исчерпывающимъ источникомъ для всестороняго—историческаго, культурнаго и политическаго—изученія вопроса. Примѣчанія и предисловіе редактора характеризируютъ современную постановку проблемы. Ц. 1 р. 50 к.

МЫ ПОМНИМЪ ПОЛЬШУ.

Литературно-художественный сборникъ

подъ редакціей М. Моравской. Ц. 1 р.

МЕМУАРЫ ГРАФИНИ ПОТОЦКОЙ . . . . . 2 р. —
ЗАПИСКИ П. Е. АННЕНКОВОЙ. . . . . 1 р. 50 к.

КН-ВО «ПРОМЕТЕЙ», ПЕТРОГРАДЪ,
Поварской, 10.

КЕЛЛЕРМАНЪ

Т. 1. Идіотъ. . . . . 1. 50.
Т. 2. Море . . . . . 1 р.
Т. 3. Ингеборгъ. . . . . 1 р.
Т. 4. Туннель. . . . . 1. 50.

УПТОНЪ СИНКЛЕРЪ

Т. 1. Испытанія любви. 1. 50.
Т. 2. Джунгли. . . . . 1 р.
Т. 3. Деньги. . . . . 1 р.
Т. 4. Царь Мидасъ . . 1. 25.
Т. 5. Сильвія. . . . . .

Художественный переплетъ по 50 к. за томъ.

ДЖЭКЪ ЛОНДОНЪ

Съ предисловіемъ Леонида Андреева.

Т. 1. Морской волкъ . 1. 25.
Т. 2. Обреченные. . . . 1 р.
Т. 3. Вѣра въ человѣка 1 р.
Т. 4. Приключенія патруля. . . . . 1 р.
Т. 5. Сынъ Волка. Лунный ликъ. . . 1 р.
Т. 6. Голосъ крови. . . 1 р.
Т. 7. Сынъ Солнца. . . 1. 25.
Т. 8. Дочь Снѣговъ . . 1 р.
Т. 9. Бѣлый Клыкъ. . . 1 р.
Т. 10. Мартинъ Идэнъ. 1. 50
Т. 11. До Адама. . . . 1 р.
Т. 12. Приключеніе. . . 1. 25.
Т. 13. Когда боги смѣются . . . . 1 р.
Т. 14. Любовь къ жизни. 1 р.
Т. 15. Мои скитанія. . 1 р.
Т. 16. Дѣти тропиковъ. 1 р.
Т. 17. Лунная долина. 1 р.
Т. 18. Путешествіе на „Ослѣпительномъ„

Художественный переплетъ по 50 к. за томъ.

Книги высылаются наложеннымъ платежомъ. Каталогъ безплатно.

Ц. 1 р. 25 к.